ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 4(17), 2021

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор
кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора
кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

тел. (4752) 63 10 19; *e-mail: tstu@admin.tstu.ru*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

тел.: (4752) 63 03 84; *e-mail: pravo_red@list.ru*

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

Подписано в печать 30.11.2021. Дата выхода в свет 28.12.2021.
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 13,83. Уч.-изд. л. 13,22.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 044.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2021
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2021

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Аль Махмед Гани Этайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан *e-mail: Ganiatia@inbox.ru*
Андрияшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления *e-mail: andryiashkomv@mail.ru*
Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право» *e-mail: vgbaev@gmail.com*
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права» *e-mail: gberg@yandex.ru*
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок» *e-mail: bykov_vm@mail.ru*
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования *e-mail: profglushkov@mail.ru*
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума *e-mail: ludmilagr@mail.ru*
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека» *e-mail: temp17@rambler.ru*
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» *e-mail: kandydat1@yandex.ru*
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право» *e-mail: irina_77707@list.ru*
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» *e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru*
Комкова Галина Николаевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», декан юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права *e-mail: komkova_galina@mail.ru*
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Международное право» *e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru*
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» *e-mail: lavriktan@mail.ru*

Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой конституционного права *e-mail: Lipchan_maria@mail.ru*
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса *e-mail: n.manova@mail.ru*
Милушева Татьяна Владимировна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», заведующий кафедрой гражданского права и процесса *e-mail: mtv62@mail.ru*
Мунам Замиль Салям	канд. экон. наук профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления *e-mail: S_samer@mail.ru*
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», проректор по научно-инновационной деятельности *e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru*
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» *e-mail: pravo@admin.tstu.ru*
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института *e-mail: elenaorlowa@yandex.ru*
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета *e-mail: osokinr@mail.ru*
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов *e-mail: pamtambov@yandex.ru*
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» *e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru*
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник *e-mail: svrybakova@mail.ru*
Савин Константин Николаевич	д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор	Ассоциация «Жилищно-коммунальное хозяйство-68», президент *e-mail*: *kon-savin@yandex.ru*
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» *e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru*
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государствоведение» *e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru*
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право» *e-mail: tikhnvaele@rambler.ru*
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор кафедры «Теория и история права» *e-mail: atumanova@hse.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ирошников Д. В. Эволюция идеи о безопасности как правовой категории в истории учений о праве и государстве (с древнейших времен до начала XX века) 7

Клименко Е. П. Особенности привлечения заключенных к погрузочно-разгрузочным работам в торговых портах Российской империи начала XX века..... 24

Лапаева А. В. К истории вопроса института брачного договора в отечественном и зарубежном законодательстве 30

Лафитский В. И. Путь правоведа в эпоху перемен..... 38

Максимова И. М. Правовой обычай как источник права: исторический и теоретический аспекты 59

Петров А. Я. Профессиональное образование и право в СССР (70-е гг. XX столетия)..... 65

Протасова О. Л., Бикбаева Э. В. Трудовая группа и ее место в политико-правовой системе России (1906 – 1917 гг.) 75

Протасова О. Л., Пирожкова И. Г. Народные социалисты во Временном правительстве (1917 г.)..... 91

Чупилкина А. Ф. Генезис социального государства: критерии периодизации 110

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Желудков М. А., Ковалевский В. Е. Критический взгляд на теорию самоактуализации с позиции анализа системных потребностей личности корыстного преступника 119

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Кораев К. Б. Презумпции добросовестности предпринимателя как основополагающий конституционный принцип законотворческой деятельности государства 128

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Измалков А. В., Кузнецов А. А., Кузнецов П. А., Кузьменко Э. Ю. Особенности правового положения самозанятых граждан 136

Фролов С. А., Портнов М. А. Влияние закона RICO на борьбу с организованными преступными группировками в США во второй половине XX века..... 148

Шиндина А. В. Некоторые вопросы реализации делегированного законодательства как способа совершенствования действующего законодательства 153

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Iroshnikov D. V. The Evolution of the Idea of Security as a Legal Category in the History of the Teachings of Law and the State (from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century)..... 7

Klimenko E. P. Features of Attracting Prisoners to Loading and Unloading Operations in the Trading Ports of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century..... 24

Lapaeva A. V. On the History of the Marriage Contract in Domestic and Foreign Legislation..... 30

Lafitsky V. I. The Path of a Lawyer in the Time of Changes..... 38

Maksimova I. M. Legal Convention as a Source of Law: Historical and Theoretical Aspects..... 59

Petrov A. Ya. Professional Education and Law in the USSR (1970s)..... 65

Protasova O. L., Bikbaeva E. V. Labor Group and its Place in the Political System of Russia (1906 – 1917)..... 75

Protasova O. L., Pirozhkova I. G. People's Socialists in the Interim Government (1917)..... 91

Chupilkina A. F. The Genesis of the Welfare State: Criteria for Periodization..... 110

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Zheludkov M. A., Kovalevsky V. E. A Critical View of the Theory of Self-Actualization through the Analysis of Basic Needs of a Self-Serving Criminal..... 119

CIVIL AND FAMILY LAW

Koraev K. B. Presumptions of Good Faith of an Entrepreneur as a Fundamental Constitutional Principle of the State's Legislative Activity..... 128

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Izmalkov A. V., Kuznetsov A. A., Kuznetsov P. A., Kuzmenko E. Yu. Features of the Legal Status Self-Employed Citizens..... 136

Frolov S. A., Portnov M. A. The Impact of the RICO Law on the Fight against Organized Crime in the United States in the Second Half of the Twentieth Century..... 148

Shindina A. V. Some Issues of the Implementation of Delegated Legislation as a Way to Improve the Current Legislation..... 153

УДК 340.12 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.007-023

Исследована эволюция идеи о безопасности как о правовой категории в истории учений о праве и государстве, в том числе вопросы о соотношении безопасности и таких сущностных элементов права, как свобода, равенство и справедливость. Использована классическая периодизация исследования, предусматривающая деление истории на древний, средний, новый и новейший периоды. По каждому периоду сделаны обобщающие выводы, характеризующие совокупные достижения мыслителей в рассматриваемой сфере. Проведенное исследование показывает, что безопасность традиционно трактовалась мыслителями как правовое явление, исследовалась во взаимосвязи с правом и правовыми категориями – свободой, равенством, справедливостью, правопорядком и пр. Систематическое обобщение идей о безопасности в ее соотношении с правом позволяет сделать вывод о безопасности как о правовой категории, правовой ценности.

Ключевые слова: безопасность; право; равенство; свобода; справедливость; учение о праве.

Денис Владимирович Ирошников, *канд. юрид. наук, доцент, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия; dv-iroshnikov@mail.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ О БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ В ИСТОРИИ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)

Введение. Категория «безопасность» весьма многогранна, а важность и значимость проблематики безопасности для человека и общества сложно переоценить. В этой связи философы, правоведы, политологи, социологи и другие мыслители на протяжении тысячелетий в своих трудах затрагивали проблемы безопасности в самых различных аспектах. Сегодня комплексному исследованию отражения идеи о безопасности в истории учений о праве и государстве можно посвятить отдельное исследование монографического характера, поэтому при проведении подобных изысканий целесообразно определить их методологические рамки, дабы не «утонуть» в характеристике многочисленных трактатов, потеряв конкретную исследовательскую линию.

В данной статье рассмотрены лишь те аспекты исследований безопасности в учениях о государстве, праве, политике и обществе, которые прямо коррелируют с изучением безопасности как правовой категории в ее взаимосвязи с правом, а также его элементами (свобода, равенство и спра-

ведливость). При этом представляется обоснованным использование предложенной еще гуманистами эпохи Возрождения и пользующейся широкой популярностью по сей день [14, с. 122 – 130] классической периодизации исследования, предусматривающей деление истории на древний, средний, новый и новейший периоды.

Идеи о безопасности в трудах древних мыслителей. В тексте одного из древнейших правовых памятников – Законах Хаммурапи – в качестве главной заслуги правителя перед народом указывается, что он нашел «мирное обиталище», истребил врагов «вверху и внизу» (на севере и на юге) и «обеспечил жителям безопасность в их жилищах» [15, с. 40]. Речь идет об обеспечении внешней и внутренней безопасности в государстве как первоначальной основы для его суверенности и возможности установления законов. Толкование Законов Хаммурапи дало основание академику Б. А. Тураеву сделать вывод об обеспечении в Вавилоне права на личную безопасность [43, с. 214], что, несомненно, весьма прогрессивно для государства того времени.

Как известно, истоки политической и правовой мысли содержались в продуктах мифотворчества древних народов. В частности, в мифах Древней Греции можно найти первые отражения представлений людей о праве, справедливости, свободе и безопасности. В древнегреческих мифах источниками власти являлись боги, каждый из которых отвечал за какую-либо сферу общественной жизни (война, земледелие, охота и т.п.).

До сегодняшнего дня из древнегреческих мифов дошло отождествление права (юриспруденции, справедливости, правосудия) с древнегреческой богиней Фемидой (в римской мифологии Юстицией), изображение которой утвердилось в общественном сознании как нечто юридическое, связанное, прежде всего, с судебной системой. В древнегреческой мифологии Фемида была богиней права, законного порядка и правосудия. При этом согласно мифу одним из известных ее деяний стало восстановление рода человеческого [13, с. 105]. Поскольку для человека, как для любого биологического существа, главная цель существования – продолжение рода, получается, что Фемида спасла человечество от главнейшей на тот момент опасности – прерывания рода. В этой связи можно считать Фемиду не только богиней правопорядка и правосудия, но и даровательницей человеческому роду безопасности.

О безопасности человека и общества, ее взаимосвязи с государством и правом мыслители дискутировали еще на заре политико-правовой мысли. Платон, Аристотель, Эпикур, Цицерон и другие древние философы заложили первооснову философского понимания безопасности как одной из важнейших философских проблем человека и человечества.

Платон в своих трудах сформулировал понимание государственной безопасности и территориальной целостности государства как фундамента государственного устройства, основанного на правовом порядке [35, с. 130 – 138]. Обращение Платона к проблемам безопасности определило серьезную базу для ее изучения на тысячелетия вперед.

Современник Платона афинский ритор и политический мыслитель Исократ в своих политических речах о гостеприимстве для иностранцев призывал сделать для них государство безопасным [24, с. 51], что говорит

о понимании основ безопасности личности во взаимосвязи с правовым статусом иностранцев.

Ученик Платона Аристотель в труде «Политика» к условиям обеспечения безопасности государства относит устройство законосовещательной власти на принципах демократии и выборности. Следует отметить выявленную Аристотелем зависимость угроз безопасности от политического режима. Так, например, философ, сравнивая демократический строй с олигархическим, признавал более безопасным первый, поскольку он «реже влечет за собой внутренние распри» [5, с. 600].

Известный древнеримский мыслитель и государственный деятель Цицерон о безопасности как о главном стремлении живых существ писал: «Прежде всего, каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, избегать всего того, что кажется вредоносным» [45, с. 131]. В книге «О государстве» мыслитель указывал на необходимость охраны собственников земли и в целом обеспечения государственной безопасности именно посредством правовой составляющей [3, с. 220 – 225].

Древнекитайский мыслитель Шан Ян, который считается основоположником легизма, в труде «Книга правителя области Шан» писал о необходимости превентивных мер при противодействии беспорядкам как угрозе безопасности государства. Он писал, что «наводить порядок в стране следует еще до того, как вспыхнут беспорядки». При этом основным средством недопущения беспорядков и обеспечения безопасности Шан Ян считал наказание [33, с. 163 – 165]. Как известно, учение Шан Яна, в том числе о безопасности, способствовало преодолению раздробленности и объединению Древнего Китая в Империю Цинь.

В древнеиндийском памятнике политико-правовой мысли «Артхашастре» безопасность рассматривалась как основная функция государства и основное государственное дело, неразрывно связанное с обеспечением правопорядка и государственного надзора за должностными лицами [6, с. 368], что послужило первоосновой для понимания древними индусами соотношения безопасности и права.

Анализ идей древних мыслителей показывает, как с появлением первых государств вопросы их безопасности в соотношении с правовой организацией общественной жизни и правопорядком становились предметом философской мысли. Представления древних мыслителей о безопасности эволюционировали параллельно с учениями о государстве, праве и демократии.

Вопросы безопасности в учениях мыслителей Средневековья. Западноевропейские средневековые учения, как известно, находились под огромным влиянием римской католической церкви, поскольку христианская религия была фундаментом мировоззрения западного феодального общества. В этой связи вопросы спасения (и безопасности) рассматривались сквозь призму созданного Богом государства и права (Августин Блаженный [1, с. 30 – 70], Ф. Аквинский [2, с. 233 – 243]).

На Арабском Востоке проблемы, связанные с безопасностью, решались мыслителями в контексте необходимости защиты государства и его народа имамом [8, с. 146].

Средневековые представления о праве и безопасности в отечественной политико-правовой мысли были представлены в «Поучении» потомкам, которое было написано Владимиром Мономахом и в котором киевский князь ставит вопрос об укреплении порядка в государстве и его безопасности путем установления законности и справедливости [4, с. 43 – 47].

Таким образом, средневековые представления о безопасности были тесно связаны с религией: с христианством – на Западе, с исламом – на Востоке. В этой связи вопросы безопасности были восприняты, прежде всего, в религиозном ключе.

Право и безопасность в трудах мыслителей Нового времени. Наиболее детальную разработку учения о безопасности получили в трудах мыслителей Нового времени. Эволюция этих учений шла параллельно с изменением подходов к пониманию государства в его взаимоотношениях с личностью и обществом. По мнению А. И. Сидоркина, эпоха Нового времени ознаменовала собой качественный переход осмысления безопасности из обыденности и практицизма в научную плоскость, чему способствовало стремительное развитие науки и техники в этот период времени [38, с. 30–31].

Флорентийский мыслитель Н. Макиавелли, перешагнувший со своими идеями из Средневековья в Новое время, ввел в политический оборот понятие «государство» и определил условия государственной безопасности, о внутреннем и внешнем аспектах которой он писал следующее: «Государя подстерегают две опасности: одна изнутри или со стороны подданных, другая извне – от сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то внутри сохранится мир при условии, что его не нарушат тайные заговоры» [30, с. 46]. Причины возникновения государства флорентийский мыслитель выводит также из естественной потребности людей в безопасности и из гарантии частной собственности, которые он называет благами свободы [39, с. 15].

Английский философ Т. Гоббс в трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» писал, что «цель государства – главным образом обеспечение безопасности» [11, с. 40]. По Гоббсу, от природы люди любят свободу и господство над другими, но забота о самосохранении и о более благоприятной жизни, то есть о безопасности, заставляет их, живущих в государстве, накладывать на себя узы [20, с. 40].

Нидерландский мыслитель Б. Спиноза, развивая идею Гоббса об обеспечении безопасности поданных как главной цели государства, отмечал, что эта цель «заключается не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно» [42, с. 350].

Английский философ Дж. Локк в известном труде «Два трактата о правлении», рассматривая безопасность в контексте реализации прав человека и естественных законов, увидел основы всеобщей безопасности в том, чтобы «удержать всех людей от посягательства на права других и от нанесения ущерба друг другу и соблюдать законы природы, которые требуют мира и сохранения всего человечества» [29, с. 265].

Идея о безопасности как основной цели людей при объединении в государства и следовательно как основной цели государства получила широкое распространение в рассматриваемый период. Ее, в частности, развивали, Ш.-Л. Монтескье [32, с. 289], Ж.-Ж. Руссо [37, с. 160] и другие мыслители, в том числе отечественные [26, с. 52 – 54].

Итальянский юрист Ч. Беккариа в книге «О преступлениях и наказаниях» писал о том, что суверен должен обеспечить людям общее благо – безопасность и справедливость. Рассуждая об идее законного общества, мыслитель отмечал, что посягательства на безопасность и свободу граждан являются одним из тяжких преступлений [7, с. 84]. Тем самым Беккариа сопоставил безопасность и законность с понятием преступления.

У. Блэкстон в фундаментальном труде «Истолкования аглинских законов» писал о праве личной безопасности, которое состоит в том, что «человек пользуется законно и невозбранно жизнью своею, членами тела, имением, здравием и честью» [9, с. 334]. Ученый подробно анализирует выделенные им объекты безопасности личности, а именно жизнь, части тела, здоровье и честь. Особое внимание уделяется вопросам назначения смертной казни в различных государствах, обязательному и неукоснительному соблюдению закона при этом. У. Блэкстон отмечает, что «когда законами какого государства дана власть одному человеку или многим лишать человека жизни или некоторых членов [тела] по своему произволению, а не последуя или сообразуяся законам, то такое установление надлежит почитать пиратским» [9, с. 343]. О соотношении обеспечения безопасности и личной свободы Блэкстон пишет: «Колико не печется аглинской закон о безопасности людей, но не меньше старается он и об утверждении вольности каждого человека» [9, с. 346].

П. А. Гольбах, рассуждая о соотношении свободы и безопасности, писал: «Не следует преувеличивать опасности, с которой связана свобода мысли; те, кто обладает властью, должны понимать, что для государства не существует более реальной опасности, чем опасность посеять волнения и довести до отчаяния какую-либо часть граждан…» [12, с. 356]. Тем самым французский философ немецкого происхождения весьма прогрессивно видел в основе безопасности свободу мысли.

Немецкий экономист И. Г. Г. фон Юсти комплексно исследовал вопросы безопасности, в том числе ее соотношение с правом и законом, что для XVIII века было исключительным новаторством. Ученый делил безопасность государства на две части: наружную и внутреннюю [49, с. 56], при этом напрямую связывая вопросы безопасности народа с формой правления и, в частности, с разделением властей. Так, он отмечал, что народ только тогда может быть в безопасности, если все отрасли верховной власти не отданы в одни руки [49, с. 79].

Особое внимание в контексте настоящего исследования представляют взгляды Юсти на соотношение безопасности и права. Мыслитель отмечал, что свойственное конечное намерение как гражданских, так и наказательных законов состоит в безопасности гражданина [49, с. 358], при этом гражданские законы основаны на намерениях регулировать отношения граждан в их собственности, правах, свободе и безопасности [49, с. 258].

О соотношении безопасности и прав человека Юсти писал, что законы устремляются на то, чтобы доставить безопасность правам и вольностям граждан от неосновательных притяжений [49, с. 359]. Иными словами, права и свободы человека должны быть в безопасности, а их реализация – охраняться законом.

И. Г. Г. Юсти, анализируя соотношение безопасности и преступления, отмечал, что государство не должно признавать никаких других преступлений, кроме имеющих вредоносное влияние на покой, безопасность и общее благо гражданского общества [49, с. 366]. Таким образом, безопасность рассматривалась им как важнейший объект преступления.

Весьма перспективными можно назвать взгляды Юсти на безопасность как неотъемлемый элемент закона. В развитии этой мысли он отмечал, что если закон не уважает безопасность, он имеет «начальное повреждение» [49, с. 383].

Идея о безопасности во взаимосвязи с естественными правами человека, сформулированная на Европейском континенте, была заимствована американскими мыслителями периода становления независимого государства: в своих трудах они нередко ссылались на европейских ученых – идеологов буржуазных революций.

В первую очередь следует остановиться на заключенном прибывшими на американский континент английскими колониалистами в 1620 году Мейфлауэрском соглашении, в тексте которого есть следующие строки: «*Настоящим торжественно и взаимно перед лицом бога объединяемся в гражданский политический организм для поддержания среди нас лучшего порядка и безопасности* (*выделено авт. – Д. И.*)*, а также для достижения вышеуказанных целей, а в силу этого мы будем создавать и формировать такие справедливые и одинаковые для всех законы, ордонансы, акты, установления и учреждения…*» [50, с. 90]. Таким образом, законы нового государства было изначально решено издавать исходя из принципа безопасности. Документ по праву считается важным первоисточником американской конституционной истории. Нередко его рассматривают как пример общественного договора об образовании государства.

Один из авторов Декларации независимости США Т. Джефферсон отмечал в качестве конституционных ценностей, на основании которых должна быть построена федерация, «мир, справедливость, свободу, всеобщую безопасность и всеобщее благосостояние» [16, с. 54].

Декларация независимости Вирджинии 1776 года содержала положение, согласно которому среди естественных и неотъемлемых прав людей, которые они, вступая в состояние общества, никаким договором не могут себя лишить, есть стремление к счастью и безопасности [51]. Данное положение с некоторыми изменениями было воспринято Декларацией независимости США [40, с. 25].

Следует отметить, что идея о безопасности как о естественном и неотчуждаемом праве не только отразилась в трудах американских мыслителей и государственных деятелей, но и была положена в основу основополагающих конституционных актов США [31, с. 95 – 150].

В XVIII веке идея безопасности активно проникает и в русскую правовую мысль. Отечественными мыслителями проблемы безопасности бы-

ли сформулированы в рамках концепции «общего блага». Не следует забывать, однако, что российское воплощение данной идеи существенно отличается от европейского. Так, по справедливому замечанию В. В. Лапаевой, в России в трактовке общего блага доминировал не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось как некое высшее, господствующее над индивидом начало [27, с. 302].

Стремясь к реализации концепции «общего блага» и осознавая важность и значимость безопасности для государства и общества, Петр I в Манифесте о вызове иностранцев в Россию в 1702 году обещал стремиться к установлению общего блага и в том числе – обеспечению безопасности и стабильности в обществе (Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 4. С. 192 – 195.). Таким образом, безопасность становилась российской правовой ценностью. Можно констатировать, что именно в Петровскую эпоху категория «безопасность» начала фигурировать в политико-правовых сочинениях.

Отечественные мыслители XVIII века в своих трудах нередко высказывались о безопасности во взаимосвязи с государством и правом. Так, например, Д. И. Фонвизин в интереснейшей работе «Рассуждение о непременных государственных законах» пишет, что «истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находятся в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности» [44, с. 238]. Автор подчеркивает особую связь права и безопасности следующей фразой: «Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных» [44, с. 239]. Фактически в данном труде Фонвизина присутствуют такие прогрессивные и для сегодняшнего дня идеи, как идея национальной безопасности, государственного суверенитета, устойчивого развития и скрепляющего все это верховенства права.

Вслед за Т. Джефферсоном и иными американскими борцами за независимость писатель, философ и противник самодержавия А. Н. Радищев размышлял о законе как об основе общего блага и о гаранте естественных прав человека, среди которых упоминается и «общая безопасность» [36, с. 455 – 456].

По мнению М. М. Сперанского, законность есть правовая гарантия безопасности личности и собственности. Реформатор понимает общественную безопасность как «сохранение вещей в том порядке, в каком они поставлены законом» [19, с. 2], тем самым отождествляя безопасность с правопорядком.

В XIX веке концепция соотношения безопасности и права получила достаточно детальную разработку, прежде всего, в трудах английского социолога, философа и юриста И. Бентама, который называл заботу о безопасности главным предметом законов и целью законодательства [22, с. 324]. Счастье как цель законов, по мнению мыслителя, складывается из четырех составляющих: средства к существованию, довольство, равенство и безопасность [22, с. 322]. Касаясь видов безопасности, он писал, что безопасность допускает столько же подразделений, сколько существу-

ет различных родов действий, которые ее нарушают. Она может иметь своим предметом личность, честь, собственность, состояние [22, с. 322].

Для философско-правового понимания безопасности представляет интерес соотношение в концепции Бентама безопасности, с одной стороны, и равенства, и свободы – с другой. При конфликте равенства и безопасности мыслитель отдавал приоритет последней: «При столкновении между равенством и безопасностью колебание невозможно: равенство должно уступить» [22, с. 345].

Говоря о соотношении свободы и безопасности, Бентам подчеркивал, что для безопасности каждого индивидуума может быть сделано ограничение в свободе всякого другого [22, с. 290]. По мнению ученого, может показаться странным, что мы не поместили свободу в числе главных целей закона. Для ясности понятий ее необходимо рассматривать как отрасль безопасности. Личная свобода есть безопасность от всякого рода обид, касающихся лица; политическая свобода – другая отрасль безопасности от несправедливости со стороны правительственных лиц [22, с. 323]. Изложенное дает ясно понять вопрос приоритета безопасности по отношению к свободе и равенству во взглядах Бентама.

Раскрывая предложенный им принцип безопасности, Бентам писал, что недостаточно оградить человека от утрат в настоящем, необходимо также оградить его от утрат в будущем, то есть согласно принципу безопасности закон должен гарантировать человеку реализацию тех ожиданий, которые породил данный закон [22, с. 335 – 337]. Иными словами, принцип безопасности заключается в стабильном законодательстве и противодействии угрозам. Из всех перечисленных целей закона безопасность есть единственная, которая должна распространяться на будущее время [22, с. 322–323]. Об остальном, по мнению мыслителя, можно заботиться лишь исходя из настоящего времени.

И. Бентам писал также о том, что необходимо различать идеальное совершенство безопасности и совершенство практически возможное: «Идеальное совершенство требует, чтобы ничего никогда ни у кого не отнималось. Практическое же совершенство вполне достигнуто, если не отнимается ничего, кроме того, что необходимо отнять для сохранения остального» [22, с. 349]. Автор называет это вычетом из безопасности, утверждая, что необходимость таких вычетов очевидна. Этим ученый оправдывал налоги, сборы и иные издержки (в том числе страховые), которые необходимо жертвовать на безопасность.

И. Бентам как сторонник утилитаризма и противник идеи естественных прав человека отмечал, что ограждение индивидуума от страданий обеспечивается правительством путем установления прав: личной безопасности, чести, собственности, права на получение помощи в случае нужды [22, с. 321]. Таким образом, право на безопасность он выделял аналогично представителям естественно-правовой теории, однако считал это право установленным государством.

Заслуживают внимания разработанные Бентамом вопросы теории вреда: его понятия, признаков, сущности и соотношения с безопасностью. Так, мыслитель рассматривает угрозу безопасности как один из обязательных признаков вреда [22, с. 141].

Подобно Ч. Беккариа, Бентам увязывает ущерб для безопасности с пониманием преступления [22, с. 322], а также размышляет о безопасности как цели уголовного наказания [22, с. 165].

Весьма перспективна мысль И. Бентама о соотношении обмана и безопасности, так как, по его мнению, истина необходима для нормального существования [22, с. 155–156].

Согласно И. Бентаму, счастье отдельных лиц, из которых состоит общество, то есть их удовольствия и их безопасность, есть единственная цель, которую должен иметь в виду законодатель [22, с. 22].

Важный вклад был сделан Бентамом в теорию имущественной безопасности и правовой защиты собственности. По отношению к собственности безопасность состоит в том, чтобы возбужденные законом ожидания пользоваться известной частью благ не подвергались никаким нарушениям, никакому посягательству [22, с. 339]. Нужно сказать, что Бентам рассматривал страхование как правовой инструмент безопасности от случайных бедствий [22, с. 537].

Принято считать, что в своих концепциях Бентам опередил время. Проведенный анализ его фундаментального труда на предмет понимания мыслителем вопросов безопасности еще раз наглядно демонстрирует это. Некоторые идеи, выдвинутые ученым, остаются не только актуальными, но и перспективными для нынешней юридической науки, и требуют глубокого научного анализа.

Современник И. Бентама отечественный философ и правовед П. Д. Лодий немало внимания уделял вопросам безопасности и ее соотношения с правом. В первую очередь он изложил теоретические основы безопасности, начав с понятия: «Безопасность – такое состояние людей, в котором не угрожает им никакое зло» [28, с. 2]. В качестве видов безопасности мыслитель различал безопасность внутреннюю и внешнюю, общую и частную [28, с. 2].

Подобно Руссо, Монтескье и другим западным мыслителям, Лодий отмечал, что одна только безопасность побуждает людей вступить в государство. Другие цели только «второначальные» и «частные» [28, с. 11]. На поставленный для себя вопрос: «Цель государства есть свобода или безопасность?» – он отвечал: кто ищет безопасности прав, тот действительно посредством безопасности старается достигнуть правомерной и законной свободы [28, с. 16]. В этом ответе можно прочитать мысль правоведа, отражающую соотношение безопасности, права и свободы.

Характеризуя соотношение права и безопасности, Лодий отмечал, что всеобщее государственное право занимается выделением и изложением таких законов и оснований, коими достигается и утверждается безопасность государств и благоденствие народов [28, с. 7]. Основной или коренной закон всеобщего государственного права – способствовать достижению безопасности [28, с. 40].

Важное значение имеет понимание Лодием безопасности как основания для реализации прав человека [28, с. 22]. Анализ его сочинения свидетельствует о том, что в отечественной юридической науке к середине XIX века сложилось достаточно глубокое понимание вопросов безопасности.

Российский революционер П. И. Пестель в качестве цели гражданского общества видел благоденствие, в состав которого включал безопасность и благосостояние [34, с. 7]. Декабрист раскрывает и анализирует понятие безопасности личности и правовых средств его обеспечения.

Представитель реалистической школы права Р. Иеринг в книге «Борьба за право» отмечал, что поддержание необходимого для безопасности правопорядка есть борьба против беззакония [21, с. 37], тем самым выражая в этой формуле соотношение правопорядка, закона и безопасности.

Английский философ и социолог Г. Спенсер отмечал закономерность, согласно которой при улучшении социальной организации государство, отходя от поощрения кровной мести, берет на себя обязанность обеспечить личную безопасность индивидов. Эту закономерность он связывает с широким распространением естественного права [41, с. 38].

Начало XX века ознаменовало новые походы к соотношению права, безопасности и правопорядка у отечественных мыслителей.

Отечественный правовед Б. Н. Чичерин на рубеже веков в «Философии права» пришел к выводу, что «при всяком сожительстве людей необходимы общие правила, охраняющие порядок, безопасность и удобства жизни» [46, с. 131]. Это можно назвать первоосновой философского понимания безопасности как необходимой правовой ценности.

Г. Ф. Шершеневич отмечал, что в основе социальных норм лежит одна основная идея – самосохранения [47, с. 96]. В развитие данной мысли ученый отмечал, что личная неприкосновенность и безопасность «составляют ближайший интерес общежития» и поэтому данные интересы защищаются публичным правом [48, с. 540].

Г. Еллинек, глубоко анализируя социальную природу зарождения угроз безопасности, пришел к выводу о том, что «забота о безопасности правовых благ требует неусыпных мер против опустошительного распространения социальной болезни, в какой бы форме последняя не проявлялась» [17, с. 88]. Эти мысли впоследствии легли в основу правовых мер профилактики угроз безопасности в контексте противодействия глубоким причинам этих угроз. О том же противодействии «социальных болезней» идет речь в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2021 году.

П. Г. Виноградов в «Очерках по теории права» подчеркивал, что требования безопасности жизни и физической неприкосновенности человека, предъявляемые к государству, есть первые требования в силу своего права [10, с. 74]. Тем самым была проведена параллель с субъективным правом на безопасность.

Эпоха Нового времени с присущим ей развитием политико-правовой мысли породила целый ряд значимых концепций соотношения права и безопасности, среди которых можно выделить:

1) осмысление вопросов соотношения безопасности и права в контексте свободы, равенства и справедливости;

2) обоснование права на безопасность в качестве естественного и неотчуждаемого права человека;

3) рассмотрение безопасности в качестве причины объединения людей в государство и его главной функции и, как следствие, – главной цели законов;

4) выявление взаимосвязи между верховенством закона, правопорядком и безопасностью;

5) видение нарушения безопасности как необходимого признака преступного деяния;

6) постановка вопроса об имущественной безопасности и безопасности собственности;

7) изучение правовых средств обеспечения безопасности, в том числе противодействие угрозам, страхование и пр.

Проблема соотношения права и безопасности в Новейшее время. Русский философ и публицист И. А. Ильин, утверждая, что значение и назначение государства есть поиск внутреннего порядка и внешней безопасности, приходит к выводу о главной роли права в осуществлении своей первой задачи – установления правопорядка, гарантирующего безопасность [23, с. 131].

Вопросы безопасности в соотношении с правопорядком были разработаны в трудах одного из основоположников нормативистской школы права Г. Кельзена, который в «Чистом учении о праве» уделял особое место категории «коллективная безопасность». Ученый отмечал, что «право – это порядок принуждения, и уже как принудительный порядок – в зависимости от стадии своего развития – это порядок безопасности, т.е. порядок мира» [25, с. 54]. По Кельзену, правопорядок гарантирует коллективную безопасность [25, с. 53]. Высшего уровня коллективной безопасности, по мнению мыслителя, можно достигнуть, когда правопорядок утверждает суды с исключительной компетенцией, а централизованные исполнительные органы располагают средствами принуждения настолько, чтобы сделать сопротивление безнадежным [25, с. 54].

Г. Кельзен рассматривал безопасность как функцию, присущую любому принудительному порядку, обозначаемому словом «право» [25, с. 56]. В состоянии безопасности, которое обеспечивает правопорядок, ученый видел справедливость [25, с. 484].

Поскольку юридический позитивизм получил воплощение в доктрине социалистического общенародного государства [18, с. 164], идеи коллективной безопасности Кельзена, основанные в первую очередь на принуждении, были восприняты и отражены идеологами социалистического государства и права.

Мыслители эпохи Новейшего времени, опираясь на политико-правовые труды предшественников, внесли свой вклад в осмысление практической деятельности по обеспечению безопасности правовыми средствами. Эти труды предопределили последующее развитие концепций безопасности в XX веке.

Заключение. История политико-правовой мысли накопила богатый опыт понимания феномена безопасности в его взаимосвязи с правом и правовыми явлениями. Проведенное исследование показывает, что безопасность традиционно трактовалась мыслителями как правовое явление, исследовалась во взаимосвязи с правом и правовыми категориями – свободой, равенством, справедливостью, правопорядком и пр. Систематическое обобщение идей о безопасности в ее соотношении с правом позволяет сделать вывод о безопасности как о правовой категории, правовой ценности.

Список литературы

1. **Августин Блаженный Аврелий.** Проповеди блаженного Августина: (доб. к кн.: «Блаженный Августин, как проповедник») / пер. с лат. прот. Дмитрий Садовский. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1913. Т. 228.

2. **Аквинский Ф.** О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI – XVII вв.): сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-е; под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. Л.: Наука: Ленингр. отд-е, 1990.

3. **Антология** мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античность. Восточные цивилизации / отв. ред. Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. 749 с.

4. **Антология** мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 4: Россия XI – XIX вв. / отв. ред. Е. А. Скрипелев. М.: Мысль, 1999. 812 с.

5. **Аристотель.** Сочинения: в 4 т. Т. 4. Политика / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; примеч. В. В. Бибихина и др.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

6. **Артхашастра**, или «Наука политики»: пер. с санскрита. М.: Ладомир: Наука, 1993. 793 с.

7. **Беккариа Ч.** О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. А. Хрущова. Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова, 1806. 200 с.

8. **Берг Л.В.Х. ван ден.** Основные начала мусульманского права, согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии / пер. со 2-го просм. изд. проф. В. Гиргас. Санкт-Петербург: Тип. Г. Шахт и К°, 1882. 214 с.

9. **Блэкстон У.** Истолкования аглинских законов г. Блакстона / Переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; с подлинника аглинскаго; пер. С. Е. Десницкого при участии А. М. Брянцева. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1780 – 1782. Кн. 1. 1780. 374 с.

10. **Виноградов П. Г.** Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. и с биогр. очерком У. Э. Батлера, В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 279 с.

11. **Гоббс Т.** Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.

12. **Гольбах П. А.** Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления: пер. с фр. / под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Соцэкгиз, 1963. 562 с.

13. **Грейвз Р.** Мифы Древней Греции = The greek myths / пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Прогресс-Традиция, 1992. Кн. 1. 430 с.; Кн. 2. 446 с.

14. **Гросул В. Я.** О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122 – 139.

15. **Гусаков А. Г.** Законы царя Хаммураби. Санкт-Петербург.: Типо-лит. Шредера, 1904. 44 с.

16. **Джефферсон Т.** Автобиография. Заметки о штате Виргиния / сост., общ. ред. А. А. Фурсенко; пер. В. М. Большакова с участием В. Н. Плешкова; коммент. и указ. В.Н. Плешкова. Л.: Наука: Ленингр. отд-е, 1990. 314 с.

17. **Еллинек Г.** Социально-этическое значение права, неправды и наказания / пер. И. И. Власова со 2-го, просмотреннаго авт. изд., под ред. прив.-доц. А. А. Рождественскаго, с предисл. проф. П. И. Новгородцева. М.: Изд. Н. Н. Клочкова, 1910. 148 с.

18. **Желдыбина Т. А.** Об ограничительной роли юридического позитивизма // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 163 – 167.

19. **Сперанский М. М.** Записка М. М. Сперанского об устройстве судебных и правительственных учреждений в России 1803 г. Санкт-Петербург, 1901. 53 с.

20. **Зотова Л. В.** Безопасность народа и государства как главная политическая ценность в учении Томаса Гоббса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. 2003. № 4. С. 55 – 64.

21. **Иеринг Р.** Борьба за право: пер. с 13-го нем. изд. М.: Феникс, 1991. 63 с.

22. **Бентам И.** Избранные сочинения Иеремии Бентама / пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона А. Н. Пыпина, А. Н. Неведомского. Т. 1. Санкт-Петербург: Рус. книж. торговля, 1867. 678 с.

23. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Понятия права и силы (опыт методологического анализа). М.: Русская книга, 1994. 620 с.

24. **Исократ.** Политические речи Исократа афинского оратора и философа о должностях, как всякого человека, в отношении его приватного и гражданского состояния, так равно и особ царственных касательно благоденственного управления государством... / пер. с эллино-греч. И. Дмитревским, М. Дмитревским. М.: Тип. Смирнова, 1836. 100 с.

25. **Кельзен Г.** Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 540 с.

26. **Куницын А. П.** Право естественное. Сочиненное профессором Императорскаго лицея Александром Куницыным. Санкт-Петербург: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818 – 1820.

27. **Лапаева В. В.** Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. 577 с.

28. **Лодий П. Д.** Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве // Сочинения Петра Лодия. Санкт-Петербург: Тип. Деп. внеш. торг., 1828. 450 с.

29. **Локк Дж.** Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М.; Челябинск: Социум, 2014. 480 с.

30. **Макиавелли Н.** Государь: перевод. М.: Планета, 1990. 79 с.

31. **Миряшева Е. В.** Становление и развитие североамериканских штатов в период формирования американского федерализма: XVII – середина XX вв.: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 419 с.

32. **Монтескье Ш.-Л.** О духе законов / сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.

33. **Памятники** письменности Востока / пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л. С. Переломова. Т. 20: Книга правителя области Шан (Шанцзюнь шу) / Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока; пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л. С. Переломова. М.: Восточная лит.,1993. 390 с.

34. **Пестель П. И.** Русская Правда. Наказ временному Верховному правлению. Санкт-Петербург: Культура, 1906. 245 с.

35. **Платон.** Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Государство: пер. с древнегреч. / под общ. ред. С. С. Аверинцева и др.. М.: Мысль, 1994. 654 с.

36. **Радищев А. Н.** Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952. 672 с.

37. **Руссо Ж.-Ж.** Об Общественном договоре: трактаты: пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 414 с.

38. **Сидоркин А. И.** Отражение различия взглядов на безопасность в терминологии политико-правовой мысли // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 30 – 31.

39. **Симовонян В. А., Кордмюк Е. В.** Учение Н. Макиавелли о государстве и политике // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2007. № 44. С. 11 – 20.

40. **Соединенные Штаты Америки.** Конституция и законодательство: пер. с англ. / сост. В. И. Лафитский; под ред. О. А. Жидкова. М.: Прогресс: Универс, 1993. 765 с.

41. **Спенсер Г.** Личность и государство / пер. с англ. М. Н. Тимофеевой; под ред. В. В. Битнера. Санкт-Петербург: Вестник знания В. В. Битнера, 1908. 84 с.

42. **Спиноза Б.** Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 1. Богословско-политический трактат. М.: Мысль, 1997.

43. **Тураев Б.А.** Классический Восток: посмертный труд / под ред. и с прим. В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1924. 292 с.

44. **Фонвизин Д. И.** Избранные сочинения и письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1947. 299 с.

45. **Цицерон.** О старости, о дружбе, об обязанностях / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 526 с.

46. **Чичерин Б. Н.** Философия права. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.

47. **Шершеневич Г. Ф.** Философия права: Часть теоретическая. Общая теория права: в 4 т. Т. 1, вып. 1 – 4. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.

48. **Шершеневич Г. Ф.** Общая теория права. Т. 3–4. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910.

49. **Юсти И. Г. Г.** Существенное изображение естества народных обществ и всякаго рода законов / Сочиненное г. Юсти; с немецкаго на российской язык перевел Авраам Волков. М.: Печатано при Императорском Московском университете, 1770. 384 с.

50. **An American Primer** / ed by D. J. Boorstin. N.Y., 1968.

51. **Virginia** Declaration of Rights. URL: https://www.virginiadeclarationofrights.com/ (дата обращения: 10.09.2021).

References

1. **Avgustin Blazhennyy Avreliy. Dmitriy Sadovskiy (Trans.).** *Propovedi blazhennogo Avgustina: (dob. k kn.: "Blazhennyy Avgustin, kak propovednik")* [Sermons of Blessed Augustine: (add. To the book: "Blessed Augustine as a preacher")], Sergiyev Posad: Tip. Sv.-Troits. Sergiyevoy lavry, 1913, v. 228. (In Russ.).

2. **Akvinskiy F., Rutenburg V. I. and Medvedev I. P. (Eds.).** [On the rule of sovereigns], *Politicheskiye struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Yevrope (VI – XVII vv.): sb. st.* [Political structures of the era of feudalism in Western Europe (VI - XVII centuries): collection of articles], Leningrad: Nauka: Leningr. otd-ye, 1990. (In Russ.).

3. **Syukiyaynen L.R. (Ed.).** *Antologiya mirovoy pravovoy mysli* [Anthology of world legal thought], in 5 vols., v. 1: *Antichnost'. Vostochnyye tsivilizatsii* [Antiquity. Eastern civilizations], Moscow: Mysl', 1999, 749 p. (In Russ.).

4. **Skripelev Ye.A. (Ed.).** *Antologiya mirovoy pravovoy mysli* [Anthology of world legal thought], in 5 vols., v. 4: *Rossiya XI – XIX vv.* [Russia XI - XIX centuries], Moscow: Mysl', 1999, 812 p. (In Russ.).

5. **Aristotel'.** *Sochineniya* [Works], in 4 vols., v. 4, Moscow: Mysl', 1983, 830 p. (In Russ.).

6. ***Artkhashastra**, ili "Nauka politiki"* [Arthashastra, or "Science of Politics"], Moscow: Ladomir: Nauka, 1993, 793 p. (In Russ.).

7. **Bekkaria Ch., Khrushchov A. (Trans.).** *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments], St. Petersburg: Tip. I. Glazunova, 1806, 200 p. (In Russ.).

8. **Berg L.V.Kh. van den.** *Osnovnyye nachala musul'manskogo prava, soglasno ucheniyu imamov Abu Khanify i Shafii* [The basic principles of Muslim law, according to the teachings of the imams Abu Hanifa and Shafi'i], Trans. so 2-go prosm. izd. prof. V. Girgas. Sankt-Peterburg: Tip. G. Shakht i K°, 1882, 214 p. (In Russ.).

9. **Blekston U.** *Istolkovaniya aglinskikh zakonov g. Blakstona* [Interpretations of the Aghlin laws of the city of Blackstone], Moscow: Univ. tip. u N. Novikova, 1780-1782. Book 1, 1780, 374 p. (In Russ.).

10. **Vinogradov P.G.** *Ocherki po teorii prava. Rimskoye pravo v srednevekovoy Yevrope* [Essays on the theory of law. Roman law in medieval Europe], Moscow: Zertsalo, 2010, 279 p. (In Russ.).

11. **Gobbs T.** *Leviafan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or Matter, Form and Power of the Church and Civil State], Moscow: Sotsekgiz, 1936, 503 p. (In Russ.).

12. **Gol'bakh P.A.** *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]: in 2 vols., v. 2. *Yestestvennaya politika, ili Besedy ob istinnykh printsipakh upravleniya* [Natural politics, or Conversations on the true principles of management], Moscow: Sotsekgiz, 1963, 562 p. (In Russ.).

13. **Greyvz R. Luk'yanenko K. (Trans.).** The greek myths, Moscow: Progress-Traditsiya, 1992, Book 1, 430 p.; Book 2, 446 p. (In Russ.).

14. **Grosul V.Ya.** [On the periodization of world and national history], *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2007, no. 3, pp. 122-139. (In Russ.).

15. **Gusakov A.G.** *Zakony tsarya Khammurabi* [Laws of King Hammurabi], Sankt-Peterburg: Tipo-lit. Shredera, 1904, 44 p. (In Russ.).

16. **Dzhefferson T.** *Avtobiografiya. Zametki o shtate Virginiya* [Autobiography. Notes on the state of Virginia], Leningrad: Nauka: Leningr. otd-ye, 1990, 314 p. (In Russ.).

17. **Yellinek G.** *Sotsial'no-eticheskoye znacheniye prava, nepravdy i nakazaniya* [Socio-ethical significance of law, untruth and punishment], Moscow: Izdanie N. N. Klochkova, 1910, 148 p. (In Russ.).

18. **Zheldybina T.A.** [On the restrictive role of legal positivism], *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], 2018, no. 12, pp. 163-167. (In Russ.).

19. **Speranskiy M.M.** *Zapiska M. M. Speranskogo ob ustroystve sudebnykh i pravitel'stvennykh uchrezhdeniy v Rossii 1803 g.* [M. M. Speransky's note on the structure of judicial and government institutions in Russia 1803], Sankt-Peterburg, 1901, 53 p. (In Russ.).

20. **Zotova L.V.** [Security of the people and the state as the main political value in the teachings of Thomas Hobbes], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Political Science], 2003, no. 4, pp. 55-64. (In Russ.).

21. **Iyering R.** *Bor'ba za pravo* [Struggle for the law], Moscow: Feniks, 1991, 63 p. (In Russ.).

22. **Bentam I.** *Izbrannyye sochineniya Iyeremii Bentama* [Selected Works of Jeremiah Bentham], v. 1. Sankt-Peterburg: Rus. knizh. torgovlya, 1867, 678 p. (In Russ.).

23. **Il'in I.A.** *Sobraniye sochineniy* [Collected works]: in 10 vols., v. 4: *Ponyatiya prava i sily (opyt metodologicheskogo analiza)* [The concepts of law and force (the experience of methodological analysis)], Moscow: Russkaya kniga, 1994, 620 p. (In Russ.).

24. **Isokrat.** *Politicheskiye rechi Isokrata afinskogo oratora i filosofa o dolzhnostyakh, kak vsyakogo cheloveka, v otnoshenii yego privatnogo i grazhdanskogo sostoyaniya, tak ravno i osob tsarstvennykh kasatel'no blagodenstvennogo upravleniya gosudarstvom...* [Political speeches of Isocrates the Athenian orator and philosopher about the positions of any person, in relation to his private and civil status, as well as the royal persons regarding the prosperous government of the state ...], Moscow: Tip. Smirnova, 1836, 100 p. (In Russ.).

25. **Kel'zen G.** *Chistoye ucheniye o prave* [Pure doctrine of law], 2-ye izd. St. Petersburg.: Alef-Press, 2015, 540 p. (In Russ.).

26. **Kunitsyn A.P.** *Pravo yestestvennoye. Sochinennoye professorom Imperatorskago litseya Aleksandrom Kunitsinym* [Natural law. Composed by Professor of the Imperial Lyceum Alexander Kunitsin], Sankt-Peterburg: Tip. Ios. Ioannesova, 1818-1820. (In Russ.).

27. **Lapayeva V.V.** *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of legal thinking: legal theory and practice], Moscow: RAP, 2012, 577 p. (In Russ.).

28. **Lodiy P.D.** [The theory of general rights, containing the philosophical doctrine of natural universal state law], *Sochineniya Petra Lodiya* [Works of Peter Lodius], Sankt-Peterburg: Tip. Dep. vnesh. torg., 1828, 450 p. (In Russ.).

29. **Lokk Dzh.** *Dva traktata o pravlenii* [Two treatises on government], Moscow; Chelyabinsk: Sotsium, 2014, 480 p. (In Russ.).

30. **Makiavelli N.** *Gosudar'* [Sovereign], Moscow: Planeta, 1990. 79 s. (In Russ.).

31. **Miryasheva Ye.V.** *PhD of Doctor's thesis* (*Law*) Saratov, 2015, 419 p. (In Russ.).

32. **Montesk'ye Sh.-L.** *O dukhe zakonov* [On the spirit of laws], Moscow: Mysl', 1999, 672 p. (In Russ.).

33. ***Pamyatniki pis'mennosti Vostoka*** [Written monuments of the East], v. 20: *Kniga pravitelya oblasti Shan (Shantszyun' shu)* [Book of the ruler of the Shang region (Shangjun shu)], Moscow: Vostochnaya lit., 1993, 390 p. (In Russ.).

34. **Pestel' P.I.** *Russkaya Pravda. Nakaz vremennomu Verkhovnomu pravleniyu* [Russian Truth. An order to the interim Supreme government], Sankt-Peterburg: Kul'tura, 1906, 245 p. (In Russ.).

35. **Platon.** *Sobraniye sochineniy* [Collected works], in 4 vols., v. 3: *Gosudarstvo* [State], Moscow: Mysl', 1994, 654 p. (In Russ.).

36. **Radishchev A.N.** *Izbrannyye filosofskiye i obshchestvenno-politicheskiye proizvedeniya* [Selected philosophical and socio-political works], Moscow: Gospolitizdat, 1952, 672 p. (In Russ.).

37. **Russo Zh.-Zh.** *Ob Obshchestvennom dogovore: traktaty* [On the Social Contract: treatises], Moscow: KANON-press, Kuchkovo pole, 1998, 414 p. (In Russ.).

38. **Sidorkin A.I.** [Reflection of the difference in views on security in the terminology of political and legal thought], *Agrarnoye i zemel'noye pravo* [Agrarian and Land Law.], 2019, no. 12 (180), pp 30-31. (In Russ.).

39. **Simovonyan V.A., Kordmyuk Ye.V.** [Teachings of N. Machiavelli about state and politics], *Yuridicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Legal Bulletin of Rostov State University of Economics], 2007, no. 44, pp. 11-20. (In Russ.).

40. **Lafitskiy V.I. (Comp.), Zhidkov O.A. (Ed.).** *Soyedinennyye Shtaty Ameriki. Konstitutsiya i zakonodatel'stvo* [United States of America. Constitution and legislation], Moscow: Progress: Univers, 1993, 765 p. (In Russ.).

41. **Spenser G.** *Lichnost' i gosudarstvo* [Personality and the state], Sankt-Peterburg: Vestnik znaniya V.V. Bitnera, 1908, 84 p. (In Russ.).

42. **Spinoza B.** *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli* [Anthology of world political thought]: in 5 vols., v. 1. *Bogoslovsko-politicheskiy traktat* [Theological and political treatise], Moscow: Mysl', 1997. (In Russ.).

43. **Turayev B.A.** *Klassicheskiy Vostok: posmertnyy trud* [Classic East: Posthumous Labor], Leningrad: Brokgauz-Yefron, 1924, 292 p. (In Russ.).

44. **Fonvizin D.I.** *Izbrannyye sochineniya i pis'ma* [Selected Works and Letters], Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1947, 299 p. (In Russ.).

45. **Tsitseron.** *O starosti, o druzhbe, ob obyazannostyakh* [About old age, about friendship, about responsibilities], Moscow: Eksmo-Press, 1999, 526 p. (In Russ.).

46. **Chicherin B.N.** *Filosofiya prava* [Philosophy of law], Moscow: Tipo-lit. I. N. Kushnerev i K°, 1900, 337 p. (In Russ.).

47. **Shershenevich G.F.** *Filosofiya prava: Chast' teoreticheskaya. Obshchaya teoriya prava* [Philosophy of law: The theoretical part. General theory of law], in 4 vols., v. 1, Iss. 1-4. Moscow: Izd. Br. Bashmakovykh, 1910, 839 p. (In Russ.).

48. **Shershenevich G.F.** *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law], vols. 3-4. Moscow: Izd. Br. Bashmakovykh, 1910. (In Russ.).

49. **Yusti I.G.G.** *Sushchestvennoye izobrazheniye yestestva narodnykh obshchestv i vsyakago roda zakonov* [Essential image of the nature of people's societies and all kinds of laws], Moscow: Pechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1770, 384 p. (In Russ.).

50. **An American Primer,** ed by D. J. Boorstin. N.Y., 1968.

51. **Virginia** Declaration of Rights. available at: https://www. virginiadeclarationofrights. com/ (accessed 10 September 2021).

The Evolution of the Idea of Security as a Legal Category in the History of the Teachings of Law and the State (from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century)

D. V. Iroshnikov, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Legal Support of National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia;
dv-iroshnikov@mail.ru

The article examines the evolution of the idea of security as a legal category in the history of the teachings on law and the state, including questions about the relationship between security and such essential elements of law as freedom, equality and justice. The classical periodization of the study was used, which provides for the division of history into ancient, middle, new and modern periods. For each period, generalizing conclusions were made that characterize the cumulative achievements of thinkers in the field under consideration. The conducted research shows that security has traditionally been interpreted by thinkers as a legal phenomenon, studied in relation to law and legal categories – freedom, equality, justice, law and order, etc. A systematic generalization of ideas about security in its relation to law allows us to draw a conclusion about security as a legal category, legal value. A systematic generalization of ideas about security in its relation to law allows us to draw a conclusion about security as a legal category, legal value.

Keywords: security; law; equality; freedom; justice; doctrine of law.

© Д. В. Ирошников, 2021

Статья поступила в редакцию 10.09.2021

При цитировании использовать:

Ирошников Д. В. Эволюция идеи о безопасности как правовой категории в истории учений о праве и государстве (с древнейших времен до начала XX века) // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 07 – 23. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.007-023

УДК 34:656.073"20" DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.024-029

Указано, что в целях совершенствования деятельности пенитенциарной системы Российской империи в начале XX века, труд заключенных стал более активно применяться в торговых портах черноморского побережья. Правовым основанием этого процесса стали нормативные акты, обязывающие определенные категории заключенных к тяжелому физическому труду. Экономическим фактором стали стремления удешевить, с одной стороны, расходы на содержание осужденных, с другой – расходы на производство, погрузочно-разгрузочные работы в торговых портах, стремление руководства портов к упорядочению и стабилизации производства этих видов работ.

Ключевые слова: нормативно-правовые акты; пенитенциарная система; Российская империя; торговые порты; труд заключенных.

Екатерина Петровна Клименко, *канд. юрид. наук, доцент, кафедра истории и теории государства и права, Таврическая академия (структурное подразделение), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; kep65@bk.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ К ПОГРУЗОЧНО-РАЗГРУЗОЧНЫМ РАБОТАМ В ТОРГОВЫХ ПОРТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Введение. Проблемы экономически целесообразной организации труда заключенных возникли, очевидно, вместе с первыми попытками применения такого труда. Массированное же применение труда осужденных системно началось в большинстве европейских стран в ходе эволюции их пенитенциарных систем в основном в начале XIX в. В тех случаях, когда подобный трудовой резерв использовался в колониальных владениях со значительным дефицитом рабочей силы на местах, почва для возникновения конфликта интересов различных заинтересованных сторон практически отсутствовала. Иное дело, когда привлечение к работам различного вида заключенных входило в противоречие с экономическими интересами местного населения. Не являлось это исключением и для Российской империи.

Правовые основы привлечения заключенных для погрузочно-разгрузочных работ. Следует упомянуть и о том, что привлечение подневольного труда в России для удовлетворения государственных нужд имеет длительную историю. Многие крепости и иные оборонительные сооружения, а иногда даже и города строились с недобровольным привлечением различных слоев населения, военнослужащих.

Во многом данный процесс обуславливался такими факторами, как нехватка свободных рабочих рук и необходимость удешевления производимых работ.

В ходе освоения южных рубежей империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. применение подобного труда на многочисленных строительных объектах также было нормой. Однако ситуация в стране постепенно менялась, в южных губерниях резко росло количество местного населения, а развитие пенитенциарной системы ставило на повестку дня правильную организацию труда заключенных.

Правовой основой в этом направлении стало принятие 15 августа 1845 г. «Высочайше утвержденного Положения о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства» [1], которое, как известно, содержало в себе десять глав: «Положения общие», «О вступлении арестантов в роты», «О хозяйственном содержании роты», «О содержании арестантов в роте и употребление их в работы», «О надзоре за исправлением арестантов», «О выборе в отряд исправляющихся», «О сохранении благочиния в роте», «О призрении больных в роте», «О выбытии арестантов из рот», «Об отчетности по ротному управлению». Мы не случайно перечислили все названия глав. Дело в том, что арестантские роты гражданского ведомства были созданы именно в целях исправления осужденных за тяжкие преступления посредством системного тяжелого труда для их «исправления».

Эти подразделения создавались по усмотрению правительства, в губернских, областных, портовых и других городах, в которых было достаточно способов к занятию арестантов работами, и назывались по названию этих городов [1, с. 1017], впрочем, многие вопросы организации деятельности данных подразделений нашли свое достойное отображение в соответствующих научных публикациях [2 – 9].

В то же время развитие пенитенциарной системы и ее деятельность все более включались в общегражданскую жизнь, в том числе и в вопросах организации труда заключенных, особенно на работах, не требующих особой квалификации.

К примеру, в порту Херсона к началу XX в. нагрузка и выгрузка судов производилась двумя разными способами: или трудом портовых рабочих, или трудом арестантов местной тюрьмы, то есть бывших арестантских рот, а к началу XX в. исправительных учреждений.

Условия привлечения к работе, оплата труда заключенных, занятых на погрузо-разгрузочных работах. В сложившейся ситуации вольнонаемный грузчик не мог иначе работать, как при оплате в 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 30 коп. в день. В то же время труд работающего арестанта за ту же самую работу оплачивался работодателем всего лишь в 50 коп. Таким образом, в этом портовом городе возникла серьезная конкуренция труда арестантов с трудом вольнонаемных, в том числе и сезонных рабочих грузчиков.

Останавливаясь на вопросе, насколько была желательна такая конкуренция, и какие могли быть достигнуты результаты введения труда арестантского в сферу вольнонаемного, современники приходили к заключению, что применение арестантского труда к работам в Херсонском порту следовало применять «с большой осмотрительностью». Причиной тому был тот факт, что арестантский труд, как труд уже обеспеченный условиями существования (питание, содержание и одежда были за счет казны),

безусловно, имел преобладающее значение в понижении заработной платы, в связи с тем, что арестанту-работнику и представляющего его пенитенциарному заведению любая, даже минимальная плата, являлась плюсом, так как он, отбывая свой срок наказания, обязательно находился на полном иждивении казны.

В то же время, когда работник-арестант отдавал труду строго отведенное время, вольнонаемный рабочий отдавал тому же труду все свое время, считая такой труд единственным источником честного своего существования. Исходя из этого, следовало признать, что, вводя в сферу вольнонаемного труда как конкурирующий элемент труд арестанта, реальная заработная плата в порту на погрузочно-разгрузочных работах снижалась.

При этом применение труда арестантов имело и свои, безусловно, полезные стороны. Спешность работ в порту, недостаток вольнонаемных рук, чрезмерное повышение заработной платы – вот случаи, когда арестантский труд следовало применять обязательно. Такой труд при вышеуказанных условия, с одной стороны, должен был стать существенным дополнителем недостающих рабочих рук, с другой стороны – регулятором чрезмерно повышающихся рыночных цен на труд, и, целесообразно направленный, мог быть полезным элементом в деятельности Херсонского порта.

Исходя из вышеуказанного, исполняющий обязанности херсонского губернатора предложил херсонской тюремной инспекции распорядиться, чтобы арестанты не иначе отпускались на портовые работы, как получив удостоверение от Херсонского портового управления о необходимом количестве рабочих арестантских рук и о дне, когда такие рабочие должны были прибыть.

Вместе с тем губернский руководитель в 1903 г. просил Херсонское портовое управление принять на себя составление предварительных сведений о днях и необходимом количестве арестантов-рабочих для портовых работ и направлении таковых начальнику тюрьмы для соответствующего распоряжения, и объявить через полицию владельцам контор, судовладельцам и лицам, занимающимся коммерческими предприятиями в Херсонском порту, что арестанты будут отпускаться на работы в порт не иначе, как по удостоверениям, выданным Херсонским портовым управлением (1903 г.) [10, с. 124].

Следует, очевидно, указать и на другие нюансы использования труда заключенных в портах. В частности, на то, что значительная часть заработка заключенных тратилась на содержание их мест заключения и оплату труда конвоиров в ходе работ.

Несмотря на иногда значительные трудности с организацией работ заключенных в портах, местные власти нередко стремились сберечь их наличие в городе, хотя бы в минимальном количестве. Так, в ходе сокращения мест заключенных в Керчи со стороны главного тюремного управления, ее градоначальник в 1912 г. в своем письме в ГТУ так указывал на потребность оставить ему хотя бы 30 осужденных в исправительных отделениях для производства внешних работ с целью получения хорошей прибыли: «…в будущем году возможно взять подряд по исполнению аре-

стантским трудом землекопных и погрузочно-балластных работ на станциях Южных железных дорог, работы в керченском порту и пр.» [8, с. 159; 9, с. 441 – 444].

Очевидно, следует так же указать и на тот факт, что проблемы с организацией погрузочно-разгрузочных работ в морских торговых портах во многих из них были системным явлением в первую очередь из-за неурегулированности данного вопроса со стороны как законодательной, так и портовой власти.

В частности, в своей монографии Б. В. Змерзлый приводит интересный пример из истории ялтинского порта, в котором в ходе конфликта работодателей с рабочими, работодатели категорически отказывались признавать наличие каких-либо организованных артелей грузчиков. Дополнительным раздражителем выступали в этом случае сезонные рабочие грузчики из Турции, своим участием значительно снижая общие расценки. Для разрешения ситуации потребовалось вмешательство Таврического губернатора, что выразилось в попытке с его стороны в 1904 г. ввести правила о нагрузке, выгрузке и хранении товаров, а в последствии в разработке устава производства робот в ялтинском порту [11, с. 419 – 420]. Однако и в этом случае достичь желаемой нормализации в деятельности порта не удалось, так как вмешались революционные события 1905 г.

Заключение. В данном контексте и условиях начала XX в., с активизацией механизации и усложнением процессов погрузочно-разгрузочных работ, можно предположить, что применение труда заключенных лишь в некоторых портах страны могло каким-либо образом повлиять на общую ситуацию по организации комплекса портовых работ. К тому же, заключенные не являлись ни профессиональными грузчиками, ни материально заинтересованными лицами, а потому их труд чаще всего применялся там, где необходимость квалифицированного участия грузчиков не была обязательной, то есть на наиболее тяжелых, грязных и трудных работах. С другой стороны, учитывая наличие значительного количества сезонных грузчиков, применение труда заключенных было стабилизирующим фактором в работе торговых портов, обеспеченных благодаря этому стабильной рабочей силой.

Список литературы

1. **Высочайше** утвержденное Положение о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства от 15 августа 1845 г. // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. 1046 с.

2. **Лучинский Н. Ф.** О вознаграждении заключенных, пострадавших от несчастных случаев на работах // Тюремный вестник. 1906. 25 с.

3. **Записка** о состоянии ткацкого производства в Юго-Западном крае и содействии к его развитию / сост. С. П. Игнатьев. Попечитель над Киевским Исправительным Арестантским отделением Гражданского ведомства. Киев, октября 3 дня, 1889 г. Киев: Тип. газеты «Киевское слово», Большая Владимерская, № 35. 1889. 30 с.

4. **Кесслер М. А.** Труд в царской тюрьме // Тюрьма капиталистических стран: сб. ст. М., 1937. С. 141 – 191.

5. **Рассказов Л. П., Упоров И. В.** Исправительные арестантские роты гражданского ведомства как вид лишения свободы в российском праве XIX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 180 – 185.

6. **Курабцева А. П.** Формирование и развитие военно-исправительных рот в Российской империи (1867 – 1878 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2(68), № 2. С. 81 – 91.

7. **Сібілева Г. Ю.** Правові засади діяльності в'язниць в Таврійській губернії (кінець XVIII початок XX ст.): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сибилева Анна Юрьевна. Киев, 2014. 220 с.

8. **Островский А. А.** Правовые основы деятельности арестантских рот в Российской империи: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Островский Артем Анатольевич. Симферополь, 2019. 244 с.

9. **Островский А. А.** Регулирование работ заключенных исправительных отделений в Российской империи в 1908 – 1916 гг. // Science Time. 2016. № 2(26). С. 441 – 444.

10. **Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д.** Херсон – первый порт на Черном море: Исторические хроники 1778 – 2008 годов. Херсон: Наддніпряночка, 2008. 230 с.

11. **Змерзлый Б. В.** Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 512 с.

References

1. ***Rossiya. Zakony i postanovleniya.*** *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881* [Russia. Laws and regulations. Complete collection of laws of the Russian Empire. December 12, 1825 - February 28, 1881 Second collection], Sobraniye vtoroye. T. XX. 1845. Otdeleniye pervoye. Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1846. 1046 p. (In Russ.).

2. **Luchinskiy N.F.** [On the remuneration of prisoners who suffered from accidents at work], *Tyuremnyy vestnik* [Prison Bulletin], 1906, 25 p. (In Russ.).

3. **Ignat'yev S.P. (Comp.).** *Zapiska o sostoyanii tkatskogo proizvodstva v Yugo-Zapadnom kraye i sodeystvii k yego razvitiyu* [Note on the state of the weaving industry in the Southwest Territory and assistance to its development], Kiyev, oktyabrya 3 dnya, 1889. Kiyev: Tip. gazety «Kiyevskoye slovo», Bol'shaya Vladimerskaya, 1889, no. 35, 30 p. (In Russ.).

4. **Kessler M.A.** [Labor in the imperial prison], *Tyur'ma kapitalisticheskikh stran: sb. st.* [Prison of capitalist countries: a collection of articles], Moscow, 1937, pp. 141-191. (In Russ.).

5. **Rasskazov L.P., Uporov I.V.** [Correctional prison companies of the civil department as a type of imprisonment in Russian law of the nineteenth century], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 2000, no. 4 (231), pp. 180-185. (In Russ.).

6. **Kurabtseva A.P.** [Formation and development of military correctional companies in the Russian Empire (1867 - 1878)], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences], 2016, v. 2(68), no. 2, pp. 81-91. (In Russ.).

7. **Sibileva G.Yu.** *PhD of Candidate's thesis* (*Law*), Kiyev, 2014, 220 p. (In Ukr.).

8. **Ostrovskiy A.A**. *PhD of Candidate's thesis* (*Law*), Simferopol', 2019, 244 p. (In Russ.).

9. **Ostrovskiy A.A.** [Regulation of the work of prisoners of correctional departments in the Russian Empire in 1908 - 1916], *Science Time*, 2016, no. 2(26), pp. 441-444. (In Russ.).

10. **Yegorov A.Yu., Smolentsev V.D.** *Kherson – pervyy port na Chernom more: Istoricheskiye khroniki 1778 – 2008 godov* [Kherson - the first port on the Black Sea: Historical chronicles of 1778 - 2008.], Kherson: Naddnípryanochka, 2008, 230 p. (In Russ.).

11. **Zmerzlyy B.V.** *Pravovoye regulirovaniye torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale KHKH vv.* [Legal regulation of merchant shipping in the Black Sea-Azov region in the late XVIII - early XX centuries], Simferopol': Predpriyatiye Feniks, 2014, 512 p. (In Russ.).

Features of Attracting Prisoners to Loading and Unloading Operations in the Trading Ports of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century

E. P. Klimenko, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of History and Theory of State and Law of the Faculty of Law,
Institute "Taurida Academy" (structural division),
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia;
kep65@bk.ru

In order to improve the activities of the penitentiary system of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century, prisoners' labor was actively used in trade ports of the Black Sea coast. The legal basis for this process was normative acts obliging certain categories of prisoners to hard physical labor. The economic factor was the desire to reduce the cost, on the one hand, the costs of maintaining convicts, on the other hand, the costs of production, loading and unloading operations in commercial ports, and the desire of the port authorities to streamline and stabilize the these types of labor.

Keywords: prisoners' labor; trade ports; regulations; Russian Empire; penitentiary system.

© Е. П. Клименко, 2021

Статья поступила в редакцию 06.10.2021

При цитировании использовать:

Клименко Е. П. Особенности привлечения заключенных к погрузочно-разгрузочным работам в торговых портах Российской империи начала XX века // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 24 – 29. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.024-029

УДК 347.626.2 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.030-037

Исследуется генезис института брачного договора в отечественном и зарубежном законодательстве. Обозначены основные этапы возникновения и развития брачного договора в различных странах. Проведена параллель между национальным и международным семейным правом в исторической ретроспективе. Анализируются порядок и условия заключения брачного договора в отечественном и зарубежном законодательстве. Обосновывается, что брачный договор является оптимальным инструментом в защите имущественных прав и интересов лиц, состоящих в браке. Установлено, что институт брачного договора не представляется новым для российского права, он имеет достаточно длительную, многовековую историю. По свидетельствам сохранившихся правовых документов, вплоть до 1917 г. брачный контракт был привычным и удобным правовым инструментом для защиты прав и законных интересов супругов. В современном российском праве законодатель постарался учесть не только особенности исторического становления института брачного договора в России, но и опыт зарубежного законодательства, предоставив супругам право устанавливать режим супружеского имущества по своему усмотрению.

Ключевые слова: соглашение о приданом; договор о «кладке»; предбрачный договор о наследовании; гражданское обручение; компенсация; брачный договор; контракт; имущественные правоотношения; неимущественные правоотношения; брачно-семейное законодательство; защита прав супругов.

Ангелина Вячеславовна Лапаева, *канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Теория и история государства и права», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия; anlapaeva@gmail.com*

К ИСТОРИИ ВОПРОСА ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Введение. Институты семьи и брака с течением времени получают новое звучание, изменяется не только их социальное восприятие, но и правовая оценка. Так, переход к рыночной экономике открыл необходимость отступить от существовавших императивных норм семейного законодательства, регулирующих только совместную собственность, и обратиться к иному варианту регулирования имущественных отношений супругов – брачному договору.

Брачный договор как институт семейного права представляет собой особый интерес. В Семейном кодексе РФ (*далее* – СК РФ) ему посвящено всего пять статей, нормы которых по большей части носят отсылочный характер. Недостатки правового регулирования порождают проблемы практического использования такой договорной конструкции. Для того чтобы оценить особенности и перспективы развития брачного договора в России, необходимо провести сравнение с аналогичным институтом за рубежом.

В настоящее время институт брачного договора рассматривается как наиболее оптимальный инструмент в защите имущественных прав и инте-

ресов лиц, состоящих в браке [5]. Заключение такой сделки призвано обеспечить интересы супругов независимо от их имущественного положения, предоставить таким лицам возможность расширить варианты распоряжения имуществом добрачным, а также нажитым в браке, защитить имущественные права в случае расторжения брака. Вследствие чего обращение к истории вопроса института брачного договора в России и за рубежом представляется актуальным направлением исследования.

Обсуждение. В российском праве институт брачного договора получил широкое распространение в исторической ретроспективе. Несмотря на то что брачный контракт с признаками гражданско-правовой сделки, изначально был известен еще римскому праву, в древнерусском праве также существовала с определенными оговорками такая форма брака. Славяне с глубоким уважением относились к брачному союзу, что нашло отражение в различных историко-правовых источниках. В Древней Руси брак считался гражданской сделкой, которая заключалась либо посредством похищения невесты женихом, либо ее покупкой. С принятием христианства на Руси начали действовать правила собрания византийского семейного права, так называемого Номоканона, впоследствии получившего название Кормчей книги [6, с. 27]. Обязательным условием перед заключением брака являлось обручение. Родители жениха и невесты заключали договор об урегулировании дальнейших имущественных правоотношений будущих супругов с обязательными обеспечительными признаками неустойки или задатка [2, с. 405].

В древнерусском праве закреплялась возможность заключения договора в целях защиты имущественных прав женщины в браке. В содержании договора обручения обязательно прописывались условия о приданом и доля жениха, подлежащие обязательной государственной регистрации. Жених должен был оформить свою долю в приданом невесты или зарегистрировать ее имущество на себя, иначе пользоваться имуществом жених мог исключительно при жизни супруги, а после ее смерти приданое переходило к ее родственникам.

Институт брака являлся незыблемым, а, следовательно, и сами договоры считались нерасторжимыми [7, с. 216]. В древнерусском праве содержалось несколько разновидностей договоров, регулирующих имущественные отношения будущих супругов:

1) договор о приданом с установлением в его содержании условия о передаче части имения в пользу новой семьи со стороны родителей невесты, а также дальнейшая судьба приданого в случае смерти супруги или супруга;

2) договор о «кладке» (или «столовых деньгах») – это так называемый взнос со стороны жениха. Вопрос о внесении такого взноса в научной литературе представляется спорным. С позиции одних ученых (И. И. Срезневский) на Руси вносилась плата женихом отцу невесты – вено (дар мужа жене в соответствии с приданым, в связи со вступлением членов княжеского рода в брак с иноземцами, который представлялся частичной оплатой свадебных расходов) [10, с. 20]. С другой стороны, в правовых документах встречаются упоминания о таких затратах, как «вывод», который предполагал некую плату со стороны жениха семье невесты «за отлучение ее от рода» [10, с. 22]. Указанное свидетельствует о существовании обы-

чая платы за невесту, а не преподнесения ей самой брачного дара, соответствовавшего приданому;

3) предбрачный договор о наследовании, в соответствии с которым супруга имела право в случае смерти супруга унаследовать часть его имущества. В случае смерти супруги приданое оставалось у супруга, а в дальнейшем передавалось их общим детям. Если у женщины не было детей, то приданое передавалось ее родственникам или их наследникам [10, с. 27].

В случае нарушения личного обязательства для виновной стороны устанавливалась неустойка. Стороны обязаны были договориться в присутствии третьих лиц об установлении сроков вступления в брак и выдачи невесты, а в случае нарушения обязательств виновная сторона обязана была выплатить 1000 или 5000, или 10000 рублей, в зависимости от договоренностей [7, с. 216].

В допетровской России имущественные правоотношения были тесно связаны с личными неимущественными. В содержание брачного договора включались обязательства сторон как о заключении брака, так и в отношении приданого. Древнерусское право отделяло имущество жены от имущества мужа. Например, в случае долговых обязательств супруга, имущество жены не могло быть использовано в качестве необходимого для погашения долговых обязательств последнего. Кроме того, действовало положение о запрете мужа распоряжаться имуществом жены, входящим в приданое, если его доля не была оформлена надлежащим образом.

Таким образом, брачные договоры в древнерусском праве нашли свое отражение в виде формы брака так называемого гражданского обручения. К разновидностям таких договоров относились договор о приданом, о взносах жениха и о наследовании. Свое законодательное закрепление они нашли в законодательстве Литвы, Полтавской и Черниговской губерниях, несмотря на свою популярность среди населения.

В Российской империи, помимо гражданско-правовых договоров, представлялось возможным заключить брачный, определявший правовой режим имущества супругов. В дальнейшем, в Своде законов Российской империи был установлен принцип раздельности имущества супругов. Так, женщины, не имевшие самостоятельного источника дохода, не имели прав на имущество семьи, что, несомненно, нарушало их интересы. Необходимо отметить, что классическое понимание брачного договора нельзя отнести к институту российского имперского законодательства [10, с. 26].

В XVIII–XIX вв. традиционные русские обряды начали постепенно сменяться европейскими ритуалами семейной жизни, которые определялись Сводом законов Российской Империи «О правах и обязанностях семейных». Положение и независимость женщины, а также власть мужа стали приобретать все более цивилизованные формы. Так, с 1845 года муж не вправе был подвергать жену физическому наказанию; приданое жены признавалось исключительно ее имуществом; жена могла продавать или закладывать свои вотчины без согласия супруга. Именно супруг должен был содержать супругу, при этом она сохраняла право на содержание, даже если она уклонялась от совместной жизни с мужем, по вине которого совместная жизнь супругов была судом признана невыносимой [3, с. 44].

В предреволюционной России правовое регулирование брачно-семейных отношений находилось на одном уровне с европейским законо-

дательством. В дальнейшем, 22 октября 1918 г. был принят первый кодифицированный акт – Кодекс законов об актах гражданского состояния, о брачном, семейном и опекунском праве, согласно которому имущественные отношения супругов регулировались императивными нормами, закреплявшими режим общей собственности супругов. Именно данный акт заложил основу дальнейшего реформирования законодательства в свете уже советского права [3].

Советский период развития брачно-семейного законодательства сводился к закреплению с помощью императивных норм правового режима общей совместной собственности супругов во время брака. Так, имущество, нажитое супругами во время брака, считалось их совместной собственностью и, в случае его расторжения, делилось в равных долях. В 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке, в котором как раз и была проведена замена раздельности супружеского имущества режимом общности. Суд в отдельных случаях мог отступить от принципа равенства долей супругов, например, действуя в интересах несовершеннолетних детей и других, заслуживающих внимания обстоятельств (ст. 21). Личной собственностью супругов считалось добрачное имущество, полученное в дар, в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и предметов роскоши (ст. 22)[1]. Следовательно, институт брачного договора в советском праве отсутствовал, что представлялось естественным, вследствие отмены института частной собственности. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. и КоБС РСФСР 1969 г. устанавливали совместный режим имущества супругов, однако на практике встречались ситуации заключения соответствующих договоров, которые подлежали нотариальному удостоверению [11, с. 13].

Новый виток экономических отношений был связан с распадом СССР. Возникновение и развитие института частной собственности предопределило в 1990 г. внесение ряда существенных изменений в Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и Республик от 27 июня 1968 г. Модернизация предусматривала возможность исключения из состава общего имущества супругов того имущества, которое было нажито ими после фактического прекращения брачных отношений. Указанное предопределило введение законодателем системы брачного договора [1, с. 52].

Вступление в силу части первой Гражданского кодекса РФ обусловило легальное закрепление возможности устанавливать договорный режим имущества супругов (ст. 256 ГК РФ)[2]. В дальнейшем, Семейным кодексом РФ (вступил в силу с 1 марта 1996 г.) было введено понятие «брачный договор». До принятия СК РФ заключение брачного договора было крайне затруднительно, поскольку ГК РФ не содержал норм, регулирующих его содержание, порядок заключения, расторжения и другие важнейшие моменты. Супруги могли руководствоваться лишь общими нормами гражданского законодательства о договорах, что, учитывая специфику брачного договора, было явно недостаточно.

Обращаясь к истории вопроса института брачного договора в зарубежном законодательстве, следует отметить, что традиции его заключения, именуемого соглашением о приданом, были заложены еще в Древнем

[1] Собрание узаконения РСФСР. 1926. № 82.
[2] СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Риме. Такой договор устанавливал состав имущества супругов, порядок владения, пользования и распоряжения им, его правовую судьбу в случае прекращения брака. А. В. Слепакова выделяет два вида соглашений о приданом, а именно, при вступлении в брак с властью мужа и без нее, когда женщина считалась самостоятельной в отношении распоряжения своим приданым. В таких случаях отсутствовала возможность правового урегулирования личных неимущественных отношений супругов [10, с. 27].

Дальнейшее развитие института брачного договора нашло свое отражение в законодательстве зарубежных стран в связи с расслоением буржуазного общества, желавшего разрешения возникающих имущественных проблем, в случае расторжения брака и повторного вступления в брачные отношения. Например, вступая в повторный брак, возникала необходимость правового урегулирования имущественных прав детей от первого брака. Аристократические слои населения старались вступать в брак только после соответствующих консультаций со стороны адвоката по поводу сохранения фамильного состояния [11, с. 14].

Многовековая история института брачного договора в Англии и Франции свидетельствует о том, что законодатель изначально стремился защитить права тех женщин, которые решили вступить в брак (оставляли за собой право управлять добрачным имуществом и пользоваться доходами от него) [12, с. 95]. В Англии в течение длительного времени имущество считалось принадлежавшим супругу, в результате чего были ущемлены права супруги, которая, в свою очередь, не могла иметь в собственности имущество, соответственно и ее приданое так же автоматически становилось собственностью мужа. Между тем в XVII веке с развитием капитализма нормы «общего права» пришли в противоречие с интересами имущих классов, в результате чего возникла необходимость в правовой защите отдельной собственности супруги и ее родственников. С этого момента в содержание брачного контракта включались положения о том, что часть имущества жены оставалась в ее собственности. До конца XIX века фактически существовало два режима супружеского имущества супругов – для большинства населения и для верхушки имущих классов.

В 1882 году в Англии был принят Закон о собственности замужних женщин (при вступлении в брак добрачное имущество женщины и приобретенное впоследствии будет считаться ее), установивший режим раздельной общности, супруга могла заключить брачный договор в отношении данной собственности и в дальнейшем ее завещать [9].

В целом, в европейских странах брак не рассматривался как договор, порождающий в качестве правового последствия обязанность внесения платы или передачи иного имущества. Взгляд на брак как на договор сохранился в отдельных государствах, что, в свою очередь, оказывало влияние на содержание брачного договора, в большинстве стран договором не могли регулироваться личные отношения супругов.

Особую популярность брачные контракты начали приобретать за рубежом в 80-е гг. XX в. Нью-Йоркский суд постановил, что брак – это форма деловых отношений, и при его расторжении обе стороны имеют равные права при разделе совместно нажитого имущества. Такой подход к браку постепенно стал общепринятым, и, чтобы обезопасить себя, состоятельные граждане начали активно заключать брачные контракты. В США 35 лет назад сложно было представить такое количество заключенных

брачных контрактов, как в настоящее время, когда каждая вторая пара заключает брачный контракт. В ряде штатов Америки уже принят Единый акт о брачных контрактах, по которому контракт может регулировать практически все, кроме вопросов обеспечения детей и опеки. Несмотря на то что в брачный контракт нельзя было включать заведомо абсурдные или мелочные требования, тем не менее на практике встречаются достаточно экзотические пункты [4, с. 64].

В мусульманском праве брачный контракт считался идентичным понятию брака. Так, согласно положениям Корана, под браком понимается частный, гражданско-правовой договор, по которому муж обязывается уплатить жене вознаграждение и обеспечивать ее в качестве встречного удовлетворения за право иметь с ней отношения, которые до брака запрещены. Брак по мусульманскому праву рассматривается как гражданско-правовой договор, права и обязанности по которому вытекают из брачного договора, заключаемого при вступлении в брак. В брачный договор могут включаться любые условия (имущественного и неимущественного характера), не противоречащие сути такого договора, смыслу брака и закону [8, с. 147].

По индийским законам предоставление приданого запрещено. Однако оно предоставляется в качестве обычая семье жениха как своеобразное возмещение за его престиж и как компенсация за долю в недвижимом имуществе жениха. Брачный договор регулирует и имущественные, и неимущественные отношения супругов, в котором жена рассматривается как товар [8, с. 147].

Брачный договор в странах Центральной Африки, основываясь на обычаях, возник в качестве определения приданого, под которым понималось имущество, вносимое при вступлении в брак женихом в пользу родителей невесты или ее родственников, имевших право на получение этого приданого. Африканский брак рассматривался не как союз индивидуумов, а как союз кланов. Права и обязанности каждого супруга в период брака не ограничивались отношениями с другим супругом и детьми, они равным образом охватывали отношения каждого из них с кланом другого супруга [8, с. 147]. Следовательно, в такой договор могли включаться различные условия.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что анализ становления и развития института брачного договора в России и за рубежом, а также его широкой практики применения свидетельствует о различном регулировании как имущественных отношений супругов, так и неимущественных на протяжении многовековой истории. Институт брачного договора не представляется новым для российского права, он имеет достаточно длительную, многовековую историю. По свидетельствам сохранившихся правовых документов, вплоть до 1917 года брачный контракт был привычным и удобным правовым инструментом для защиты прав и законных интересов супругов. В современном российском праве законодатель постарался учесть не только особенности исторического становления института брачного договора в России, но и опыт зарубежного законодательства, предоставив супругам право устанавливать режим супружеского имущества по своему усмотрению, реализуя положения ст. 19 Конституции РФ.

Традиции заключения соглашения о приданом были заложены еще в Древнем Риме, а затем получили свое дальнейшее распространение в Англии, странах Западной Европы, США, а также мусульманских стра-

нах и Центральной Африке. В отличие от исламских стран в европейских правопорядках и США не производилось отождествления брака и брачного договора. При заключении брака не произносились формулы, используемые для совершения сделок. Брак не рассматривается как договор, порождающий в качестве правового последствия обязанность внесения платы или передачи иного имущества.

Список литературы

1. **Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н.** Брачный договор в России: от прошлого к будущему // Социологические исследования. 2008. № 1 (285). С. 50 – 56.
2. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. Ростов-н/Д: Феникс, 1995. 699 с.
3. **Злобина И. В.** О юридической сущности брачного контракта: гражданско-правовая сделка или супружеский контракт // Закон и право. 2001. № 8. С. 42 – 44.
4. **Кандасова Д. Ф., Малюткина Н. С.** Проблемы становления института брачного договора // Вестник юридического института. 2001. № 1. С. 64 – 74.
5. **Лапаева А. В.** Брачный договор как способ защиты прав супругов в международном пространстве // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 80 – 87.
6. **Максимович Л. Б.** Брачный договор в российском праве. М.: Проспект, 2007. 248 с.
7. **Мананкова Р. П.** Правовой статус членов семьи по советскому законодательству / под ред. Л. Хаскельберга. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 228 с.
8. **Прозорова В. И.** Опыт зарубежных стран в регулировании брачного договора // Актуальные проблемы юридической науки и образования: сб. науч. тр. Ижевск, 2010. Вып. 10. С. 146 – 149.
9. **Сакович О. М.** Правоотношения супругов по зарубежному законодательству // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 18 – 20.
10. **Слепакова А. В.** Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. 442 с.
11. **Фоков А. П.** Особенности гражданско-правовой защиты общей собственности в России и за рубежом: брачный договор // Юрист. 2004. № 4. С. 12 – 15.
12. **Шершеневич Г. Ф.** Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1985. 556 с.

References

1. **Varlamova S.N., Noskova A.V., Sedova N.N.** [Marriage agreement in Russia: from the past to the future], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2008, no. 1 (285), pp. 50-56. (In Russ.).
2. **Vladimirskiy-Budanov M.F.** *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law.], Rostov-n/D: Feniks, 1995, 699 p. (In Russ.).
3. **Zlobina I.V.** [On the legal essence of a marriage contract: a civil law transaction or a spousal contract], *Zakon i pravo* [Law and law], 2001, no. 8, pp. 42-44. (In Russ.).
4. **Kandasova D.F., Malyutkina N.S.** [Problems of the formation of the institution of the marriage contract], *Vestnik yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the legal institute], 2001, no. 1, pp. 64-74. (In Russ.).
5. **Lapayeva A.V.** [Marriage contract as a way to protect the rights of spouses in the international space], *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: history and modernity], 2019, no. 2, pp. 80-87. (In Russ.).
6. **Maksimovich L.B.** *Brachnyy dogovor v rossiyskom prave* [Marriage contract in Russian law], Moscow: Prospekt, 2007, 248 p. (In Russ.).
7. **Manankova R.P., Khaskel'berg L. (Ed.).** *Pravovoy status chlenov sem'i po sovetskomu zakonodatel'stvu* [Legal status of family members under Soviet legislation], Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1991, 228 p. (In Russ.).

8. **Prozorova V.I.** [The experience of foreign countries in the regulation of the marriage contract], *Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya: sb. nauch. tr.* [Actual problems of legal science and education: a collection of scientific papers], Izhevsk, 2010, is. 10, pp. 146-149. (In Russ.).

9. **Sakovich O.M.** [Legal relations of spouses under foreign law], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2003, no. 4, pp. 18-20. (In Russ.).

10. **Slepakova A.V.** *Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov* [Legal property relations of spouses], Moscow: Statut, 2005, 442 p. (In Russ.).

11. **Fokov A.P.** [Features of civil protection of common property in Russia and abroad: marriage contract], *Yurist* [Lawyer], 2004, no. 4, pp. 12-15. (In Russ.).

12. **Shershenevich G.F.** *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law], Moscow: Spark, 1985, 556 p. (In Russ.).

On the History of the Marriage Contract in Domestic and Foreign Legislation

A. V. Lapaeva, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State University, Tambov, Russia;
anlapaeva@gmail.com

The genesis of the marriage contract in domestic and foreign legislation is studied. The main stages of the emergence and development of the marriage contract in various countries are outlined. A parallel is drawn between national and international family law in historical retrospect. The article analyzes the procedure and conditions for concluding a marriage contract in various countries. It is proved that the marriage contract is the optimal tool in protecting the property rights and interests of married persons. It is established that the marriage contract is not new for Russian law; it has a fairly long, centuries-old history. According to the evidence of preserved legal documents, until 1917, the marriage contract was a familiar and convenient legal instrument for protecting the rights and legitimate interests of spouses. In modern Russian law, the legislator tried to take into account not only the peculiarities of the historical formation of the institution of the marriage contract in Russia, but also the experience of foreign legislation, giving the spouses the right to establish the regime of marital property at their discretion.

Keywords: dowry agreement; “masonry” agreement; pre-marital inheritance agreement civil betrothal; compensation; marriage contract; contract; property legal relations; non-property legal relations; marriage and family legislation; protection of the rights of spouses.

© А. В. Лапаева, 2021

Статья поступила в редакцию 25.08.2021

При цитировании использовать:

Лапаева А. В. К истории вопроса института брачного договора в отечественном и зарубежном законодательстве // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 30 – 37. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.030-037

УДК 340 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.038-058

Впервые в научной литературе проанализированы этапы становления и роль правоведов как хранителей цивилизации и высших ценностей права на разных этапах государственного и правового развития. Особое внимание обращено на содержание эпохи перемен, наступившей на рубеже последних двух тысячелетий. В поиске ответа на вопрос о том, к каким последствиям может привести эпоха перемен, автор изучает учения Г. Гегеля, Конфуция, Платона, Аристотеля, Полибия о циклах государственного и правового развития; устанавливает факторы, определившие первый восход государства и права на Земле Обетованной и ту роль, которую сыграли в их становлении судьи. Изучен процесс формирования школ правоведения в Древнем Риме, Багдадском и Кордовском халифатах, в Индии, Италии, Франции, Англии, некоторых других странах Западной Европы. Выявлены особенности развития и задачи школ правоведения в США, Германии, России в XIX – начале XX века; определены задачи правоведов в XXI веке по предупреждению деградации и распада существующих форм государства и права.

Ключевые слова: правоведение; юридическая процессия; юридическое образование; философия права.

Владимир Ильич Лафитский, *д-р юрид. наук, профессор,*
кафедра теории государства и права,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина», Москва, Россия;
vlafitskiy@gmail.com

ПУТЬ ПРАВОВЕДА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН *

Введение. Сумерки эпохи перемен

В древнем Китае утверждали: «Не дай Бог жить в эпоху перемен», предупреждая о сменяющих друг друга яростных волнах перемен. Вызванные войнами, эпидемиями, мятежами, природными катастрофами, они нередко разрушали города, провинции, царства, оставляя после себя безжизненные пустыни и смутные воспоминания о когда-то великих, но исчезнувших народах и государствах.

В конце XX в. мир вступил в новую эпоху перемен [1], о чем свидетельствовали многие события: крушение мировой системы социализма, распад СССР, Югославии, ряда других многонациональных государств при сохранении неразрешенных территориальных споров; обострившиеся с начала XXI в. межнациональные и межконфессиональные столкновения; стремительно распространяющаяся с 2020 г. коронавирусная пандемия, оборвавшая жизни около 5 млн человек, в том числе более 200 тысяч граждан Российской Федерации; глобальные изменения климата и новые технологические процессы, многократно увеличивающие вероятность разру-

* В основе статьи – материалы открытой лекции, прочитанной автором 14 октября 2021 г. в Тамбовском государственном техническом университете.

шительных природных и техногенных катастроф; деградация и забвение ценностей права.

Сможет ли человечество выжить под натиском новой эпохи перемен, когда поднимется ее «девятый вал», и в одном бушующем потоке сольются природные и техногенные, геополитические и внутригосударственные социальные, экономические, иные стихии? Оставим ответ на этот вопрос философам, политологам, писателям-фантастам. Задача правоведа в другом: найти те средства правового воздействия, которые могут остановить развитие событий, угрожающих безопасности государства и цивилизации в целом; уменьшить риски и возможные негативные последствия кризисных явлений; защитить ценности права; восстановить существующие либо создать новые, более совершенные формы организации государства, институтов гражданского общества, межгосударственных объединений.

Решение этих задач – профессиональный и нравственный долг правоведов, проявление той миссии хранителей цивилизации, которую они осуществляли на протяжении многих веков, исполняя заветы Священных писаний и волю духовных пастырей народа, правителей, пророков, а иногда вступая в противостояние с ними, чтобы остановить произвол правителей; не допустить деградации и распада общества и государства; исцелить «народ, потерявший рассудок»[1]; возродить веру в право, воплотив в жизни мечту о более совершенном общественном и государственном устройстве.

От того как будут решены эти задачи, зависит, что ждет нас в сумраке эпохи перемен: вечная тьма, застой или новый рассвет?

О восходе и закате государства и права в сумерках эпохи перемен

200 лет назад в лекциях по философии истории, прочитанных в Берлинском университете, великий немецкий философ Г. Гегель сравнил государственное и правое развитие на рубеже XVIII – XIX вв. с «великолепным восходом солнца» [19, с. 228]. Развивая эту тему в лекциях по философии права он утверждал, что «государство… есть нравственное целое, осуществление свободы», что оно «есть дух, пребывающий в мире» и «воплощение в мире Божьей воли» [4] [2]; что созданное им право служит цели достижения «всеобщей пользы и блага» [4] [3]; что «право на земле – святыня, которая должна оставаться нерушимой» [4] [4], даруя счастье всем [4] [5].

Следует сказать, что такие оценки основывались не на умозрительных рассуждениях, а на углубленном анализе политико-правовой реальности того времени.

«Задача философии, – писал Г. Гегель, – постичь то, что существует» [4][6]. И он последовательно изучал не только исторический путь разви-

[1] Второзаконие. Гл. 32. Стих 28.

[2] С необходимой редакционной правкой цит. по: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 283 – 284 (§ 258, прибавление).

[3] Там же. С. 170 (§ 126, примечание).

[4] Там же. С. 380 (Приложение. Запись лекции 1819/20).

[5] Там же. С. 291 (§ 265, прибавление); С. 295 (§ 270).

[6] Там же. С. 55 (предисловие).

тия разных государств, но и содержание действовавших в то время конституций и законов; факторы, влиявшие на их создание; особенности правоприменительной практики. Поэтому основные положения его философии права столь созвучны принципам и нормам конституций, иных правотворческих актов того времени.

Так, тезисы Г. Гегеля о том, что *«государство… есть нравственное целое, осуществление свободы» и что созданное им право служит цели достижения «всеобщей пользы и блага»* основывались на положениях Декларации независимости США 1776 г., которые провозгласили, что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» и что «для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых» [12, с. 25 – 28].

В рассматриваемом фрагменте «Философии права» заметно также влияние французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая указывала, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»; что цель любого политического союза заключается в сохранении таких «естественных и неотъемлемых прав человека», как «право на свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению»; и что государственная власть «создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена» (ст.ст. 1, 2 и 12) [8, с. 285 – 288].

В тезисах Г. Гегеля можно найти отражение Конституции (Правительственного устава Польши) 1791 г., установившей, что «вся власть в гражданском обществе исходит от народа» и что «ее целями являются сохранение и единение государства, гражданская свобода и доброе управление делами общества на началах равенства и постоянства...» (преамбула и ст. V) [7].

Несомненно, великий философ учитывал чеканные формулы Конституции Испании 1812 г., провозгласившей, что «высшая цель правительства – счастье Нации» и что задача «любого политического союза – благополучие лиц, которые его составляют» (ст. 13) [17, с. 117 – 119].

И, безусловно, он использовал в своих выводах нормы первых основных законов Германии, в том числе Конституции Баварии 1818 г., которая призывала к обеспечению всеобщего блага и счастья Королевства, подтвердила отмену крепостного права [8], гарантировала свободы вероисповедания, высказывания мнений, ведения предпринимательской деятельности (преамбула, § 6, 9, 11 гл. 4)[9].

Такие нормы конституций, законов, иных актов правотворчества конца XVIII – начала XIX столетий, по убеждению Г. Гегеля, не только свиде-

[7] Текст Конституции на языке оригинала см: Ustawa Rzadowaz 3 maja 1791 r. http://www-personal.engin.umich.edu/~zbigniew/Constitutions/index.html (дата обращения: 11.11.2021)

[8] В Баварии крепостное право было отменено эдиктом Короля от 3 августа 1808 г.

[9] Verfassungsurkunde für das Königreich Bayern vom 26. Mai 1818 mit Änderungsindex und Hinweisen // Verfassungen Bayerns. URL: http://www.verfassungen.de/by/verf18-i.htm (дата обращения: 11.11.2021).

тельствовали о новом «восходе» государства и права, освещавшем дальнейший путь их исторического развития, но и придавали государству и праву свойство «бесконечной эволюции форм» (§ 273, примечание) [4, с. 311], обеспечивая постоянный прогресс человечества.

Увы, великий философ ошибся в прогнозах. Описанный им рассвет государства и права вскоре сменился на долгие десятилетия застоя, шаткое равновесие которого нарушила Первая мировая война. А потом наступил долгий тридцатилетний закат, поставивший мировую цивилизацию на грань самоуничтожения.

И лишь после окончания Второй мировой войны с принятием в 1945 г. Устава ООН наступил новый восход государственного и правового развития, вселивший надежды на мирное сосуществование государств разных социально-экономических формаций, а также на возможность решения их совместными усилиями геополитических, социально-экономических, культурных, духовно-нравственных проблем и задач.

О цикличности развития государства и права

Следует сказать, что цикличность развития государства и права отмечали многие мыслители прошлого, выявляя факторы, условия, способствовавшие их процветанию или распаду.

Так, великий древнекитайский философ Конфуций (конец VI – начало V века до нашей эры) призывал к сохранению Дао (праведного пути) развития государств, указывая, что правители в целях предотвращения угрозы их распада должны руководствоваться не соображениями пользы, а принципами справедливости[10]; что они должны быть гуманными[11], щедрыми[12], добродетельными[13]; «любить то, что любит народ, и ненавидеть то, что он ненавидит»[14] [7].

Древнегреческий философ Платон в трактате «Законы» (IV век до нашей эры) указывал, что «государство должно быть свободным, разумным и дружественным самому себе»[15]. Именно такими критериями должны были руководствоваться законодатели. Там же, где они нарушались, государство превращалось «в сожительство граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинуется»[16].

Чтобы не допустить такого развития событий, правители должны были стать «служителями закона». Доказывая эту мысль, философ писал: «Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов,

---

[10] Да сюэ. II, 10, 21, 23 // В кн.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. ст. Л.С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2004. (431 с.) С. 121, 119.

[11] Да сюэ. II, 10, 15 // Указ. соч. С. 117.

[12] Да сюэ. II, 10, 9 // Указ. соч. С. 114, 115.

[13] Да сюэ. II, 10, 6 // Указ. соч. С. 114.

[14] Да сюэ. II, 10, 3 // Указ. соч. С. 112.

[15] Платон. Законы. Книга третья. 693b. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm (дата обращения: 11.11.2021).

[16] Там же. Книга четвертая. 713.

я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»[17].

Второе основное условие спасения государства – надлежащее устройство судебной власти[18].

Третье условие – добровольное принятие законов, поскольку ни одно государство не может долго существовать, если его опорой стали постоянное насилие и произвол, подавляющие волю подданных[19].

Иные акценты ставил Аристотель (IV век до нашей эры), доказывая в трактате «Политика», что целью любого государства является достижение высшего блага – справедливости[20]. Справедливость требует, – продолжал он, – «чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно, то повелевал, то подчинялся… Порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан…[21].

Вместе с тем Аристотель предупреждал, что законы, даже самые идеальные, не могут сами по себе обеспечить благоденствия государства. Необходима правильная организация государственного устройства, включающая три составные части: «законосовещательный орган, рассматривающий дела государства», чиновники и суды[22].

Многое зависело от искусства правления. Идеальным же, в представлении философа, был тот государственный строй, который давал возможность каждому «благоденствовать и жить счастливо»[23].

Более полно феномен цикличности государственного и правового развития раскрыл Полибий (II век до нашей эры) в трактате «Всеобщая история»: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, – писал он, – ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени, история становится как бы одним целым, события в Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводится к одному концу»[24].

Развивая теорию общей судьбы, Полибий доказывал, что право всех государств подчиняется единым законам циклического развития. Существующие формы «естественным» образом сменяют друг друга. Так, на смену первичных форм монаршей власти приходит царская власть, которая, в свою очередь, со временем вырождается в тиранию. На смену тирании

[17] Там же. Книга четвертая. С 715.

[18] Там же Книга шестая. С. 766d.

[19] Там же. Книга восьмая. С. 832.

[20] Аристотель. Политика. Книга третья. Гл. 7. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

[21] Там же. Книга третья. Гл. 11.

[22] Там же. Книга четвертая. Гл. 11.

[23] Там же. Книга седьмая. Гл. 2.

[24] Полибий. Всеобщая история. Книга первая. Гл. 3. // В кн.: Полибий. Всеобщая история. М., 2004. Т. 1. 768 с.

приходит аристократия, а вслед за ней – олигархия. И, наконец, утверждается демократия, чтобы через три поколения подвергнуться разложению. Устанавливается власть толпы, которая вновь рождает первичные формы монаршей власти[25].

Полибий утверждал, что каждая из форм государственного устройства проходит в своем развитии пять стадий: зарождение, возрастание, расцвет, изменение, завершение[26], и что действие законов цикличного развития от рождения к смерти может быть прервано, если в государственном устройстве будут сочетаться преимущества разных форм, что придаст ему равновесие[27]. Примером такой смешанной формы был Ахейский союз, который, как отмечал Полибий, имел «надежнейшую опору в равенстве и милосердии»[28].

Укреплению государства способствовали, по его убеждению, не только законы, но и нравы, обычаи, религиозные установления. Так, прочность государственного устройства Рима во многом объяснялась тем, что она основывалась на страхе перед богами. Народ, – писал Полибий, – исполнен легкомыслия, противозаконных стремлений. Удержать его может только религия[29].

В трудах великих мыслителей прошлого мы не найдем ответ на вопрос, что может остановить «мгновение» (И. Гёте. Фауст), которое ведет государство от жизни к смерти, либо способно прервать движение Колеса Сансары (учение Будды), обрекающее государство и право на бесконечную череду рождений и смерти, и исполнить мечту Г. Гегеля о постоянном прогрессе человечества и созданных им государств?

Поэтому мы вновь обратимся к священным писаниям и иным свидетельствам истории…

Первые уроки восхода государства и права

Ветхий Завет (Танах – в иудейской традиции) начинает описание истории формирования древнего Израиля с XII в. до нашей эры, когда пророк Моисей повел за собой из Египта разрозненные толпы рабов, чтобы в Земле Обетованной они обрели свободу, став «царством священнослужителей и народом святым»[30]. Так начинался рассвет государства и права иудейской, христианской и исламской традиций, освещая их исторический путь такими величественными памятниками правотворчества, как Декалог, Книга Завета, Второзаконие, Наставления судьям.

«Огнь Закона»[31], зажженный Моисеем, то затухал, то вновь разгорался ярким пламенем, подтверждая его благодатное действие в царствование Давида, Соломона, Иосии, других праведных царей древнего Израиля.

---

[25] Там же. Книга шестая. Гл. 5 – 9.

[26] Там же. Книга шестая. Гл. 4.

[27] Там же. Книга шестая. Гл. 10.

[28] Там же. Книга вторая. Гл. 38.

[29] Там же. Книга шестая. Гл. 56.

[30] Тора Шемот. Йитро, 19. (в синодальном переводе Ветхого Завета вместо слов «царство священнослужителей» употреблено словосочетание «царство священников», имеющее иное содержание (см.: Библия. Исход. Глава 19. Стих 6).

[31] Второзаконие. Гл. 33. Стих 2.

Но первый рассвет государства и права Израиля, позволивший ему овладеть Землей Обетованной, стал следствием не только законов и долгих сорокалетних скитаний по Синайской пустыне, которые очищали народ, ведомый Моисеем, от скверны многобожия, зависти, корысти. Не менее важное значение имело формирование особого корпуса хранителей законов, без поддержки которых даже самые совершенные, справедливые, милосердные акты были обречены оставаться «гласом вопиющего в пустыне…»[32].

Через тернии к звездам

Великим законодателям древности приходилось преодолевать отчаянное сопротивление многих современников, не желавших мириться с ограничениями своих желаний и интересов, лишенных возможности упиваться своей властью над другими, воспринимавших с ненавистью каждого, кто пытался сделать мир более добрым и справедливым.

Примечательна история обретения и утраты первого текста Декалога – десяти заповедей, которые были начертаны «перстом Божиим»[33] на двух каменных скрижалях откровения[34] и переданы Моисею на горе Синай. Сорок дней и сорок ночей не было его в стане народа Израиля. Он был убежден, что его ждут. Ведь на горе Синай он беседовал с Богом. Каково же было его отчаяние, когда он увидел, что о нем забыли, что его не ждут, что многие безумно пляшут вокруг сделанного ими тельца. В гневе Моисей разбил скрижали, бросив их на землю[35], и, встав в воротах стана, воскликнул: «Кто Господень, – ко мне!». И собрались к нему все левиты – служители Бога. И, мечами прокладывая путь, они вырвались за пределы стана. И пало в тот день около трех тысяч человек.

Такой была цена спасения не только Моисея, но и его учения, воздействие которого пророк сравнил с благодатным дождем: «Внимай небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих. Польется, как дождь, учение мое, как роса, речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву…»[36].

Такой поддержки не было у Конфуция, другого великого законодателя древности. Поэтому вскоре после назначения в 500 г. до Рождества Христова верховным судьей царства Лу, он был вынужден отправиться в долгое 14-летнее изгнание, так и не сумев добиться реформ, которые могли бы восстановить нравственную суть власти: справедливость[37], милосердие[38], неукоснительное исполнение правил («ли»)[39], сохранение установленного порядка ведения дел[40], стремление обеспечить счастье для всех[41].

[32] Книга пророка Исаии. Гл. 40. Стих 3.
[33] Исход. Гл. 31. Стих 18.
[34] Исход. Гл. 32. Стих 15.
[35] Исход. Гл. 32. Стих 19.
[36] Второзаконие. Гл. 32. Стихи 1 – 4.
[37] Переломов Л. С. «Четверокнижие» – ключ к постижению конфуцианства // Конфуцианское «четверокнижие» Сы Шу. М., 2004. С. 22.
[38] Лунь юй. Гл. XII, изречение 9.
[39] Лунь юй. Гл. II, изречение 3; гл. XIII, изречение 3.
[40] The Book of Ceremonies. Book VII. Section II, 10 – 11. URL: http://www.sacred-texts.com/cfu/liki/liki07.htm (дата обращения: 11.11.2021).
[41] Лунь юй. Гл. VI, изречение 30.

В изгнании Конфуцию пришлось пройти через многие испытания и, основываясь на собственном опыте, он предупреждал своих учеников: «Страна в опасности – ее не посещай; в стране мятеж – там не живи… в ней нет Дао-пути»[42].

Иной, христианский, путь правоведа указывал древнеримский юрист Тертуллиан (ок. 160 – 220 гг.), призывая «не умирать в грехе» в языческом мире,[43] а вступить с ним в битву «против учреждений предков, против авторитетов жрецов, против законов повелителей… против древности, привычки, судьбы…»[44].

Жертвенная борьба христиан дала свои всходы. Христианство стало государственной религией сначала в Армении (301 г.), потом в Эфиопии (325 г.), Грузии (337 г.) и, наконец, в Римской империи (380 г.).

Благодатные всходы давало и жертвенное служение праву, что подтверждают судьбы многих правоведов.

В 228 г. во время мятежа преторианцев был убит великий древнеримский юрист Ульпиан, не предавший свой долг служения праву, увековеченный в первых фрагментах первого титула книги первой Дигест Юстиниана [5, с. 23 25]:

«1. § 1. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, обособляя справедливое от несправедливого, отделяя дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только посредством страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной… а не мнимой философии… <…>

10. Правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право. § 1. Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит…».

Священные писания, летописи, документы разных эпох сохранили много свидетельств борьбы правоведов за право. Поэтому удары восстаний и государственных переворотов всегда падали на них.

В исторической хронике У. Шекспира «Генрих VI» это явление отражено в словах, которые во все времена звучали наряду с призывами к свержению власти:

“Let’s kill all the lawyers” – «Давайте убьем всех правоведов» (Часть 2. Действие 4. Картина 2).

Ненависть к ним объяснялась одним: правоведы препятствовали воплощению преступных деяний и порочных страстей. В частности, в исторической хронике «Генрих VI» главарь повстанцев Джек Кэд мечтает о том времени, когда каждый лорд королевства будет платить ему дань, когда ни одна девушка не выйдет замуж, пока не отдаст ему свою девственность, когда все люди будут зависеть от него (Часть 2. Действие 4. Картина 7).

---

[42] Лунь юй. Гл. 8, изречение 13 // Цит. по: Конфуций. Уроки мудрости. М., 2000. С. 55.

[43] Тертуллиан. Об идолопоклонстве. URL: https://tertullian.org/russian/De_idols_rus.html (дата обращения: 11.11.2021).

[44] Тертуллиан. К язычникам // Тертуллиан. Апология. С. 179.

Впрочем, угрозы судьям и правоведам исходили не только от повстанцев, но и жестоких правителей. Достаточно вспомнить судьбу Томаса Мора, верховного канцлера Английского королевства, который был казнен в 1535 г. по указу короля Генриха VIII за отказ признать законным отделение Англии от Римской католической церкви.

Школы правоведения: становление и развитие до начала XIX века

В Древнем Риме до III века до нашей эры вопросы создания и применения права входили в сферу исключительных полномочий жреческой коллегии понтификов. Но постепенно право становилось сферой светской деятельности: сначала – патронов, которые в силу богатства либо знатности рода защищали в судах, иных государственных органах интересы лиц, находившихся под их покровительством (система клиентелы); в дальнейшем – юрисконсультов (juris consultus), предоставлявших услуги по разъяснению и толкованию законов применительно к конкретным юридическим вопросам либо судебным делам.

Вокруг патронов и юрисконсультов собирались ученики, которые познавали право, наблюдая за тем, как они давали разъяснения, готовили проекты юридических документов, представляли в судах правовые позиции (responsa) своих доверителей. Лица, прошедшие такую подготовку, могли быть допущены к юридической деятельности по рекомендации одного из видных правоведов на церемонии, проводившейся на Римском Форуме.

Такой порядок изменился в эпоху Римской империи, когда право оказывать услуги по представительству дел в судах, разъяснению законов было предоставлено только тем лицам, которые получили от государства соответствующие патенты.

В исламском мире школы правоведения стали складываться к середине IX века, когда сформировалось несколько мазхабов (школ) толкования Священного Корана и сунны пророка Мухаммада. Наиболее крупными были четыре мазхаба – ханифитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский, названные по именам создавших их духовных наставников, «начертавших правила для внешних обрядов ислама и для решения некоторых гражданских дел»[45].

Исторически первым возник ханифитский мазхаб. Его основателями были великий исламский правовед Абу Ханифа (699 – 767 гг.) и его ученики – Абу Юсуф и Мухаммад Аш-Шайбани.

Объясняя свой метод познания исламского права, Абу Ханифа писал: «Я даю предписания на основании Книги Аллаха. Если я чего-то не обнаруживаю, то обращаюсь к Сунне Пророка. Делая это, я не выхожу за пределы того, что ими сказано. Причем я не ставлю между ними (сподвижниками) различий» [14, с. 63].

В первое время исламское право развивалось казуальным путем – путем разрешения конкретных судебных дел. С XII века начинается новый этап – систематизации права.

[45] Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850. С. 20.

Одним из самых ярких ее актов стал свод «Хидая. Комментарии мусульманского права» [15], который был составлен блистательным представителем ханифитской школы, уроженцем Мавераннахра Бурханудди-ном Маргинани (1152 – 1197 гг.) и который стал, как отмечал профессор А. Х. Саидов, настольной книгой для всех факихов[46].

В древней Индии школы правоведения стали формироваться с VIII века в целях разъяснения содержания законов.

Так, Законы Ману стали предметом комментариев Бхаруччи (VIII в.), Медхатитхи (IX в.), Гавиндараджи (XII – XIII вв.), Куллюкабхатты (XV в.), Нанданы и Рамачандры (XVIII в.).

На основе Законов Нарады был создан комментарий Асахайи (VII в.).

Комментарий к Своду Законов Яджнавалкьи написал Виджнанешвара (XI в.). Название созданной им книги («Митакшара») дало имя одному из самых известных направлений правовой мысли средневековой Индии. Школы «Митакшары» были созданы в Бенаресе, Гуджарате, Метиле, многих других индийских городах.

Комментарии, создававшиеся в разных правовых школах, не имели юридической силы. Но, несмотря на это, они пользовались практически непререкаемым авторитетом в силу самого факта толкования священных книг.

В Западной Европе школы правоведения стали складываться в конце XI в., когда университеты сначала Равенны, Болоньи и Неаполя, Парижа, Анже и Орлеана, затем других городов средневековой Европы приступили к систематическому изучению Кодекса (Свода законов) Юстиниана[47].

Первых ученых, изучавших римское право, называли глоссаторами от греческого слова «glossa» («язык»). Первоначально это слово обозначало объяснение незнакомых слов. Позже оно стало использоваться в более широком контексте комментирования текстов. Основателем школы глоссаторов в конце XI в. стал Ирнерий, профессор Болонского университета.

Первые комментарии глоссаторов были написаны на полях либо между строк старинных рукописей, содержавших фрагменты римского права. В дальнейшем они стали публиковаться в отдельных изданиях.

В Болонье было составлено несколько учебников, в которых содержалось не только толкование норм римского права, но и достаточно целостное изложение общих принципов права. Так, автор учебника Suma Trecensis (Тройской суммы знаний) указывал, что законы должны толковаться гуманно таким образом, чтобы был сохранен их общий смысл и, вместе с тем, чтобы они не расходились со справедливостью; и что предписания закона должны исполняться лишь тогда, когда они совпадают с требованиями справедливости [2, с. 39].

---

[46] Саидов А. Х. Важнейший памятник шариата мусульманского мира // Хидая. Комментарии мусульманского права. Т. 1. Ташкент, 1994. С. 42.

[47] Кодекс Юстиниана был создан в период с 529 по 534 гг. и включал три части: собственно Кодекс, включавший указы римских императоров, «Дигесты» (или «Пандекты»), в которых содержались цитаты и отрывки из произведений римских юристов, и «Институции» – краткий учебник по праву. Четвертая часть – «Новеллы», включавшая новые указы византийских императоров появилась позднее. Все части Кодекса имели силу закона.

В средневековой Франции одна из первых работ по римскому праву – «Извлечения Петра» (Exceptiones Petri) – была написана во второй половине XI века в Провансе в целях разъяснения норм римского права и обоснования возможности их использования вместо действовавших в то время «варварских» обычаев и актов светской власти.

В XIV в. на смену глоссаторам приходит новая школа – постглоссаторов, которая первоначально сложилась в южной Франции и северной Италии.

В Английском королевстве школы правоведения стали складываться в XII в., после издания в 1218 г. буллы Папы Римского, запрещавшей священникам Римской католической церкви участвовать в деятельности светских судов. Спустя полвека английский король Генрих II издал прокламацию о запрещении преподавания в Лондоне римского права, что дало мощный импульс формированию гильдий адвокатов при королевских судах (Inns of Court) в целях не только подготовки будущих адвокатов, но и сохранения самобытности английской правовой системы.

Большое значение имело издание комментариев к законам, обычаям, судебным прецедентам.

Первым комментарием стал «Трактат о законах и обычаях Англии». Он был написан примерно в 1188 г. и традиционно приписывается Р. Гленвиллу (ум. 1190 г.), юстициарию[48] короля Генриха II, который сформулировал ряд общих принципов права.

Следующая книга под тем же названием – «Трактат о законах и обычаях Англии» – была написана примерно в 1250 г. Г. Брактоном, судьей судов ассизов в ряде юго-западных графств – Сомерсете, Девоне, Корнуолле. Это был первый труд, в котором не только формулировались общие начала права, но и приводились те судебные решения, которым английские суды придали силу прецедентов.

Одна из самых известных книг английской правовой доктрины – четырехтомные «Комментарии к английскому праву», изданные в 1765 – 1769 гг. профессором У. Блэкстоном (1723 – 1780 гг.). Написанная простым, очень доступным языком, она пользовалась огромной популярностью и выдержала множество изданий, став манифестом новой правовой идеологии, в которой акцент был сделан на правах и свободах личности.

Путь к Земле Обетованной: правоведы XIX – XX веков

В XIX в. с завершением эпохи великих революций практически повсеместно усиливается влияние правоведов.

Наиболее заметным оно было в Соединенных Штатах, стремившихся осуществить многовековую мечту о создании Града на холме, преобразовав государственное и общественное устройство на принципах, провозглашенных в Декларации независимости 1776 г., конституциях отдельных штатов и в Конституции США 1787 г.

Один из самых проницательных исследователей североамериканской политической системы Алексис де Токвиль так оценил этот феномен в книге «Демократия в Америке», изданной во Франции в 1835 г.:

[48] Юстициарий – глава судебного ведомства, в XII веке высшее должностное лицо.

«В Соединенных Штатах практически нет такого политического вопроса, который бы рано или поздно не превращался в судебный вопрос. Вот откуда у политических партий появляется необходимость в своей повседневной полемике пользоваться и идеями, и языком, заимствованными у правоведа… Юридическая терминология, становясь привычной, входит в разговорную речь. Дух законности, родившись в учебных заведениях и судах, постепенно выходит за эти пределы, проникает во все слои общества, до самых низших, и в итоге весь народ целиком усваивает привычки и вкусы судей… И все кончается тем, что они лепят это общество в соответствии со своими намерениями» [13, с. 209].

Одним из таких намерений стало привитие и укрепление в общественном сознании веры в верховенство права и святость законов, поскольку «именно законы способны пробудить и направить в нужное русло этот неосознанный инстинкт любви к отечеству, который фактически никогда не покидает человеческое сердце, и, соединив этот инстинкт с определенными взглядами, чаяниями и укоренившимися привычками, превратить его в осознанное и прочное чувство…» [13, с. 87–88].

Необходимость привития народу чувства сопричастности к созданию и защите Конституции США блистательно раскрыл в те годы судья Верховного Суда США Джозеф Стори: «Конституция, которая оплачена трудом, страданиями и кровью предков… опирается на мощный фундамент и имеет красиво оформленные и полезные конструкции, хорошо продуманные и обеспечивающие порядок правовые нормы… тем не менее, может в одночасье рухнуть в результате глупости, коррупции или небрежения со стороны ее единственного хранителя – НАРОДА» [18, кн. 3, гл. 45, разд. 1907].

Традиции бережного отношения к Конституции и законам США сохранялись на протяжении двух столетий усилиями не только великих правоведов, таких как Оливер Венделл Холмс, Роско Паунд, Гарольд Берман, но и сотен тысяч адвокатов, следователей, прокуроров, частнопрактикующих юристов, каждый из которых, начиная профессиональную деятельность, должен принести присягу поддерживать и защищать Конституцию США, а также соблюдать этические стандарты поведения[49].

В Германии основной задачей реформ начала XIX века стало воссоединение единства нации, раздробленной на множество государственных образований: курфюршеств, королевств, герцогств, ландграфств, архиепископств, вольных городов.

Первый шаг в решении этой задачи сделала историческая школа права, ведомая блистательным Фридрихом фон Савиньи, который раскрыл не только единство истоков государственного и правового развития Германии, общность ее духовного и культурного наследия, но и те средства, которые могли в будущем сохранить единство государства.

[49] См., в частности, присягу, утвержденную Ассоциацией юристов штата Нью-Йорк: New York State Bar Association. The Practice of Law in New York State: An Introduction for Newly-Admitted Attorneys. N.Y., 2015. URL: https://nysba.org/app/uploads/2020/03/The-Practice-of-Law-in-New-York-State.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

Обращаясь к этой теме, фон Савиньи отмечал: «Право развивается вместе с народом, формируется вместе с ним, и наконец, умирает, как только народ утрачивает свое своеобразие» [11, с. 133].

Чтобы остановить такой ход событий, требовалось создать новую формацию юристов, наделенных «двояким пониманием: историческим, чтобы четко понимать своеобразие каждой эпохи и каждой правовой формы, и систематическим, чтобы видеть каждое понятие и каждое положение в живой связи и взаимодействии с целым…» [11, с. 151].

Синтез таких подходов давал возможность сделать «нашу науку более практической, нашу практику более научной» [11, с. 190], а «сословие юристов… субъектом живого, действующего обычного права» [11, с. 194].

Историческая школа права создала фундамент объединения Германии, доказав общность истоков, традиций, духовных и правовых ценностей отдельных земель. Но процесс их объединения развивался по другим рецептам, разработанным представителями позитивистской и социологической научных школ, в том числе великим правоведом Р. фон Иерингом, который, опровергая идеи Ф. фон Савиньи, доказывал: «Представление, что право образуется безболезненно, без усилий, без труда, подобно полевому цветку, есть представление чисто романтическое, то есть основанное на ложной идеализации прошедшего; суровая действительность показывает нам совсем иное… Теории Савиньи… я противопоставляю свою, диаметрально противоположную теорию… право не дается народам само собой… они должны из-за него спорить, сражаться и истекать кровью… Борьба, которая требуется для рождения права, есть не проклятие, а благословение» [6, с. 11 – 13].

Свой путь к Земле Обетованной прокладывала и Россия, поставив цель создания христианско-православной империи. Одним из вдохновителей и проводников этой цели должно было стать Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения. Оно было учреждено 25 мая 1835 г. указом Императора Николая I в целях подготовки правоведов, способных хранить сакральные знания (веды) о праве и защищать такие его ценности, как православие, справедливость, всеобщее благо.

«Respice Finem» («Помни о цели») – таким был девиз Санкт-Петербургского Императорского училища правоведения, которое призывало каждого из выпускников исполнить завет: «Правовед, помни, что ты – Правовед».

Свой путь подготовки правоведов искали многие другие университеты России. В частности, согласно Уставу Московского Императорского университета от 26 июня 1835 г., на Юридическом факультете была учреждена кафедра начал общенародного правоведения.

В Казанском Императорском университете с 1850-х гг. внедрялись новые технологии подготовки правоведов, о чем свидетельствует издание в 1855 г. монографического исследования профессора Дмитрия Ивановича Мейера «О значении практики в системе юридического образования».

О том, каким требованиям должен был соответствовать правовед, можно судить по многим положениям Свода законов Российской Империи, посвященных гражданской службе, судьям, присяжным поверенным. В частности, в комментариях к статье 354 Судебных уставов указывалось,

что сословие присяжных поверенных должно действовать как «самое верное ручательство нравственности, знания и честности убеждений» и что созданные ими советы «должны служить средством к водворению и поддержанию между поверенными чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности перед Правительством и обществом» [10, с. 2].

Выполняя эти требования, Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных установил следующие стандарты адвокатской деятельности: «Присяжные поверенные как в своей профессиональной жизни, так и в своей частной жизни должны всегда оставаться носителями идеи права и законности и уважения к чужим правам… Как служители закона они должны понимать высокую ценность гражданских благ, должны понимать, что неправомерное посягательство на них совершенно недопустимо» [10, с. 3–4].

Примечательно следующее требование Московского совета присяжных поверенных: «Профессия присяжного поверенного не есть только средство для кормления; закон, общество и сама корпорация наша видит в ней благородную арену для подвигов высокого общественного служения…» [10, с. 3].

Раскрывая содержание этой миссии, Совет присяжных поверенных Харькова указывал: «Общественная задача адвокатуры есть служение правде, и по существу этого общественного служения личность адвоката должна быть таковой, чтобы каждому своему слову он мог требовать доверия» [10, с. 4].

Особое значение в таких правилах и разъяснениях придавалось вопросу о роли адвоката в судебном процессе. В частности, Казанский совет присяжных поверенных призывал каждого присяжного поверенного «не упускать из виду, что он отправляет одну из существенных функций правосудия, что он подготовляет своими разъяснениями правильное решение дел и в этом смысле является “душой правосудия” – органом, столь же важным в деле последнего, как и судья...» [10, с. 5].

Следует указать еще одну грань той миссии, которая была возложена на правоведов, – привитие в общественном сознании чувства законности. Обращаясь к этой теме, великий русский правовед, профессор Казанского Императорского университета Г. Ф Шершеневич предупреждал: «Воспитанная на чувстве законности толпа внушительна, но не опасна; лишенная же ее подобна лавине, которая готова все снести, как только устранится препятствие…» [16, с. 22].

Невосприимчивость к требованиям законности и правопорядка, ценностям права проявлялась в сознании не только простых обывателей, но и хорошо образованных подданных Российской Империи, что с тревогой отмечал профессор Московского коммерческого института Б. А. Кистяковский, указывая на «крайне неутешительные» результаты влияния права на духовное развитие русской интеллигенции [20, с. 98].

Такое положение дел объяснялось многими факторами, в том числе бессилием либо ограниченностью действия права: «Притуплённость правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям, – указывал он, – являются результатом нашего застарелого зла –

отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа» [20, с. 102].

Российские правоведы не смогли остановить распад Российской Империи, братоубийственную Гражданскую войну, но они внесли решающий и до сих пор неоцененный вклад в сохранение России.

Революционная стихия может разрушить, но она не способна создать и сохранить государство. Эту истину хорошо знали многие правоведы. Поэтому после Октябрьского переворота 1917 г. они остались в России либо, как Е. А. Флейшиц, вернулись, чтобы не оставить ее в беде.

Выступая весной 1922 г. на одном из подпольных собраний в Москве, великий русский правовед и философ Иван Ильин так описал их подвиг служения праву[50]:

«В эпоху величайшего правового и государственного разложения… это бремя непосильно. И, тем не менее, его необходимо поднять. И сделать это должны мы. Именно мы, переживающие этот процесс на Родине, оставшиеся здесь, чтобы все видеть, все перенести, все изболеть и осмыслить; чтобы выстрадать и приобрести тот духовный опыт, который будет потом светить нашим потомкам в поколениях…

Строить право не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющееся и крепнущее правосознание.

Строить государство – не значит завоевывать территории… но это значит воспитывать в народе государственный образ мыслей, государственное настроение чувств, государственное направление воли…»[51].

Каждому из правоведов, оставшихся в большевистской России, был уготован свой путь на Голгофу. В 1917 г. без суда и следствия был убит один из ведущих конституционалистов России Ф. Ф. Кокошкин. В сентябре 1922 г. выслан из России И. А. Ильин. В 1932 г. вследствие нескончаемой череды испытаний ослеп Н. М. Гернет. В 1938 г. по приговору особой тройки НКВД расстрелян выдающийся историк церковного права В. Н. Бенешевич. В 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу один из создателей отечественной концепции правового государства С. А. Котляревский. Весной 1945 г. Е. А. Флейшиц вновь отказано в праве посетить Францию и увидеть собственного сына, которого она оставила в Париже перед возвращением в Россию, охваченную огнем Гражданской войны,

Но жертвенное служение российских правоведов не стало безрезультатным. Воссозданное их усилиями право укрепило устои нового государственного и общественного устройства России и СССР.

---

[50] Таким было «завещание» И. Ильина, которое он дал одной из своих учениц незадолго до своего «вечного» изгнания из России. См.: Чичкина И. Москвич Иван Ильин // Архнадзор. URL: http://www.archnadzor.ru/2017/04/14/moskvich-ivan-ilin/#more-26839 (дата обращения: 11.11.2021).

[51] Текст выступления И. А. Ильина опубликован в эмиграции в виде отдельной статьи. См.: Основные задачи правоведения в России // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под редакцией Петра Струве. Книга VIII – XII. Берлин, 1922. С. 162– 188.

Правоведы в преддверии новой эпохи перемен

Трагично складывалась судьба правоведов не только в СССР, но и во многих других странах.

В нацистской Германии были уничтожены, отправлены в концлагеря либо в ссылку правоведы, выступавшие против политики Третьего Рейха. В 1938 г. в концлагере погиб блистательный адвокат Ганс Литтен (Litten), ставший личным врагом фюрера (в 1931 г. на одном из судебных процессов он допрашивал Гитлера больше 3 часов). В 1939 г., спасая жизнь, эмигрировал в США один из ведущих компаративистов Германии.

В 1948 г. был убит фанатиком-индуистом великий правовед и философ Махатма[52] Ганди (1869 – 1948 гг.), один из лидеров борьбы за независимость Индии, мечтавший об утверждении в стране Рамараджьи – Царства Божия на земле, основанного на «взаимной любви и доверии, правде, отказе от насилия, живой вере в Бога» [3].

Силам зла он противопоставлял «сатьяграху» – твердость в истине, требующей подчиняться «высшему закону нашего бытия – голосу совести» [3].

В ЮАР в 1962 г. был арестован и в 1964 г. приговорен к пожизненному заключению лидер национально-освободительного движения и правовед Нельсон Мандела. В тюрьме он провел 28 лет. Выжил, став первым президентом и одним из основных авторов Конституции ЮАР 1996 г.

В Китае во время Культурной революции 1965 – 1976 гг. было уничтожено более 1 млн человек, в том числе практически все правоведы конфуцианской школы права.

В 1968 г. был убит Роберт Кеннеди, бывший министр юстиции (Генеральный атторней) США, сенатор и кандидат в Президенты от Демократической партии, мечтавший об укоренении в общественном и государственном устройстве ценностей христианства.

«Не верьте, – отмечал он, – что один человек, мужчина или женщина, бессилен против огромного числа темных сил этого мира – против нищеты, невежества, несправедливости и насилия. Многие великие общественные движения были результатом усилий одного человека…

Историю создают бесконечные проявления отваги и веры. Каждый раз, когда человек встает в защиту идеала, действует, чтобы облегчить участь других либо восстает против несправедливости, он посылает миру тонкий луч надежды, и такие лучи, когда они исходят из миллиона разных источников энергии, переплетаясь, создают единый поток, который может сокрушить даже самые крепкие стены насилия и сопротивления…»[53].

Соединяя разорванную ткань пространства и времени: о миссии правоведа в новую эпоху перемен

В новой эпохе перемен, наступившей на рубеже двух тысячелетий, распались не только связь времен (Шекспир «Гамлет»), но и пространственное единство мира. Оно расколото на множество фрагментов в резуль-

[52] Махатма, т.е. «Великая душа», человек, обуздавший свои инстинкты и чувства.

[53] Robert F. Kennedy. Speech at the University of Capetown, South Africa, Day of Affirmation, 6 June 1966. URL: https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/speech/rfksa.htm (дата обращения: 11.11.2021).

тате демографических, миграционных, социальных, иных процессов, продолжающих свое разрушительное действие.

И нет той силы, которая могла бы их остановить. Слишком истончился защитный слой правоведов. Много было невосполнимых потерь, связанных не только с убийствами, лишением свободы, ограничениями прав, но и страхом оказаться жертвой заказных кампаний клеветы в средствах массовой информации либо в социальных сетях. О том, какую силу они обрели в последние годы, можно судить по президентским выборам в США 2020 г. [9].

Ряды правоведов редеют и в связи с тем, что многие из них предпочитают заниматься более доходной деятельностью, чем служение праву.

При этом нередко они сами становятся творцами (бенефициарами) «тайн беззакония». В Евангелии от Луки сказано: «Остерегайтесь законников… Они жестоки к вдовам и отнимают у них дома…» (глава 20, стихи 46, 47). Не правда ли, знакомая картина для России наших дней, когда адвокаты, нотариусы, участковые мошеннически присваивают квартиры и дома, выбрасывая их собственников на улицу либо обрекая на смерть.

Не лучшим образом дело обстоит с правотворческой деятельностью. Из текстов конституций и законодательных актов исключают возвышенные, устремленные к вечности нормы. Вместо них появляются положения, не оставляющие сомнений в их подлинных целях – отрицания либо искажения исторической правды; закрепления особых привилегий отдельных политических, социальных, религиозных либо политических групп; опровержения законов природы; подмены воли народа волей бенефициаров цифрового пространства; деградации духовных ценностей, которые формировали и в течение тысячелетий хранили мировую цивилизацию.

В подтверждение несколько примеров.

В 2015 г. в Конституцию Ирландии 1937 г. были внесены поправки, допускающие заключение однополых браков (ч. 4 ст. 41)[54] в нарушение не только конституционных положений, неизменно подтверждающих приверженность канонам христианства, но и норм международного права, допускающих брак только между мужчиной и женщиной (статья 12 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; статья 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; решения Комитета ООН по правам человека по делу «Жослин против Новой Зеландии» и т.д.). Указанным канонам и нормам фактически противоречит и Конституция Кубы 2019 г., допускающая любые формы брака (ст. 81, 82)[55].

В подтверждение девальвации основополагающих ценностей права приведу одну историю. В июле 2021 г. ко мне обратились с просьбой подготовить проект Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и

[54] Однополые браки легализованы с принятием 34-й поправки к Конституции, одобренной на референдуме 22 мая 2015 г. См.: Thirty-fourth Amendment of the Constitution (Marriage Equality) Act, 2015. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2015/ca/34/enacted/en/html (дата обращения: 11.11.2021).

[55] Конституция Кубы 2019 г. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Cuba_2019.pdf?lang=en (дата обращения: 11.11.2021).

гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, который Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека должен был, в соответствии с поручением Президента, представить Правительству Российской Федерации.

Подготовленный мною проект был взят за основу, но некоторые его положения были отвергнуты по весьма странным поводам и причинам.

В частности, из подготовленного мною проекта были исключены положения о необходимости принятия мер по предупреждению самоубийств детей и подростков, ставших жертвами разнузданной травли в социальных сетях. В возражениях членов рабочей группы указывалось, что число самоубийств за последние годы существенно снизилось: «на пике было 1600 в год, сейчас – не более 600 – 700» и что самоубийства в России «происходят НЕ от травли» и что «вообще неясно, зачем это здесь...».

В ответ на возражения членов рабочей группы я написал, что приведенные мною положения основаны на официальных данных Следственного комитета России, уполномоченных по правам ребенка, иных источников. В частности, я привел официальные (увы, неполные) данные Следственного комитета, согласно которым в 2017 г. было зафиксировано 692 детских суицида, в 2018 – 788[56]. Устрашающую динамику стремительного роста самоубийств детей подтверждают многие уполномоченные по правам ребенка субъектов федерации. Так, в Санкт-Петербурге, в 2019 г. в результате самоубийств погибли три ребенка, в 2020 г. число таких детей возросло до 16 [57]. В Приморском крае в результате суицидов в 2018 г. погибло 9, в 2020 г. – 11 детей; за тот же период число попыток самоубийства детей возросло почти в два раза: с 30 до 55 случаев[58].

Негативное воздействие социальных сетей на стремительный количественный рост самоубийств детей отмечается во многих документах и выступлениях сотрудников правоохранительных органов России[59].

Но эти доводы услышаны не были.

Из представленного мною проекта было исключено положение, не допускающее размещения какой-либо информации о третьих лицах анонимными (действующими под чужими именами) пользователями социальных сетей.

Это предложение было отвергнуто членами рабочей группы со следующей формулировкой: «Очень странная норма. Какой-то артефакт из другой реальности. Непонятно, зачем это здесь вообще…».

Мои возражения, что такое положение необходимо, чтобы сдержать хотя бы часть мутных потоков клеветы, ненависти, вздорных обвинений,

---

[56] В России выросло число детских суицидов // ТАСС. 23 апр. 2019. URL: https://tass.ru/obschestvo/6365110 (дата обращения: 11.11.2021).

[57] Уполномоченный по правам ребенка Митянина рассказала о росте числа детских самоубийств в пандемию // Петербургский дневник. 31 марта 2021. URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/248202566 (дата обращения: 11.11.2021).

[58] Доклад о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Приморском крае и о соблюдении прав и законных интересов детей на территории Приморского края в 2020 г. Владивосток, 2020. 250 с. URL: https://www.primorsky.ru/authorities/authorized/child/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202020.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

[59] Соцсети влияют на рост количества суицидов среди детей – СК // РАПСИ. Новости. 29.05.2018. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20180529/282842512.html (дата обращения: 11.11.2021).

сметающих все на своем пути, и что это – не артефакт, а та реальность, к которой необходимо стремиться в цифровом пространстве, не были приняты во внимание.

Такую же судьбу разделили положения проекта, посвященные приоритетному направлению укоренения веры в добро и справедливость.

Как отмечалось в письме членов рабочей группы, это предложение «вызвало непонимание и веселье на Рабочей Группе». При этом было отмечено: «Декларировать приверженность добру нужно, но здесь как-то выбивается из стиля».

В ответ направил возражения, указывая, что вера в добро и справедливость провозглашена в преамбуле к Конституции Российской Федерации; что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит стремление к добру и справедливости к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, объединяющим нашу многонациональную и многоконфессиональную страну (п. 91). Но мои слова остались «гласом вопиющего в пустыне».

Следует отметить, что забвение, искаженное восприятие, деградация основополагающих принципов государства и общества стали повседневной практикой не только России, но и многих других государств, отражая общие процессы трансформации социальных структур. Они становятся все более раздробленными, ориентированными на защиту частных, а не общих интересов, что противоречит основной цели государства и общества – достижению общего блага.

Остановить такое развитие событий, неумолимо влекущее нашу цивилизацию в пропасть небытия, могут только правоведы, поскольку это их война за право, война за жизнь ныне живущего и будущих поколений, война за сохранение великого наследия прошлого.

И в этой войне каждый из правоведов должен идти до конца, не отступая ни на один шаг, вставая, когда сбивают с ног, встречая опасность с верой в свои силы, с надеждой остановить силы зла, с любовью к тем, кто ждет защиты от нас…

Список литературы

1. **Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Мау В. А.** Конституционная экономика. М., 2001. 79 с.

2. **Виноградов П. Г.** Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 280 с.

3. **Ганди М. К.** Моя жизнь: пер. с англ. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 443 с.

4. **Гегель Г. В.Ф .** Философия права: пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.

5. **Дигесты** Юстиниана / Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского; отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. 456 с.

6. **Иеринг Р. (1818 – 1892).** Борьба за право = Kampf um's Recht / пер. О. А. Верта с 11-го (посмерт.) нем. изд. с предисл. и примеч. авт., под ред. М. И. Свешникова. Санкт-Петербург: Тип. Я. Трей, 1895. 90 с.

7. **Конфуцианское** «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева и др.; вступ. ст. Л. С. Переломова; отв. ред. Л. С. Переломов. М.: Вост. лит. РАН, 2004. 431 с.

8. **Лафитский В. И.** Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М.: Тихомиров, 2003 (ППП Тип. Наука). 375 с.

9. **Лафитский В. И.** Президентские выборы США 2020 г. в эпоху перемен // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 4. С. 12 – 18.

10. **Правила** адвокатской профессии в России : опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / сост. чл. совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А. Н. Марков. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1913. 429 с.

11. **Савиньи Ф. К.** Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. Т. 1. М.: Статут, 2011. Т. 1. 508 с.

12. **Соединенные Штаты Америки.** Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В. И. Лафитский; под ред. О. А. Жидкова. М.: Прогресс: Универс, 1993. 765 с.

13. **Токвиль А.** Демократия в Америке: пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. 559 с.

14. **Бехруз Х.** Исламские традиции права. Одесса: Юридична літературам, 2006. 298 с.

15. **Маргинани Бурхануддин.** Хидая. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. / под ред. Н. И. Гродекова, предисл. и вступ. ст. А.Х. Саидова. Ч. 1 Т. I-II. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2010. 808 с.

16. **Шершеневич Г. Ф.** О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Воронеж: ВГУ, 2018. 34 с.

17. **Constitutions** That Made History / Ed. By Albert Blaustein, Jay A. Sigler. N.Y., 1988.

18. **Storey J. L.** Commentaries on the Constitution of the United States. Boston, 1833.

19. **Hegel G. W. F.** Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Erster Teil. Berlin, 2013.

20. **Кистяковский Б. А.** В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

References

1. **Barenboym P.D., Lafitskiy V.I., Mau V.A.** *Konstitutsionnaya ekonomika* [Constitutional economy], Moscow, 2001, 79 p. (In Russ.).

2. **Vinogradov P.G., Batler U.E. and Tomsinov V.A.** *Ocherki po teorii prava. Rimskoye pravo v srednevekovoy Yevrope* [Essays on the theory of law. Roman law in medieval Europe], Moscow: Zertsalo, 2010, 280 p. (In Russ.).

3. **Gandi M.K.** *Moya zhizn'* [My life], Moscow: Izdatel'stvo vost. lit., 1959. 443 p. (In Russ.).

4. **Gegel' G.V.F.** *Filosofiya prava* [Philosophy of law], Moscow: Mysl', 1990, 524 p. (In Russ.).

5. **Skripilev Ye.A. (Ed.).** *Digesty Yustiniana* [Digests of Justinian], Moscow: Nauka, 1984, 456 p. (In Russ.).

6. **Iyering R.** (1818 – 1892). Kampf um's Recht, Sankt-Peterburg: Tip. YA. Trey, 1895. 90 s. (In German).

7. **Kobzev A.I. (Trans.), Perelomov L.S. (Ed.).** *Konfutsianskoye «Chetveroknizhiye» («Sy shu»)* [Confucian "Four Books" ("Sy shu")], Moscow: Vost. lit. RAN, 2004, 431 p. (In Russ.).

8. **Lafitskiy V.I.** *Poeziya prava: stranitsy pravotvorchestva ot drevnosti do nashikh dney* [Poetry of law: pages of lawmaking from antiquity to the present day], Moscow: Tikhomirov, 2003 (PPP Tip. Nauka), 375 p. (In Russ.).

9. **Lafitskiy V.I.** [US presidential elections in 2020 in an era of change], *Izbiratel'noye zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice], 2020, no. 4, pp. 12-18. (In Russ.).

10. **Markov A.N. (Comp.).** *Pravila advokatskoy professii v Rossii: opyt sistematizatsii postanovleniy sovetov prisyazhnykh poverennykh po voprosam professional'noy etiki* [The rules of the legal profession in Russia: the experience of systematizing the rulings of the councils of attorneys on professional ethics], Moscow: Tip. O. L. Somovoy, 1913, 429 p. (In Russ.).

11. **Savin'i F.K., Zhigulin G. (Trans.), Kutateladze O. and Zubarya V. (Ed.).** *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [The system of modern Roman law], in 8 vols. Moscow: Statut, 2011, v. 1, 508 p. (In Russ.).

12. **Lafitskiy V.I. (Comp.), Zhidkov O.A. (Ed.).** *Soyedinennyye Shtaty Ameriki. Konstitutsiya i zakonodatel'nyye akty* [United States of America. Constitution and legislative acts], Moscow: Progress: Univers, 1993, 765 p. (In Russ.).

13. **Tokvil' A.** *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America], Moscow: Progress, 1992, 559 p. (In Russ.).

14. **Bekhruz Kh.** *Islamskiye traditsii prava* [Islamic traditions of law], Odessa: Yuridichna literaturam, 2006, 298 p. (In Russ.).

15. **Marginani Burkhanuddin.** *Khidoya. Kommentarii musul'manskogo prava*: in 2 parts [Hidoya. Commentaries of Islamic law], Ed. by N. I. Grodekov, foreword. and entered A.Kh. Saidov. Part 1, in vols. I-II, v. 1, Moscow: Volters Kluver, 2010, 808 p. (In Russ.).

16. **Shershenevich G.F.** *O chuvstve zakonnosti: publichnaya lektsiya, chitannaya 10 marta 1897 g.* [On the sense of legality: a public lecture delivered on March 10, 1897], Voronezh: VGU, 2018, 34 p. (In Russ.).

17. **Constitutions** That Made History. Ed. By Albert Blaustein, Jay A. Sigler. N.Y., 1988.

18. **Storey J.L.** Commentaries on the Constitution of the United States. Boston, 1833.

19. **Negel G.W.F.** Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Erster Teil. Berlin, 2013.

20. **Kistyakovskiy B.A.** [In defense of law (intelligentsia and legal awareness)], *Vekhi. Sbornik statey o russkoy intelligentsii* [Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia], Moscow, 1909. (In Russ.).

The Path of a Lawyer in the Time of Changes

V. I. Lafitsky, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Department of Theory of State and Law,
Kutaf in Moscow State Law University, Moscow, Russia;
vlafitskiy@gmail.com

For the first time in the scientific literature, the stages of formation and the role of lawyers as custodians of civilization and the highest values of law at different stages of state and legal development are analyzed. Particular attention is paid to the content of the era of changes, coming at the turn of the last two millennia. In search of an answer to the question of what consequences can cause the era of changes, the author studies the teachings of Hegel, Confucius, Plato, Aristotle, Polybio on the cycles of state and legal development; establishes the factors identifying the first sunrise of the state and law in the Promised Land and the role of judges played in their formation. The author studies the process of formation of law schools in ancient Rome, in Baghdad and Cordoba caliphates, in India, Italy, France, England, some other countries in Western Europe; identifies the features of the development and the tasks of schools of law in the USA, Germany, Russia in the 19th – early 20th centuriesy; points out the tasks of the lawyers in the 21st century in preventing the degradation and decay of the existing forms of state and law.

Keywords: jurisprudence; legal procession; legal education; philosophy of law.

© В. И. Лафитский, 2021

Статья поступила в редакцию 12.10.2021

При цитировании использовать:

Лафитский В. И. Путь правоведа в эпоху перемен // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 38 – 58. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.038-058

УДК 343.13 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.059-064

Исследуется правовой обычай как первый из источников права. Правовой обычай долгое время занимал основополагающее место в формировании всей системы права. В настоящее время в большинстве современных и развитых стран господствует верховенство письменных источников права (нормативно-правовые акты), а значимость обычая стала резко уменьшаться. В связи с этим возникают казуистические ситуации при практическом применении нормативно-правовых актов и установившихся правовых обычаев, легализованных государством. На основании этого исследование современного положения правового обычая в системе российского права признается актуальной необходимостью для единообразного ведения дел и соблюдения принципов равенства и справедливости.

Важным моментом является то, что правовой обычай остается неотъемлемой частью жизни общества и не может игнорироваться правовой системой, так как именно он изначально определял границы дозволенности и морали, а потому надлежит основывать законотворческую деятельность в соответствии с существующими правовыми обычаями, искореняя те, что противоречат базовым конституционным принципам или потребностям современного общества.

Ключевые слова: обычай; обычное право; правовой обычай; источник права.

Ирина Михайловна Максимова, *канд. юрид. наук, доцент,*
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
irma_tmb@mail.ru

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Введение. Длительный период изучения обычаев разных народов, в том числе и правовых, позволил сделать вывод о том, что данная форма права является первой и старейшей. В этом сходятся все исследователи данного вопроса.

Более того, считается, что обычай (для того времени использование слова «правовой» не логично) являлся одним из главных инструментов формирования общества и поддержания его жизнеспособности. Складываясь под влиянием внешних факторов, он передавался поколение в поколение в незакрепленной (устной) форме и помогал людям определять границы приемлемого поведения, порядок разрешения споров или конфликтов.

Силу и стойкость обычая составляли длительность его образования (что позволяло множество раз испробовать его на практике), а также то, что он исходил «снизу», то есть от народа, наилучшим образом выражая волю последнего.

Обсуждение. Трансформация родового, а затем общинного строя в более сложные системы заставляла людей уже в древние времена задумываться о месте обычая в жизни общества и о том, может ли формирую-

щаяся на том этапе государственная власть по своему желанию менять и отменять обычаи. Как показала историческая реалия – нет.

Первоначально государственной власти приходилось не то, что считаться со сложившимися на определенной территории обычаями, но и доказывать создаваемые государством правила (прообразы законов) этими самыми обычаями. То есть начинается процесс нормативного закрепления обычаев.

Государство стремилось по мере увеличения своего собственного авторитета не просто закреплять существующие обычаи, предавая им легальный и нормативный статус (здесь уже можно говорить о формировании «правового» обычая), но и искоренять те обычаи, которые противоречили целям государства и вектору развития.

В наиболее ранних цивилизациях (Вавилон, Древняя Греция и Древний Рим) формирование системы права было полностью сопряжено с работой над нормативным закреплением обычаев. Так, одни из первых законодательных сборников: Законы Ману, Законы Хаммурапи, Законы XII таблиц были не чем иным, как сведенными вместе и нормативно оформленными обычаями, получившими одобрение государства.

Важно отметить, что в рассматриваемый исторический период письменное право только начинало формироваться, и действовало на ряд ограниченных сфер (например, в Древней Греции первоначально на судебную и административную). В связи с чем теоретики и практики того времени придерживались мнения о необходимости формирования нормативных актов на основе поддерживаемых населением обычаев.

В древнекитайском трактате дается довольно хорошее описание данной ситуации: «когда законы устанавливаются без учета обычаев народа, то люди перестанут им подчиняться и ничего не удастся достигнуть» [4, с. 74].

Римское право, которое легло в основу большинства правовых систем, так же долгое время основывалось в основном на так называемом обычном праве.

В исторической и правовой литературе под обычным правом понимается «система правовых норм, основывающихся на обычае, регулирующая общественные отношения в данном государстве, в определенной местности либо для данной этнической или социальной группы» [3, с. 93].

Зачастую областями применения обычного права долгое время оставались сферы наследования, семейно-брачных отношений, ведения сделок и другие.

Применительно к истории нашей страны можно сказать, что «Русская правда», наравне с «Салической» и «Баварской» являлись ни чем иным, как систематизированными сборниками обычаев, принимаемых обществом для решения вопросов на протяжении длительного периода. Во времена феодальной раздробленности доля нормативных актов, которые принимались государством без базирования на обычаях, были не столь существенны.

По мере роста силы государственной власти необходимость в подкреплении принимаемых законов консервативными традициями отпала, и государство смогло выработать принципы правотворческой деятельности. Теперь уже соблюдение законов поддерживалось не только «привычкой»

общества, но и силой государственного принуждения. В нашей стране этот период совпал с реформаторской деятельностью Петра Великого (то есть начало XVIII века).

И хотя обычное право претерпело существенные изменения, оно оставалось одним из источников права. Дело в том, что государство зачастую просто санкционировало правовой обычай, превращая его в нормативно-правовой акт, который обязателен к исполнению, в связи с чем и менялась сущность явления.

В современном мире правовой обычай остается наиболее сильным источником права в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки. В странах Европы он наиболее заметен в консервативных странах, к примеру, в Соединенном Королевстве, а также в международной торговле и международных сделках, отчасти упрощая процесс коммуникации.

Рассмотрев довольно кратко исторический путь трансформации правового обычая как источника права, можно сделать вывод, что с позиции первого и главенствующего он сместился на второй и вспомогательный в большинстве стран мира. Его существование объясняется полезностью для общества и стабилизирующей функцией.

Для того чтобы понимать, что подразумевается в современной научной литературе под «правовым обычаем», обратимся к определениям, на которых строится большинство научных трудов. Они все однотипны и лишь меняют словесную оболочку без перемены смысла. В связи с этим предлагается следующее определение, которое является наиболее полным.

Правовой обычай – это «сложившееся в результате многократного, длительного применения, общепризнанное (в том числе государством) и повсеместно используемое в какой-либо сфере социальных взаимодействий правило, официально не зафиксированное в каком-либо нормативно-правовом акте» [5, с. 180].

Исходя из определения, сразу же вытекают ключевые признаки правового обычая:

– длительность формирования. Первоначально правовые обычаи складывались на правилах, применяемые как минимум одним поколением (около 50 – 70 лет). Однако в настоящее время, с нашей сточки зрения, логично говорить, что понятие длительности становится относительным и зависит как от конкретной правовой системы и национальных традиций, так и конкретной ситуации;

– общепризнанность. Правовой обычай, несмотря на отсутствие закрепления его в качестве письменного закона, должен, так или иначе, быть известен определенной группе лиц, на которых он распространяется. Ранее это выражалось в фольклоре, сейчас же в принципах профессиональной деятельности в той или иной области, сложившихся не писаных правилах работы между организациями или в «общеизвестных фактах и практиках», которые признаются теми, на кого они направлены. Немаловажно указать, что общепризнанность касается и государства как правотворческого органа. Если какой-либо обычай противоречит действующему законодательству, то он не может считаться общепризнанным;

– многократность применения. Считается, что использовать правовой обычай можно в том случае, если его многократное применение в прошлом носило положительный эффект (ускоряло процесс рассмотрения дел, способствовало соблюдению принципа справедливости или помогало избежать длительных переговоров и обсуждений, давая сторонам удовлетворение их потребностей). Если же применение данного принципа приводит к возникновению отрицательных последствий, он не имеет права считаться правовым обычаем;

– незафиксированность. Оговоримся, что имеется в виду не то, что правовой обычай не зафиксирован нигде, а то, что он не отражен в действующих нормативно-правовых актах. Более того, если этот обычай отражается в деловых бумагах, протоколах и других подобных вещественных носителях информации, то это позволяет ускорить его использование в ходе судебных разбирательств;

– локальность. Нормативно-правовые акты, установленные государством, действуют на территории всей страны или определенных субъектов и касаются всех граждан или отдельных категорий. В то время как правовой обычай куда более специфичен и может касаться небольшой территории или незначительной группы лиц (иногда принимая почти «индивидуальный характер»);

– непротиворечивость. Как уже отмечалось ранее, правовой обычай не может противоречить действующему законодательству. В связи с этим странам, принимавшим конституцию и стремившимся к демократизации политического строя, приходилось часто бороться с кровавыми и неконституционными обычаями (кровная месть, непризнание за женщинами гражданских прав и т.д.).

Рассмотрев определение и признаки правового обычая, следует перейти к проблемным аспектам санкционирования государством правового обычая. К сожалению, мнения ученых-правоведов по этому вопросу существенно разделились и в большинстве своем носят политизированный оттенок (то есть исходят из интересов политической сферы и существующего государственного строя).

Так, например, правоведы, изучающие англо-саксонскую ветвь права, выражают в своих трудах возможность санкционирования обычая через судебные решения, в которых он отражен. Это связано с высокой силой судебного прецедента в данной ветви власти. В частности, в Соединенном Королевстве активно использовалось санкционирование обычаев через судебные решения, а институт судебного прецедента делал возможным дальнейшую опору на него в более поздних разбирательствах.

В качестве положительных последствий можно назвать ускорение процесса принятия обычая в качестве зафиксированного источника и отсутствие необходимости каждый раз доказывать его существование и легитимность. С другой стороны, абсолютизация данной функции за судами приведет в итоге к казуистическим заключениям и путанице в судебных разбирательствах, когда судить будут не по букве закона, а по обычаям и традициям, что может привести к деградации правовой системы.

Ряд исследователей, например, С. Л. Зивс, придерживаются мнения, что государству надлежит санкционировать лишь возможность примене-

ния обычаев и косвенно давать ссылки на них, оставляя остальную работу судам [2, с. 45]. И здесь возник вопрос, могут ли суды считать признанными правовые обычаи, по поводу которых государство «промолчало».

Ученые-юристы сошлись во мнении, что «молчаливого согласия» государства в данном вопросе быть не может [1, с. 126]. Использовать правовой обычай в той сфере, где его применение государством не установлено, нельзя. Это отчасти объясняется слабостью советской власти в первый период после Гражданской войны и засильем обычаев в решении вопросов между крестьянами. Государство было вынуждено разрешить применение обычаев в данной сфере хотя бы для того, чтобы избежать беззакония и путаницы в дальнейшем.

Следует отметить, что в современном мире господствует точка зрения о необходимости государственного одобрения как на использование обычаев в практике, так и на указание, в каких вопросах они могут быть применимы. В результате правовой обычай становится основой для будущего закона. Важно отметить, что принятие нормативно-правового акта, содержащего обычай, превращает его в закон и наделяет соответствующей силой.

Заключение. Правовой обычай – это источник права с определенной спецификой и незакрепленный в законодательных актах, но используемый в юридической практике. Сложность использования правового обычая на практике в нашей стране сводится к его доказательству в ходе судебного разбирательства, а также в том, что суды зачастую используют его как вспомогательный аргумент (инструмент), но количество арбитражных дел, в которых даются ссылки на правовой обычай или обычай делового оборота с каждым годом растет. Несоответствие теоретических концепций реальным ситуациям вынуждают теоретиков и практиков искать компромисс и продолжать изучать данное явление. Одной из главных причин этого – казуистичность правовых обычаев и их неоднозначность в практическом применении.

Список литературы

1. **Бошно С. В.** Формы российского права: монография. М.: Право и закон, 2004. 319 с.

2. **Зивс С. Л.** Источники права. М.: Наука, 1981. 239 с.

3. **Лазарев В. В., Липень С. В.** Теория государства и права: учеб. для вузов. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Спарк, 2004. 527 с.

4. **Шан Цзюнь Шу.** Книга правителя области Шан / Пер. с кит. Л. С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. 392 с.

5. **Ярмонова Е. Н.** Правовой обычай как источник права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2-2. С. 180 – 182.

References

1. **Boshno S. V.** *Formy rossiyskogo prava: monografiya* [Forms of Russian law: monograph], Moscow: Pravo i zakon, 2004, 319 p. (In Russ.).

2. **Zivs S.L.** *Istochniki prava* [Sources of law], Moscow: Nauka, 1981, 239 p. (In Russ.).

3. **Lazarev V.V., Lipen' S.V.** *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook. for universities], Izd. 3-ye, ispr. i dop. Moscow: Spark, 2004, 527 p. (In Russ.).

4. **Shan Tszyun' Shu, Perelomov L.S. (Trans.)** *Kniga pravitelya oblasti Shan* [The book of the ruler of the Shan region], Moscow: Ladomir, 1993, 392 p.

5. **Yarmonova Ye.N.** [Legal custom as a source of law], *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International journal of the humanities and natural sciences], 2019, no. 2-2, pp. 180-182. (In Russ.).

Legal Convention as a Source of Law: Historical and Theoretical Aspects

I. M. Maksimova, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia; irma_tmb@mail.ru*

The article examines legal custom as the first source of law. For a long time legal custom has occupied a fundamental place in the formation of the entire system of law. At present, in most modern and developed countries, the supremacy of written sources of law (regulatory legal acts) dominates, and the importance of custom has begun to decline sharply. In this regard, casuistic situations arise in the practical application of normative legal acts and established legal customs legalized by the state. On the basis of this, the study of the current position of legal custom in the system of Russian law is recognized as an urgent need for a uniform conduct of business and compliance with the principles of equality and justice.

An important point is that the legal custom remains an integral part of the life of society and cannot be ignored by the legal system, since it was he who initially determined the boundaries of permissibility and morality, and therefore it is necessary to base legislative activity in accordance with existing legal customs, eradicating those that contradict the basic constitutional principles or the needs of modern society.

Keywords: custom; customary law; legal custom; source of law.

© И. М. Максимова, 2021

Статья поступила в редакцию 01.07.2021

При цитировании использовать:

Максимова И. М. Правовой обычай как источник права: исторический и теоретический аспекты // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 59 – 64. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.059-064

УДК 340 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.065-074

Статья является первой частью серии, посвященной актуальным правовым вопросам развития системы обучения рабочих и профессионального образования в ПТУ в Советской Союзе. В части первой проведены исследования правовых основ профессионального образования в 1970-е гг. Автор характеризует Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (1970 г.) в совокупности с КЗоТ РСФСР (1971 г.). Анализируются новеллы законодательства.

Ключевые слова: профессиональное образование; профессиональное обучение на производстве; повышение квалификации; профессионально-техническое образование; среднее специальное образование; высшее образование; льготы работникам, совмещающим работу с обучением.

Алексей Яковлевич Петров, *д-р юрид. наук, профессор,*
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
alexey.petrov@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО В СССР (70-е гг. XX столетия)

Знаменательным событием в истории профессионального образования и обучения явились Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (1970 г.) (*далее* – Основы), которые определили фундаментальные подходы в их правовом регулировании. Так, в Преамбуле Основ отмечалось, что осуществляемое в широких масштабах бесплатное специальное и профессионально-техническое образование гарантирует свободный выбор рода работы и профессии с учетом интересов общества.

Согласно ст. 2 Основ право граждан СССР на труд…, – включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей, обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства.

Для всех предприятий и организаций устанавливалась бронь приема на работу и профессиональное обучение на производстве молодежи, окончившей общеобразовательные школы, профессионально-технические учебные заведения, а также других лиц моложе восемнадцати лет.

Отказ в приеме на работу и профессиональное обучение указанным лицам, направленным за счет брони, был запрещен (ст. 80).

Основы закрепляли, что:

– молодые рабочие, окончившие профессионально-технические учебные заведения, и молодые специалисты, окончившие высшие и средние специальные учебные заведения, обеспечиваются работой в соответствии с полученной специальностью и квалификацией (ст. 81);

– для профессиональной подготовки и повышения квалификации рабочих и служащих, особенно молодежи, администрация предприятий, организаций, учреждений обязана организовать индивидуальное, бригадное, курсовое и другие формы профессионального обучения на производстве за счет предприятия, организации, учреждения.

Рабочим и служащим, проходящим профессиональное обучение на производстве или обучающимся в учебных заведениях без отрыва от производства, администрация обязана создавать необходимые условия для совмещения работы с обучением[1].

При повышении квалификационных разрядов или продвижении по работе должны были учитываться: успешное прохождение рабочими и служащими профессионального обучения на производстве, общеобразовательная и профессиональная подготовка, а также получение ими высшего или среднего специального образования (ст. 83).

Новеллой в истории трудового законодательства явилась гл. X Основ «Льготы для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением».

Так, ст.ст. 84, 85 Основ предусматривали, что:

– для рабочих и служащих, обучающихся без отрыва от производства в общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведениях, устанавливается сокращенная рабочая неделя или сокращенная продолжительность ежедневной работы с сохранением заработной платы в установленном порядке;

– им предоставляются так же и другие льготы;

– рабочим и служащим, допущенным к вступительным экзаменам в высшие и средние специальные учебные заведения, предоставляется отпуск без сохранения заработной платы;

– рабочим и служащим, обучающимся в вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведениях, предоставляются оплачиваемые в установленном порядке отпуска в связи с обучением, а также другие льготы[2].

Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г. (*далее* – КЗоТ) развил и конкретизировал некоторые нормы Основ законодательства о труде.

Исключительно важно то, что ст. 2 КЗоТ закрепила право на бесплатную профессиональную подготовку и бесплатное повышение квалификации в качестве основного права.

Позитивно, что коллективным договором устанавливались взаимные обязательства администрации и коллектива рабочих и служащих по повышению квалификации и подготовке кадров непосредственно на производстве (ст. 8).

Согласно ст. 112 КЗоТ при направлении рабочих и служащих для повышения квалификации с отрывом от производства за ними сохранялось место работы (должность) и производились выплаты, предусмотренные законодательством.

---

[1] Указанные нормы Основ актуальны для современного законодательного регулирования профессионального образования и профессионального обучения.

[2] Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде: закон СССР от 15.07.1970 г. № 2-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.

Для всех предприятий и организаций устанавливалась бронь приема на работу и на производственное обучение молодежи, а также других лиц моложе восемнадцати лет (ст. 181)[3].

Кодекс законов о труде 1971 г не предусмотрел главу об ученичестве, однако закрепил главу XIII: льготы для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением (ст.ст. 184 – 200)[4].

В данной главе устанавливалось, что для профессиональной подготовки и повышения квалификации рабочих и служащих, особенно молодежи, администрация предприятий, организаций, учреждений должна была организовать индивидуальное, бригадное, курсовое и другое производственное обучение за счет предприятия, организации, учреждения.

Теоретические занятия и производственное обучение при подготовке новых рабочих непосредственно на производстве путем индивидуального, бригадного и курсового обучения проводились в пределах рабочего времени, установленного законодательством о труде для работников соответствующих возрастов, профессий и производств.

По окончанию производственного обучения рабочему присваивалась квалификация согласно тарифно-квалификационному справочнику, и предоставлялась работа в соответствии с полученной квалификацией и присвоенным ему разрядом[5].

Рабочим и служащим, проходящим производственное обучение или обучающимся в учебных заведениях без отрыва от производства, администрация обязана была создавать необходимые условия для совмещения работы с обучением.

При повышении квалификационных разрядов или при продвижении по работе должны были учитываться успешное прохождение рабочими и служащими производственного обучения, общеобразовательная и профессиональная подготовка, а также получение ими высшего или среднего специального образования.

Для рабочих и служащих, обучающихся без отрыва от производства в общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведениях, устанавливалась сокращенная рабочая неделя или сокращенная продолжительность ежедневной работы с сохранением заработной платы в установленном порядке; им предоставлялись также и другие льготы.

---

[3] И ныне важны следующие нормы КЗоТ о расторжении трудового договора:

ст. 34 – преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников работникам, повышающим свою квалификацию без отрыва от производства в высших и средних специальных учебных заведениях;

ст. 39 – при расторжении трудового договора по инициативе рабочего или служащего в связи с зачислением в высшее или среднее специальное учебное заведение либо в аспирантуру и по другим причинам, с которыми законодательство связывает предоставление определенных льгот и преимуществ, запись об увольнении в трудовую книжку вносится с указанием этих причин.

[4] Вряд ли правильно в названии главы и в ее содержании термин «льготы» (*прим. авт.*).

[5] Не совсем обоснована и точна норма о присвоении рабочему квалификации. При этом не указано о получении им соответствующей профессии (специальности). Сравнить со ст. 15 и 57 Трудового кодекса РФ.

Запрещалось привлечение к сверхурочным работам в дни занятий рабочих и служащих, обучающихся без отрыва от производства в общеобразовательных школах и профессионально-технических учебных заведениях[6].

Рабочие и служащие, успешно обучающиеся без отрыва от производства в вечерних (сменных) профессионально-технических учебных заведениях, освобождались от работы для подготовки и сдачи экзаменов на 30 рабочих дней в течение года, с сохранением за ними пятидесяти процентов средней заработной платы по основному месту работы.

Рабочим и служащим, допущенным к вступительным экзаменам в высшие и средние специальные учебные заведения, предоставлялся отпуск без сохранения заработной платы.

Допущенным к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения (в том числе в заводы-втузы) предоставлялся отпуск на 15 календарных дней, а в средние специальные учебные заведения – 10 календарных дней, не считая времени на проезд к месту нахождения учебного заведения и обратно.

Рабочим и служащим, обучающимся в вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведениях, предоставлялись оплачиваемые в установленном порядке отпуска в связи с обучением, а также другие льготы.

Студенты вечерних и заочных высших учебных заведений и учащиеся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений на период 10 учебных месяцев перед началом выполнения дипломного проекта (работы) или сдачи государственных экзаменов имели право при шестидневной рабочей неделе на один свободный от работы день в неделю для подготовки к занятиям с оплатой его в размере пятидесяти процентов получаемой заработной платы, но не ниже минимальной. При пятидневной рабочей неделе количество свободных от работы дней изменялось в зависимости от продолжительности рабочей смены при сохранении количества свободных от работы часов.

Администрация предприятий, учреждений, организаций была вправе предоставлять в течение указанных 10 учебных месяцев дополнительно, по желанию студентов и учащихся, еще один-два свободных от работы дня в неделю без сохранения заработной платы.

Студентам, успешно обучающимся в вечерних высших учебных заведениях, на период выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов ежегодно предоставлялся отпуск на первом и втором курсах – 20 календарных дней, на третьем и последующих курсах – 30 календарных дней.

Учащимся, успешно обучающимся в вечерних средних специальных учебных заведениях, на период выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов ежегодно предоставлялся отпуск на первом и втором курсах – 10 календарных дней, на третьем и последующих – 20 календарных дней.

[6] Эту норму следовало бы распространить на рабочих и служащих, обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях (*прим. авт.*).

Студентам и учащимся, успешно обучающимся в заочных высших и средних специальных учебных заведениях, на период выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов ежегодно предоставлялся отпуск на первом и втором курсах – 30 календарных дней, на третьем и последующих курсах – 40 календарных дней.

Студентам и учащимся вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведений на период сдачи государственных экзаменов предоставлялся отпуск 30 календарных дней.

Студентам вечерних и заочных высших учебных заведений на период подготовки и защиты дипломного проекта (работы) предоставлялся отпуск продолжительностью в 4 месяца, а учащимся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений – 2 месяца.

За время отпусков, предоставляемых в связи с обучением в вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведениях, за рабочими и служащими сохранялась заработная плата, но не выше установленного размера.

Администрация предприятий, учреждений, организаций по рекомендации соответствующих учебных заведений была вправе предоставлять обучающимся на последних курсах вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведений дополнительный месячный отпуск без сохранения заработной платы для ознакомления непосредственно на производстве с работой по избранной специальности и подготовки материалов к дипломному проекту. На период отпуска студенты и учащиеся зачислялись на стипендию на общих основаниях.

Администрация предприятий, учреждений, организаций оплачивала обучающимся в заочных высших и средних специальных учебных заведениях проезд к месту нахождения учебного заведения и обратно для выполнения лабораторных работ и сдачи зачетов и экзаменов один раз в год в размере пятидесяти процентов стоимости проезда.

Кроме того, в таком же размере производилась оплата проезда для подготовки и защиты дипломного проекта (работы) или сдачи государственных экзаменов[7].

Несмотря на не совсем удачное название гл. XIII, КЗоТ впервые в истории трудового права предусмотрел не только организацию профессионального обучения непосредственно на предприятии, в организации, учреждении, но и получение профессионального образования рабочими и служащими в профессионально-технических, высших и средних специальных учебных заведениях.

Таким образом, в указанной главе КЗоТ 1971 г. были закреплены два вида профессионального обучения (образования):

1) производственное обучение;

2) обучение без отрыва от производства в профессиональных учебных заведениях[8].

---

[7] Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР: закон РСФСР от 09.12.1971 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.

[8] К сожалению, данный позитивный опыт не учтен в действующих нормах Трудового кодекса РФ (*прим. авт.*).

Заметной вехой в истории правового регулирования профессионального образования и обучения являются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании.

Согласно Основ, государственные предприятия, учреждения, организации принимают активное участие в развитии народного образования, а также в профессиональном обучении, повышении квалификации трудящихся, содействуют рабочим, колхозникам и служащим в получении образования (ст. 13).

Производственная практика учащихся средних профессионально-технических училищ являлась важной составной частью профессиональной подготовки квалифицированных рабочих. Производственная практика должна была проводиться на передовых предприятиях, в объединениях, организациях, в цехах, на участках и рабочих местах, оснащенных современной техникой, с прогрессивной технологией и высоким уровнем организации труда (ст. 36).

Профессиональное обучение проводилось на курсах, в учебно-курсовых комбинатах и других формах профессионального обучения рабочих на производстве, а также могло организовываться на базе средних профессионально-технических училищ. Лицам, прошедшим профессиональное обучение на производстве и сдавшим квалификационные экзамены, выдавалось в установленном порядке свидетельство единой формы о присвоении квалификации (разряда, класса, категории) по профессии (ст. 38).

Повышение квалификации специалистов народного хозяйства осуществлялось на плановой основе в институтах повышения квалификации, на факультетах повышения квалификации при высших учебных заведениях, на курсах повышения квалификации при министерствах и ведомствах, передовых предприятиях, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организациях, высших и средних специальных учебных заведениях, а также в других учреждениях и организациях в порядке, определяемом Советом Министров СССР (ст. 50).

Важнейшими новеллами в законодательном регулировании профессионального образования и обучения следовало бы признать нормы о том, что:

– *профессиональное и экономическое обучение работников* в системе повышения квалификации кадров носит *непрерывный характер и проводится в течение всей трудовой деятельности* в целях последовательного расширения и углубления знаний, совершенствования мастерства рабочих, специалистов и руководителей в соответствии с требованиями научно-технического прогресса;

– обучение осуществляется в учебных заведениях (центрах) повышения квалификации кадров, а также непосредственно на предприятиях (объединениях), совместных предприятиях, в учреждениях, организациях.

Его непрерывность обеспечивалась путем рационального сочетания систематического самообразования, массовой производственно-экономической учебы, краткосрочного и периодического длительного обучения на соответствующих курсах или в учебных заведениях (центрах).

Должностные перемещения руководителей и специалистов, установление им соответствующего размера заработной платы, а также присвоение рабочим квалификационных разрядов и классности были связаны

с результатами обучения и практического использования полученных знаний, умений и навыков.

В целях обеспечения работникам условий для непрерывного обучения в каждой отрасли, а также на предприятиях создавалась гибкая и мобильная учебно-производственная сеть с необходимой материальной базой, научно-методическим и кадровым обеспечением.

Вся работа по организации непрерывного профессионального и экономического обучения кадров должна была направляться на обеспечение эффективной деятельности министерств, ведомств, предприятий.

Постоянное повышение квалификации являлось прямой обязанностью каждого работника (ст. 59)[9].

Актуальная новелла Основ – раздел II – *непрерывное обучение руководящих работников и специалистов*, который наряду с переподготовкой включал повышение их квалификации.

К повышению квалификации относилось любое обучение, направленное на совершенствование и развитие знаний, умений, навыков какого-либо конкретного типа деятельности. Потребность в повышении квалификации определялось постоянным изменением стоящих перед работниками задач и условий труда, связанных как с совершенствованием средств производства, так и с должностным ростом[10].

Устанавливались следующие основные виды повышения квалификации руководящих работников и специалистов:

– систематическое самостоятельное обучение работников (самообразование);

– обучение на производственно-экономических семинарах и в университетах технико-экономических знаний;

– краткосрочное обучение;

– длительное периодическое обучение;

– стажировка на передовых предприятиях, в ведущих научных организациях и учебных заведениях;

– обучение в целевой аспирантуре, докторантуре.

Раздел III Основ закреплял нормы *о повышении квалификации рабочих.*

Под повышением квалификации рабочих понималось обучение, направленное на последовательное совершенствование их профессиональных знаний, умений, навыков и рост мастерства по имеющимся профессиям.

Обучение рабочих по повышению квалификации могло осуществляться:

– на производственно-экономических курсах;

– курсах целевого назначения;

– курсах бригадиров, а также в школах передовых приемов и методов труда.

Для повышения профессионального и экономического уровня рабочих на предприятиях должны были широко использоваться кружки, лек-

[9] Данная норма Закона представляется исключительно своевременной и прогрессивной.

[10] Сведения о прохождении обучения руководителями и специалистами отражались в квалификационном аттестате единого образца, который являлся основным документом, удостоверяющим их профессиональный уровень (*прим. авт.*).

тории, выставки, систематическое самостоятельное обучение (самообразование) и другие формы работы. Периодичность и последовательность прохождения рабочими различных видов и форм обучения устанавливалось предприятием с учетом личных интересов работника и производственной необходимости. При этом должно быть обеспечено обязательное ежегодное обучение каждого рабочего в тех или иных видах и формах профессиональной и экономической учебы[11].

Раздел IV Основ закреплял нормы *о преподавательских кадрах*.

В частности, в учебных заведениях по профессиональному обучению рабочих теоретические занятия проводятся преподавателями, а производственное обучение – мастерами (инструкторами) производственного обучения из числа лиц, отвечающих квалификационным требованиям.

Непосредственно на предприятиях для проведения занятий с руководителями и специалистами должны были привлекаться ведущие ученые, высококвалифицированные работники, специалисты предприятий, научно-исследовательских, технологических и конструкторских организаций, центрального аппарата министерств, ведомств, территориальных органов управления, преподаватели учебных заведений.

Профессиональное и экономическое обучение рабочих осуществлялось преподавателями и инструкторами производственного обучения. Преподаватели назначались из числа руководящих, инженерно-технических работников, экономистов и других специалистов, имеющих высшее или среднее специальное образование по профилю учебы. Инструкторы производственного обучения могли быть назначены из числа квалифицированных рабочих и специалистов, имеющих стаж работы по профессии не менее трех лет, высокие производственные показатели, общее среднее или среднее специальное образование.

Для работников, привлекаемых к проведению занятий, организовывались циклы лекций или консультаций, семинары в целях изучения ими актуальных вопросов экономической и научно-технической политики государства, передового опыта дидактических основ обучения[12].

Мероприятия по выполнению планов непрерывного обучения кадров рекомендовалось включать в коллективные договоры[13].

Ответственность за выполнение планов непрерывного обучения работников возлагалась на руководителей предприятий и их подразделений[14].

---

[11] Этот позитивный опыт следовало бы использовать при принятии Трудового кодекса РФ в разделе IX (*прим. авт.*).

[12] Вопрос о преподавателях (инструкторах), осуществляющих профессиональное обучение непосредственно у работодателя, не нашел своего позитивного решения в Трудовом кодексе РФ.

[13] Утв. Законом СССР от 19.07.1973 г. № 4536-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 392. См. также «О народном образовании»: закон РСФСР от 02.08.1974 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 32. Ст. 850.

[14] В этот период профессиональное обучение рабочих осуществлялось преимущественно в ПТУ, а профессиональное образование специалистов – в средних специальных и высших учебных заведениях. Так, во второй половине 1970-х гг. в этих учебных заведениях профессиональное образование получили примерно 83 % выпускников общеобразовательных средних школ // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Итак, в 1970-е годы сложилась трехзвенная система профессионального образования (обучения), включавшая: профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образования. Вместе с тем нельзя не отметить определенную несогласованность в нормативно-правовом регулировании такими фундаментальными законами, как Основы законодательства о труде и Основы о народном образовании, что, очевидно, недопустимо.

Заметным событием в истории отечества явилось принятие Конституции СССР 1977 г.

Статья 40 Основного закона предусматривала, что граждане СССР имеют право на труд…, – включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Это право обеспечивалось в том числе, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства.

Статья 45 Конституции СССР закрепила право граждан СССР на образование. Это право обеспечивалось бесплатностью всех видов образования, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством[15].

Список литературы

1. **Глебов В. Г.** Ученический договор: монография. М.: Юрист, 2006. 144 с.
2. **Дрожжин В. А.** Правовое регулирование подготовки рабочих кадров на производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. 26 с.
3. **Занданов И. В.** Ученический договор как форма профессиональной подготовки и переподготовки работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
4. **История** профессионального образования в России / под науч. ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова, Е. Г. Осовского. М.: Профессиональное образование, 2003. 663 с.
5. **Новикова Н. В.** Правовое регулирование отношений по повышению квалификации в России: история и современность: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.05. Пермь, 2009. 25 с.
6. **Петров А. Я.** Профессиональное образование и обучение работников (персонала): правовые основы: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 317 с.

References

1. **Glebov V.G.** *Uchenicheskiy dogovor: monografiya* [Student contract: monograph], Moscow: Yurist, 2006, 144 p. (In Russ.).
2. **Drozhzhin V.A.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Leningrad, 1970, 26 p. (In Russ.).

[15] В это же время для штатных преподавателей институтов и курсов повышения квалификации была введена периодическая стажировка на передовых предприятиях и в высших учебных заведениях. См. О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства (с изм. и доп. от: 26.10.1987 г. № 1202; 30.03.1990 г. № 322): постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 13 октября 1977 г. № 933 // СП СССР. 1990. №10. Ст. 49.

3. **Zandanov I.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 2011, 27 p. (In Russ.).

4. **Batyshev S.Ya., Novikov A.M., Osovskii Ye.G. (Eds.)** *Istoriya professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [History of vocational education in Russia], Moscow: Professional'noye obrazovaniye, 2003, 663 p. (In Russ.).

5. **Novikova N.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Perm', 2009, 25 p. (In Russ.).

6. **Petrov A.Ya.** *Professional'noye obrazovaniye i obucheniye rabotnikov (personala): pravovyye osnovy: uchebnik dlya vuzov* [Professional education and training of workers (personnel): legal basis: textbook for universities], Moscow: Yurayt, 2021, 317 p. (In Russ.).

Professional Education and Law in the USSR (1970s)

A. Ya. Petrov, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
alexey.petrov@yandex.ru

The article is the first part of a series devoted to topical legal issues of the development of the training system for workers and vocational education in vocational schools in the Soviet Union. Part one is devoted to the study of the legal foundations of vocational education in the 1970s. The author characterizes the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics on Labor (1970) in conjunction with the Labor Code of the RSFSR (1971). The novelties of legislation are analyzed.

Keywords: professional education; vocational training in production; training; vocational and technical education; secondary special education; higher education; employee benefits, combining work with training.

© А. Я. Петров, 2021

Статья поступила в редакцию 04.10.2021

При цитировании использовать:

Петров А. Я. Профессиональное образование и право в СССР (70-е гг. XX столетия) // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 65 – 74. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.065-074

УДК 947 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.075-090

Показаны основные элементы идеологической платформы и главные этапы деятельности, а также политическая судьба Трудовой группы (1906 – 1917 гг.). Дан анализ общего положения Трудовой группы в партийной системе страны. Выявлены главные политические союзники, которым трудовики отдавали предпочтение в разные периоды существования своей организации. Отмечено, что, хотя трудовики в рамках парламентской деятельности сотрудничали и с либералами, и с социалистами, держась при этом собственной линии вне идеологий, в конечном итоге их присоединение в 1917 г. к народно-социалистической партии, наиболее близкой трудовикам по взглядам на пути решения аграрного вопроса, представляется вполне закономерным. Делается вывод, что появление Трудовой группы – изначально подлинно крестьянской организации – на политической арене России 1906 – 1907 гг. отразило заметные модернизационные изменения в социально-политической жизни страны, ознаменовало начало развития в ней демократической культуры.

Ключевые слова: Трудовая группа; народные социалисты; конституционные демократы; парламент; идеология; крестьянство.

Ольга Львовна Протасова, *канд. ист. наук, доцент,*
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
olia.protasowa2011@yandex.ru

Эльмира Витальевна Бикбаева, *старший преподаватель,*
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
kafedrapr@mail.ru

ТРУДОВАЯ ГРУППА И ЕЕ МЕСТО В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ (1906 – 1917 гг.)*

Введение. Изучение раннего периода российского парламентаризма на сегодняшний день, хотя с той поры прошло уже более столетия, по-прежнему представляет и научный, и практический интерес. Во-первых, полезно исследовать причины и мотивы межпартийного сотрудничества оппозиционных партий и фракций, состоявших из людей, кардинально различающихся между собой и по социальному происхождению, и, в общем-то, по основным политическим убеждениям, но посчитавших объективно возможным сотрудничать на почве общего оппозиционного настроя и делавших это сотрудничество вполне эффективным. Во-вторых, государственные думы первого и второго созывов показали потенциальную силу и влияние крестьянских депутатов – а ведь еще совсем незадолго до

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

того выходцев из крестьянской среды невозможно было представить на местах, где решались судьбы государства. В-третьих, история первых четырех российских дум наглядно демонстрирует зависимость демократических реформ от властной воли, и в то же время показывает упорство противников самодержавного режима, чьи усилия в конце концов оказались не напрасными и подготовили почву для развития прогрессивных начинаний в области государственного строительства весны-осени 1917 г.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью изучения российской демократической оппозиции, действовавшей в условиях дефицита гражданских свобод, выявления ее успехов и неудач, анализа политического поведения в конкретных обстоятельствах. Краткая, но поучительная история русского парламентаризма периода монархии – яркое свидетельство того, насколько быстро принимались в стране начала гражданской культуры, насколько жадно народным сознанием впитывались прогрессивные идеи, связываемые с возможностью скорого построения справедливого общества, социально ответственного государства. Одним из ключевых компонентов демократического сектора, сыгравшим важную роль в развитии отечественной парламентской системы, стала Трудовая группа.

Цель настоящего исследования – определение места Трудовой группы в идейно-политическом спектре России 1906 – 1917 гг.

Новизна исследования состоит в том, что взгляды и деятельность трудовиков в данном контексте – с точки зрения выявления их позиции в российской многопартийности – рассматриваются впервые.

Основные методы данного исследования:

– системно-структурный (в общем контексте российской многопартийности Трудовая группа исследуется как часть демократической оппозиции);

– компаративный (проводится сравнение ряда пунктов политической платформы с программами других оппозиционных партий);

– биографический (приведены факты политических биографий некоторых наиболее ярких представителей трудовиков);

– анализ (проанализированы причины и основания самостоятельного, внепартийного выступления Трудовой группы на политической арене);

– синтез (обобщены полученные сведения, сделаны итоговые выводы).

Обсуждение и результаты. Трудовая группа – политический феномен, отражавший тот факт, что в России начала XX века действительно активно шли модернизационные процессы в социально-политической и культурной жизни. Трудовики стали первой в стране политической организацией, реально (по крайней мере, в начальный период своей деятельности – в первых двух созывах Государственной Думы) представлявшей крестьянское сословие: ее основную часть составляли не интеллигенты-горожане, провозглашавшие себя защитниками интересов крестьян, а настоящие выходцы из крестьянской среды. Для них создание собственной политической группы по типу партии, парламентская деятельность, тесное взаимодействие с публичными политиками-профессионалами – все, что раньше было абсолютно недоступно «мужику» – стали средством приобретения и опыта, и привычки, и вкуса к решению проблем государственного значения через систему народного представительства.

Идеологический статус трудовиков, как в обиходе называли членов Трудовой группы, установить непросто. Адептами ни одной из распространенных в России идеологий они себя сознательно не провозглашали. За время существования этой организации у нее было два ближайших союзника: конституционно-демократическая и народно-социалистическая партии. В тандеме с кадетской фракцией трудовики начинали свой парламентский путь весной 1906 г.; к народным социалистам трудовики официально примкнули летом 1917 г., и таким образом была создана единая Трудовая народно-социалистическая партия, занимавшая видное место в политическом спектре революционной России. Исходя из партнерских преференций и политической практики трудовиков, можно сделать вывод, что Трудовая группа фактически занимала смежную позицию между либералами и умеренными (как нередко называли народных социалистов – либеральными) народниками – социалистами.

До созыва I Государственной Думы Трудовой группы не существовало. Основной крестьянской организацией в империи был Всероссийский крестьянский союз (ВКС), основанный летом 1905 г. В парламенте первого созыва, что явилось неожиданностью для левых партий, оказалось достаточное количество депутатов от крестьянской курии, сразу проявивших энергию, компетентность и неуклонный настрой отстаивать свои интересы. Так возникла фракция, состоящая преимущественно из беспартийных крестьян. Постепенно она привлекла в свои ряды депутатов, чьи взгляды на аграрный вопрос были левее кадетских; кто-то из новоявленных трудовиков был членом партий, не участвовавших в думских выборах, например, РСДРП (А. Ф. Аладьин); некоторую часть составили учителя, адвокаты, врачи и др., как правило, тоже выходцы из крестьянских семей. В результате численность фракции составила 102 человека. Основателями группы стали А. Ф. Аладьин, С. В. Аникин, И. В. Жилкин, С. И. Бондарев, Т. В. Локоть, Л. М. Брамсон и др. Как известно, российские социалисты – и марксисты, и народники – бойкотировали выборы в I Думу из-за того, что не надеялись на нее оппозиционность, а, следовательно, не видели в ней перспектив в деле реформирования политической системы государства. Однако вопреки такому пессимизму, позиция крестьян-трудовиков сразу вызвала и уважение, и интерес со стороны их потенциальных партнеров – эсеров и правых народников, вскоре оформившихся в народно-социалистическую партию. «Они склонны называть вещи их собственными именами. Не дразните их сверх меры… Чего доброго, засучат рукава и подадут сигнал к всенародной драке» [4, с. 3], – восхищался крестьянами в Думе В. Г. Богораз-Тан.

Надо сказать, что решение левых партий по поводу бойкота выборов в Думу было дружным. Исключение составили В. Г. Богораз-Тан и С. Я. Елпатьевский [20], которые рассчитывали, что крестьянам все же удастся провести в Думу сознательных представителей от своего сословия и демократизировать характер законодательного органа. В этом отношении они оказались прозорливее своих соратников. Богораз-Тан еще в конце марта 1906 г. выразил мысль, что все прогрессивные крестьяне составят собственную группу на особой крестьянской платформе [20], и при этом ожидал возможности союза кадетских и крестьянских депутатов, поскольк-

ку и те, и другие являются представителями общественных слоев, стремящихся к реформам. Скрывая разочарование от собственной нерасчетливости (впоследствии народники заявляли, что не считают бойкот Думы ошибкой [18, с. 42]), эсеры и энесы взялись налаживать контакты с думцами-крестьянами «извне», привлекая весь доступный им на тот момент арсенал пропагандистских и интеллектуальных средств – то, что сейчас принято называть «связями с общественностью». Наиболее успешным итогом этих стараний оказалось содействие в разработке платформы (программа трудовиков составлена так и не была), предпринятое левыми и правыми народниками. За влияние среди трудовиков между эсерами и энесами развернулась нешуточная конкуренция, в которой на указанном этапе общественного движения вторые одержали верх. По части конструктивных коммуникаций у них было преимущество не только перед кадетами, довольно поверхностно знакомыми с реалиями деревни и подготовившими программу, по оценке В. Г. Богораза-Тана, страдавшую недоговоренностью именно в аграрном пункте [19], но и перед эсерами, чьи идеи аграрного переустройства могли показаться крестьянским избранникам чересчур радикальными и в то же время недостаточно внятными. Аграрную же программу народных социалистов трудовики посчитали наиболее подходящей для разработки собственной платформы, и это доверие было тем более ценно, что именно аграрный вопрос имел первостепенную значимость для выходцев из крестьянского сословия. Между крестьянскими депутатами и интеллигентами-народниками завязывались не только чисто политические, но и товарищеские, дружеские контакты. Степень взаимной симпатии умеренных народников и трудовиков была так очевидна, что многие ожидали от них неизбежного создания единой партии; на это рассчитывали и сами народные социалисты. Однако трудовики проявили организационную независимость, и, оберегая свой фракционный и внепартийный статус, предпочли остаться суверенными. Они считали, что таким образом у них больше шансов остаться «своими» для широких крестьянских масс, имеющих о партиях в лучшем случае самое туманное представление, да и, возможно, полагали, что, выступая самостоятельно, легче отстаивать интересы деревни на парламентской трибуне. Помимо того, трудовики явно остерегались «привязывать» себя к определенной идеологии: примкнув к кадетам, они стали бы частью либерального мира, идеологически, в общем-то, чуждого русскому крестьянству с его коллективистской психологией. Однако и социализм чем-то отталкивал трудовиков: отказ объединиться с народными социалистами не в последнюю очередь мотивировался нежеланием членов Трудовой группы официально провозглашать себя носителями социалистических идей. Возможно, это отчасти объяснялось своего рода политико-дипломатическим тактом, не дававшим резко оттолкнуть от себя кадетов, в союзе с которыми неплохо работалось в Думе. Кроме того, трудовики желали оставаться свободными и в дисциплинарном отношении, не подчиняясь чьему бы то ни было партийному уставу.

При участии социалистов-революционеров и народных социалистов был подготовлен и 19 мая 1906 г. (по старому стилю) опубликован проект

платформы трудовиков. Документ предусматривал установление демократических свобод, введение всеобщего избирательного права, восьмичасового рабочего дня, запрещения труда подростков до 16 лет. «Проект основных положений земельного закона», внесенный депутатами трудовиками в Государственную Думу 23 мая 1906 г. (известный как проект «104-х»), вызвал широкое обсуждение и сочувствие в демократических кругах страны. Трудовики предлагали решить аграрный вопрос путем национализации всей земли, кроме крестьянских надельных и частновладельческих земель, не превышающих «трудовой нормы» (национализация земли была краеугольным камнем и в аграрной программе народных социалистов). Еще одним результатом законотворческой деятельности Трудовой группы в аграрной сфере стал законопроект о немедленном введении местных земельных комитетов (проект «35-ти»), внесенный в Думу в июне 1906 г. Именно с помощью избранных крестьянских земельных комитетов должна была, по замыслу трудовиков, происходить передача национализированной земли крестьянам в установленном порядке и по справедливости.

Трудовая группа не ограничивалась сугубо парламентской борьбой и старалась развить и упрочить связи с «живым» крестьянством разных губерний. Трудовики рассылали письма избирателям, публиковали свои статьи и воззвания в столичной и местной печати, выступали на крестьянских сходах, распространяли агитационную литературу, пытались создавать в провинции местные организации – в общем, работали с населением по мере своих сил и возможностей.

Вождь большевиков В. И. Ленин тогда же, в период перводумья, счел необходимым оценить причины появления Трудовой группы и ее характер. Со свойственной ему категоричностью он отнес трудовиков к числу «буржуазных» партий. Организации подобного рода (в том числе и эсеры), по мнению Ленина, вырастали из интеллигентских групп, а крестьянство, что естественно в стране, где это сословие преобладает, стало оплотом «трудящейся» (так у Ленина – в кавычках, чем он выражал свое отношение к данной категории населения) мелкой буржуазии. Главный большевистский идеолог заявлял, что только крайность, только объективные условия «вынуждают крестьянство на решительную борьбу против помещичьего землевладения … помещичьей власти и… государственной власти вообще» [13, с. 144]. Однако, несмотря на утопизм своих помыслов об уравнительном землепользовании при сохранении капиталистических порядков, трудовики в глазах Ленина имели преимущество перед прочими «буржуазными» партиями (кадетами и октябристами): они, хоть и вынужденно, все же начали антиправительственную борьбу, в то время как остальные, по словам Владимира Ильича, искали сделки со старой властью [13, с. 143 – 147]. В устах Ленина, известного своими жесткими комментариями в адрес политических конкурентов, такая характеристика звучала почти что похвалой.

Вот как оценил эффект появления и результаты работы демократических элементов в I Думе В. Г. Богораз-Тан: «Русский народ послал своих избранников в Государственную Думу, чтобы они вырвали у бюрократии землю и волю, и все это дали… избирателю. Такая задача оказалась избранникам не под силу» [4, с. 2]. Но народный социалист выражал надеж-

ду на то, что следующий созыв парламента станет для продвижения интересов трудового народа более плодотворным.

После роспуска I Думы партия народных социалистов, проведя работу над тактическими ошибками недавнего прошлого, активно приняла участие в предвыборной кампании во II Думу и была вознаграждена за свои старания: в парламент от нее прошло 9 депутатов, а за время работы состав народно-социалистической фракции вырос до 19 человек. Трудовая группа во II Думе выступала, как правило, вместе с эсерами и народными социалистами. В Государственной Думе второго созыва количество трудовиков составило 104 человека (они блокировались с депутатами от Крестьянского союза, одной из наиболее влиятельных крестьянских общественных организаций), в Думе третьего и четвертого созывов – 14 и 10 человек соответственно. Группа имела собственные издания: газеты «Крестьянский депутат», «Известия крестьянских депутатов», «Трудовая Россия» (все выходили в 1906 г. в столице), «Трудовой народ» (1907, Санкт-Петербург). Можно сказать, что II Дума стала «звездным часом» народников на легальном политическом поприще, продлившимся, увы, недолго. Трудовики представили свой законопроект о реформе местного самоуправления. Соавторами их были социалистические фракции – эсеры и народные социалисты, которые входили вместе с крестьянскими депутатами в общую комиссию по местному самоуправлению [1, д. 2, л. 33]. И социалисты, и либералы были согласны с трудовиками в отношении того, что считали необходимым распространить местное самоуправление на всю территорию огромной империи и существенно расширить его компетенции. Без такой реформы, которая способствовала бы повышению уровня гражданской ответственности на местах, демократизировать государство они считали нереальным. Согласно проекту трудовиков, поддержанных Крестьянским союзом, в уездах и волостях планировалось ввести новые высшие должностные лица – избираемые на 4 года Председатель уезда и Глава волости. Они должны были председательствовать в земских собраниях соответствующего уровня, ив процессе голосований при равенстве голосов их голос мог оказаться решающим [1, д. 6, лл. 38, 39, 41]. В каждом селе, где имелось самоуправление, предполагалась должность сельского старосты [1, д. 6, лл. 38, 48]. Сельское самоуправление (собрание или сход, а также староста) должно было быть обязательно организовано в любом селе, где насчитывалось не менее 10 дворов [16, с. 63], а в населенных пунктах с меньшим количеством дворов, вопрос о наличии самоуправления могли бы решать сами жители. Воспитывать гражданскую ответственность на местах трудовики предполагали вводом мер против абсентеизма земских гласных.

Для того чтобы разграничить местное самоуправление и государственную власть и поддержать таким образом соблюдение принципа разделения властей, трудовики предложили запретить земским гласным занимать в органах местного самоуправления оплачиваемые должности. Земские же служащие, согласно законопроекту, не имели права получать награды от Верховной власти и областной администрации. Представительная власть у трудовиков имела преимущество над прочими ветвями власти. Данный проект предполагал устранить из характера управленче-

ских структур местного уровня все следы сословности. Конечно, успешность исполнения плана реформирования местного самоуправления зависела от избирательного законодательства, которое нуждалось в реформе в первую очередь: без всеобщих, прямых, равных, тайных выборов столь демократичный проект трудовиков и народников-думцев по-настоящему реализовать было бы нельзя. Этот интересный документ так и не был, однако, внесен на рассмотрение в Государственную Думу [16, с. 64], поскольку на повестке дня у парламентариев стояло множество иных насущных вопросов, а срок работы II Думы оказался недолгим – всего 102 дня.

В послереволюционной («третьеиюньской») монархии наблюдался общий спад революционных настроений, поскольку обновленная избирательная система значительно урезала возможности легального выступления на политической арене оппозиционных партий. Крестьянам новое избирательное законодательство также оставляло мало шансов на то, чтобы иметь возможность отстаивать базовые интересы своего сословия: самостоятельное представительство крестьянской курии было отменено [9, с. 53]. По словам С. Ю. Витте, характер законов 3 июня «давал в Государственной Думе место только преимущественно сильным и послушным» [9, с. 53]. К тем, кто высказывал откровенно оппозиционные взгляды и в Думе, и вне ее стен, было приковано особое внимание Департамента полиции. Не были исключением ни Трудовая группа, ни ее ближайшие союзники – кадеты, эсеры, энесы. Народно-социалистическая партия, по сути, перестала существовать как организация, и к жизни ее вернули лишь события начала весны 1917 г. Трудовая же группа сохранила свою организационную целостность и статус.

15 – 17 июля 1907 г. трудовики провели конференцию: съезд из-за полицейского внимания и денежных трудностей был им на тот момент не по силам. Главной задачей мероприятия была выработка тактики, сообразной новым условиям. Предполагалось активизироваться на внедумской арене, сближаясь с кооперативным и профсоюзным движением, вести экономическую борьбу с капиталом, а также развернуть культурно-просветительскую работу среди своих потенциальных последователей – крестьян и тружеников города. В программу ни на этот раз, ни в последующие годы никаких изменений внесено не было [10, с. 33]. Зато была жестко обозначена смена позиции в отношении недавних союзников по I Думе: «кадеты и трудовики органически противоположны, а истинно демократический дух трудовиков лишь подчеркивает искусственность социалистических требований кадетов»[1, д. 5, л. 5]. Главным соратником трудовиков на ближайшую думскую перспективу был признан Всероссийский крестьянский союз, с которым было решено объединиться и вместе выступать в парламенте под названием Трудовой союз [2, д. 475, ч. 1, лл. 10, 11]. Базовые положения проекта «104-х» по-прежнему оставались основой аграрной программы трудовиков. Таким образом, продолжая формально быть «вне идеологий», трудовики в системе российской многопартийности, по факту, смещались влево, сближаясь с социалистами, особенно народниками, в чьем лице крестьяне могли найти самых последовательных, самых искренних защитников своих интересов.

По поводу выборов участники конференции не проявили единства: 15 трудовиков выступали за решительный бойкот, некоторые колебались, но самые влиятельные (Л. М. Брамсон, М. Г. Березин, В. В. Водовозов и др.) настаивали, что бойкот сделает трудовиков пассивными союзниками реакции, поэтому нельзя упускать ни единого шанса продемонстрировать властям наличие оппозиции даже в крайне сложных для нее политических условиях. Приняв решение об участии в думских выборах, трудовики заявили о преемственности своей тактической линии с линией Трудовой группы первых двух дум. Однако подлинной поддержки своих потенциальных избирателей, которые отнеслись к выборам в новой обстановке более чем прохладно, трудовики не получили. Бывшие члены фракции тоже не стремились содействовать дальнейшему развитию трудовической организации. Малая информированность о положении дел на местах, дефицит средств, общая индифферентность целевой аудитории – трудового народа (чему, конечно, способствовал новый закон, сокративший электоральные возможности крестьянства) – не позволили трудовикам даже близко подойти к успеху на выборах в предыдущие Думы.

Фракция трудовиков сократилась в III и IV Думах по сравнению с первыми двумя созывами в 10 раз, утратила таких ярких своих представителей, как А. Аладьин, С. Аникин и др., однако продолжала функционировать как полноценная фракция, стараясь активно участвовать во всех парламентских структурах и начинаниях. Ее деятельность в значительной мере была перенаправлена с оппозиционной агитации на законодательное закрепление демократических норм в различных сферах общественной жизни. На экономическую политику государства из-за своей малочисленности и объективных «сдержек» фракция уже не могла оказывать такого влияния, как прежде, однако трудовики не сдавались. Они продолжали содействовать разработке и обсуждению аграрных законопроектов, акцентируя внимание на вопросах крестьянского землепользования и землеустройства [12]. Вносимые ими поправки призваны были учитывать региональные особенности ведения крестьянами хозяйства, а также традиции деревенского населения различных местностей. Особенно заметной была деятельность трудовиков в сфере избирательного права и прочих прав и свобод человека, в области развития народного образования, а также по национальному вопросу. Пожалуй, наиболее эффективным инструментом трудовиков, позволявшим им добиваться своего, были многочисленные энергичные депутатские запросы, которые, в условиях общего «поправения» Думы, напоминали правительству и обществу о существовании умеренно-радикальной оппозиции.

Что касается идеологической направленности трудовиков, то она попрежнему оставалась трудно определимой. В период революционного спада фракция старалась найти поддержку и у кадетов, и у народников, и даже у социал-демократов [10, с. 33]. Последние не могли не поддаться соблазну обвинить трудовиков в «медлительности, нерешительности, отсутствии инициативы» [8]. С другой стороны, кадеты упрекали Трудовую группу в том, что она якобы поставила себя в зависимость от левых партий. Легальная пресса теперь отзывалась о Трудовой группе как о «мостике, переброшенном между левыми и кадетами» [1, д. 7, л. 42]. Такое вы-

нужденное политическое лавирование, конечно, подтачивало авторитет крестьянской фракции, чья популярность в значительной степени объяснялась ранее именно самостоятельностью, независимостью позиции среди кадровых партий, костяк которых составляли опытные и высокообразованные политики-трибуны.

В рядах Трудовой группы в разные годы тоже были яркие, по-своему харизматичные деятели. Большой популярностью среди крестьян как в стенах парламента, так и вне их пользовался Алексей Федорович Аладьин (1873 – 1927), человек большого организаторского таланта и причудливой судьбы. Сын крестьянина из Самарской губернии, Аладьин с юности участвовал в революционном движении, вел пропаганду среди рабочих, был арестован, просидел 9 месяцев в тюрьме, был выпущен под залог и в конце концов приговорен к ссылке в северные губернии. Однако вместо Севера в 1897 г. он отправился на Запад – эмигрировал, жил в Бельгии, Англии, стал со временем настоящим космополитом и приобрел знакомства в социалистических кругах европейских стран, позиционируя себя как социал-демократ. Осенью 1905 г., воспользовавшись октябрьской амнистией, он вернулся в Россию и, выставив свою кандидатуру от крестьянской курии Симбирской губернии [11, с. 72] в парламент, был избран, стал одним из основателей и фактическим лидером Трудовой группы, получил громкую известность как оратор. Аладьин был избран и во II Думу, однако на ее заседаниях так и не появился, вновь оказавшись в эмиграции. Дальнейшая его судьба была связана с зарубежьем; после большевистского переворота он выступал с поддержкой белого движения.

Широкую известность среди трудящихся города и села имел и Степан Васильевич Аникин (1869 – 1919), избранный в I Думу от крестьянской курии Саратовской губернии. Обрусевший мордвин, выходец из семьи крестьянина, Аникин получил образование в земской школе и ремесленном училище, затем работал в сельской школе, занимался журналистикой и за свою гражданскую смелость подвергался полицейским преследованиям: дважды сидел в тюрьме и систематически не допускался к занятию общественных должностей. В 1905 г. С. В. Аникин организовал отделения Всероссийского крестьянского союза в Поволжье. В Думе Аникин считался лучшим оратором среди трудовиков. Немалый резонанс имела его яркая речь, произнесенная 13 мая 1906 г. В ней звучали тезисы о том, что крестьянство должно получить землю, но хочет взять ее законным путем [21]; видя желание властей оставить землю в собственности помещиков, крестьяне через своих представителей в Думе – депутатов-трудовиков, требуют удовлетворения «своей… земельной нужды, не для эксплуатации земли темными путями, не для сдачи ее в аренду, не для перепродажи, не для того, чтобы сосать чужой труд, но для того, чтобы при помощи земли иметь право на труд!» [21], ибо жаждут приложить свою мускульную силу к земле. Оратор завершил свою экспрессивную речь основными требованиями не только Трудовой группы, но и всей оппозиционной части Думы: земли, воли, права – чтобы хозяином и распорядителем страны был народ, чтобы министерство было из народной среды и ответственно перед народом, располагая полномочиями, которые будут переданы ему народными представителями [21]. В противном случае, предупреждал Аникин, следу-

ет ожидать новой революционной волны. Тематика выступлений лидера трудовиков была разнообразной: он публично выражал позицию своей фракции по вопросам амнистии, смертной казни, по запросу о Всероссийском крестьянском союзе, продовольственной помощи населению и др. С. В. Аникин баллотировался и в состав Государственной Думы второго созыва. Ему представилась такая возможность, так как из-за отсутствия в России он не участвовал в подписании Выборгского воззвания (выборгцам путь в следующую Думу был закрыт). Однако новое постановление Сената разрешало участвовать в выборах по крестьянской курии только тем из крестьян, кто имел собственное хозяйство. Поэтому Аникин, не являвшийся домовладельцем, но вошедший было в состав выборщиков, оказался исключенным из этого списка – Саратовская комиссия аннулировала его избрание. Дальнейшая жизнь Аникина была связана с Трудовой группой, Всероссийским крестьянским союзом, кооперативным движением, а также литературой и публицистикой. С 1909 по 1914 гг. трудовик находился в Швейцарии. Пребывание в эмиграции не помешало ему сотрудничать в крупных отечественных изданиях: немало материалов за его подписью выходило в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Бодрое слово» (этот журнал Аникин фактически сам основал и редактировал) и др. После Февраля 1917 г. лидер трудовиков входил в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, заведовал отделом народного образования Саратовской губернской земской управы, а после Октябрьского переворота возглавил правление организованного им Нижневолжского кооперативного союза и был избран в состав Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов [5].

Депутатами от Саратовской губернии были еще два активных деятеля Трудовой группы, входивших в число ее организаторов и лидеров. Это Сергей Иванович Бондарев (1872 – 1944) и Иван Васильевич Жилкин (1874 – 1958). Внепартийный социалист Бондарев – также яркий пример того, что на рубеже XIX и XX вв. выходцы из деревни все меньше оставались пленниками сословной системы и все больше сами делали свою судьбу. Крестьянский сын, Бондарев получил юридическое образование в Казанском университете, работал учителем в различных учебных заведениях, организовывал кружки самообразования среди интеллигенции и учащейся молодежи. В октябре 1905 г. он был избит черносотенцами [11, с. 70]. По своим взглядам Бондарев был близок социал-демократам, но по аграрному вопросу имел с ними серьезные расхождения. В период работы I Думы он был редактором «Известий крестьянских депутатов», после их закрытия в 1906 – 1907 гг. редактировал другие издания трудовиков. В 1907 г. С. И. Бондарев вошел в Центральный комитет Трудовой группы, а в 1917 г. присоединился к Партии социалистов-революционеров (ПСР): на тот момент именно эта организация представлялась самой мощной, самой способной решить вопросы революции, в том числе аграрный. И. В. Жилкин – сын мещанина-старообрядца, учитель и литератор. На заре XX столетия, желая ознакомиться с бытом русского крестьянства, Жилкин предпринял пешее путешествие по пяти губерниям. Как и многие его товарищи по крестьянской фракции, в Думе Жилкин имел успех как оратор, производя большое впечатление «своими спокойными, сильными и много-

содержательными речами» [11, с. 71], которые шли «из сердца и потому достигали до сердца слушателей» [4, с. 4]. Он состоял членом Временного и Постоянного комитетов Трудовой группы, а с 1907 г. входил в ее Центральный комитет, активно участвовал как публицист и редактор практически во всех изданиях трудовиков. Несмотря на свой авторитет среди товарищей, в 1909 г. Жилкин принял решение отойти от политической деятельности и полностью посвятить себя журналистике. Не исключено, что благодаря этому его организаторские и публицистические дарования были востребованы в Советской России Союзами писателей – сначала Московским, а затем и всего СССР.

Несколько «выбивался» из крестьянских рядов своим социальным и этническим происхождением Леонтий Моисеевич Брамсон (1869 – 1941), депутат от Ковенской губернии. Еврей по национальности, Брамсон был профессиональным юристом и журналистом, получил известность как автор работ о правовом положении и эмансипации еврейского народа, что в условиях разгула черносотенства было чрезвычайно насущной и болезненной темой. В 1904 г. он примкнул к «Союзу освобождения», войдя в его левое крыло. С 1906 г. Брамсон входил в Санкт-Петербургский комитет трудовиков, состоял членом юридической комиссии народнических групп, являлся автором программных документов Трудовой группы, в 1907 г. вошел в состав ее ЦК. Перу Брамсона принадлежат публикации о работе Трудовой группы [6].

Перед Февральской революцией присоединился к трудовикам, заняв место в ЦК Трудовой группы, и Николай Васильевич Чайковский (1850 – 1926), прозванный «дедушкой русской революции». Точная дата его прихода к трудовикам не известна, но очевидно, что это произошло до февраля 1917 г. Один из старейших деятелей народничества (отсюда и прозвище, любовно данное ему более молодыми товарищами), Чайковский постепенно отходил от радикализма в сторону умеренно-социалистических убеждений, и политическая эволюция его была такой: народник-анархист – эсер – беспартийный кооператор – трудовик – член ТНСП. В 1917 г. он вместе со своей фракцией, а затем и партией принимал участие, без преувеличения, во всех мероприятиях революции, и был одним из четырех кандидатов от ТНСП, избранных во Всероссийское Учредительное собрание [7, с. 491].

Разумеется, нельзя обойти вниманием самого знаменитого из трудовиков, хотя всероссийская слава досталась ему главным образом благодаря заслугам на других поприщах – Александра Федоровича Керенского (1881 – 1970). Именно от трудовиков он был избран в Государственную Думу IV созыва в 1912 г. и с 1915 г. возглавлял фракцию на парламентских заседаниях. Отношение Керенского, человека очень яркого, амбициозного и самодостаточного, с политическими организациями было сложным. Есть сведения о его связях с эсерами с 1904–1905 гг. В конце 1905 г. ему было предъявлено обвинение в принадлежности к боевой дружине эсеров, улик по которому, правда, найдено не было. Имя Керенского в ряду деятелей ПСР, сколько-нибудь известных на тот момент, не значилось. С 1906 г. Керенский начал свою блестящую карьеру профессионального юриста – присяжного поверенного, затем адвоката. Среди процессов,

в которых он был задействован, было много политических (процесс туркестанской организации эсеров, защита участников партии Дашнакцутюн, расследование обстоятельств Ленского расстрела, дело Бейлиса и пр.), так что наряду с профессиональным признанием он приобретал широкую известность как общественный деятель. В 1912 г. во время думской предвыборной кампании он вышел из состава ПСР. Этот ход был продиктован и честолюбием, и расчетом: Керенского уже манила публичная политика общегосударственного масштаба, а эсеры, чей актив на тот момент находился в эмиграции, были, по сути, выключены из открытой политической борьбы, и бойкотировали выборы. Именно Керенский стал предпринимать попытки сплотить разрозненные за период реакции народнические группы – остававшихся в России эсеров, энесов и трудовиков. 16–17 июля 1915 г. на его петроградской квартире состоялся съезд по объединению народнических течений [7, с. 173], на котором присутствовало около 30 человек, представителей Петрограда, Москвы, Киева, Самары, Нижнего Новгорода и других городов [22, с. 172]. В дни Февральской революции 1917 г. Керенский официально вернулся к социалистам-революционерам. Это событие имело для партии двойственное значение. С одной стороны, приход столь популярной фигуры привлекал в партию новых членов (так называемых «мартовских эсеров»), что к лету позволило партии приобрести рекордную численность – до 1 млн человек [7, с. 307]. С другой – он подрывал и без того зыбкое организационное единство эсеров, создавая новый центр притяжения и оттягивая сторонников от признанного лидера – В. М. Чернова. Поэтому «старые» эсеры не выразили восторга от возвращения Керенского в ряды партии и подчеркнуто попрекали его политическим макиавеллизмом: по некоторым свидетельствам, «главный эсер 1917 года» никогда не читал программы ПСР [14, с. 63]. Зато трудовики гордились былым сотрудничеством со столь выдающимся человеком, считая абсолютно заслуженным его высокий пост министра-председателя Временного революционного правительства.

Трудовая группа до своего слияния с народными социалистами в 1917 г. фактически уже была политической организацией, хотя и провозглашала свой внеклассовый и чисто фракционный характер. Постепенно из крестьянской Трудовая группа превратилась в интеллигентскую, и симбиоз с народными социалистами, «узаконенный» в 1917 г., выглядел вполне естественно, хотя абсолютного единения так и не произошло, и члены ТНСП все равно продолжали самоидентифицироваться как «энес» либо «трудовик». Во время избирательной кампании во Всероссийское Учредительное собрание летом-осенью 1917 г., когда ТНСП выставляла своих кандидатов, в списках уточнялся их политический бэкграунд. Среди кандидатов от ТНСП выдвинулись более 200 бывших трудовиков. Интересно еще вот что. Желая заручиться поддержкой авторитетных демократических сил, многие энесы высказывались за сотрудничество с кадетами, о чем и заявили на объединительном съезде. Трудовики были настолько против этого, что объединение снова едва не сорвалось. Если ранее трудовики упрямо отстранялись от социалистической ориентации [17, с. 78], то теперь политическая обстановка в стране сложилась так, что не объявить себя социалистом означало едва ли не признать свою реакционность. Идейно-тактический вектор трудовиков переменился до того резко и кру-

то, что они желали, по оценке С. П. Мельгунова, «приблизиться к тактике левых групп революционной демократии» [15, с. 4–5]. Таким образом, от бывших политических соседей по парламентской деятельности – кадетов – на гребне революционной волны трудовики окончательно и официально отреклись.

Трудовая группа, как и любой сегмент политической, а тем более – оппозиционной, среды, не была застывшим организмом и подвергалась некоторым трансформациям – теряла и приобретала новых участников. Из трудовиков в конституционно-демократическую партию перешли Е. М. Ворсобин и П. Н. Никитин. Напротив, из кадетов переместились в трудовики: С. И. Волков, Т. О. Волков, И. В. Галецкий, В. Ф. Лебедев, И. С. Томилов, И. О. Шилихин, С. К. Эльтеков [19, с. 207]. Ротации, что наблюдались в характеризуемой нами среде, как правило, несправедливо ставить в упрек ее активистам: близость политических позиций либералов, трудовиков и эволюционных социалистов оправдывает отдельные переходы из одной в другую, сохраняя общую верность политической ориентации на демократию и прогресс для России. Народники в качестве своей социальной платформы заявляли «трудовой народ», включавший рабочий класс, крестьянство и трудовую интеллигенцию. Кадеты позиционировали себя как внеклассовая партия широкой демократии, считавшая «единственным Хозяином русской земли весь русский народ вкупе, а не один какой-нибудь класс населения, не один город, не одно племя» [3, д. 1, л. 9]. В российском политико-партийном спектре Трудовая группа, по сути, находилась между ними, так же провозглашая свою внеклассовость и примыкая своей позицией по отдельным вопросам то к либералам, то к социалистам-народникам. Трудовики, как нам представляется, чутко улавливали колебания политической атмосферы, что не в последнюю очередь позволило им на легальных основаниях просуществовать до Великой Российской революции, не «закрываясь» даже в годы так называемого «безвременья» (определение А. В. Пешехонова – *прим. авт.*). При такой политической лабильности не удивляет то, что к 1917 г. трудовики окончательно полевели и сочли возможным объединиться с народными социалистами: всякие ассоциации с кадетами, самой правой из остававшихся на тот момент «на плаву» демократических партий, по их мнению, могли дискредитировать их.

Заключение. Поскольку собственной, оригинальной идеологии (кроме твердого решения оставаться свободной от всех идеологий) Трудовая группа не предложила, резонно, на наш взгляд, дать ей обобщающую характеристику как демократической организации, сыгравшей не просто заметную, а даже знаковую роль в развитии российской партийной и парламентской системы. Среди народнических организаций она была единственной, пытавшейся в межреволюционный период легально, законодательным путем решить насущные проблемы крестьянства. Именно Трудовая группа ввела крестьян в здание государственной власти, показала политические и законотворческие возможности, которые справедливое социально-политическое устройство открывало бы выходцам из деревни. Этот опыт подкреплял надежды российских социалистов-демократов на развитие народных масс, расширение их жизненного и культурного кругозора, постепенное приобщение к участию в социально значимых делах.

Список литературы

1. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. Ф. 522. Оп. 1.
2. **ГАРФ.** Ф. 102. Оп. 237.
3. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО)**. Ф. И-216. Оп. 1.
4. **Богораз-Тан В. Г.** Мужики в Государственной Думе. М.: Издание В.М. Саблина, 1907. 72 с.
5. **Большая Саратовская энциклопедия** [Электронный ресурс]. URL: http://saratovregion.ucoz.ru/people/politics/anikin.htm (дата обращения 07.04.2021).
6. **Брамсон Л. М**. К истории Трудовой партии. Трудовая группа Первой Государственной Думы. 2-е изд. Пг.: Единение, 1917. 95 с.
7. **Всероссийское Учредительное собрание**: энциклопедия / автор-сост. Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
8. **Голос социал-демократа**. Женева, 1908. № 4,5.
9. **Горобченко Т. Ю.** Июльская конференция Трудовой группы (к вопросу об участии трудовиков в избирательной кампании в III Государственную Думу) // Лесной вестник. 1999. № 3. С. 53 – 56.
10. **Горобченко Т. Ю**. Трудовая группа в 1907 – 1912 гг. // Лесной вестник. 2001. № 3. С. 33 – 37.
11. **Государственная Дума первого призыва**. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М: Книгоиздательство «Возрождение», 1906. 112 с.
12. **Кияшко О. Л**. Трудовая группа в Государственной Думе, 1906 – 1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 190 с.
13. **Ленин В. И.** Кадеты, трудовики и рабочая партия / Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 13. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1972. 573 с.
14. **Лутохин Д. А.** Зарубежные пастыри. М.: Минувшее, 1991. 111 с.
15. **Мельгунов С. П.** Воспоминания и дневники. Вып. 2 (ч. 3). М.: Индрик, 2003. 528 с.
16. **Миняшев В. С.** Законопроекты о реформе местного самоуправления фракции народной свободы и Трудовой группы во II Государственной Думе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 61 – 64.
17. **Протасов Л. Г., Протасова О. Л.** Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76 – 81.
18. **Протасова О. Л.** А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
19. **Протасова О. Л.** Политические соседи: межпартийное и парламентское взаимодействие кадетов, трудовиков и народных социалистов / XII Муромцевские чтения. Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции 9–10 окт. 2020 г. Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева, 2020. С. 202 – 210.
20. **Романов В. В.** Государственная Дума 1906-1907 гг. как общественная и государственная система в оценке умеренного народника В. Г. Богораза-Тана. URL: http://docplayer.ru/28393647-Gosudarstvennaya-duma-gg-kak-obshchestvennaya-i-gosudarstvennaya-sistema-v-ocenke-umerennogo-narodnika-v-g-bogoraza-tana-romanov-v-v.html (дата обращения: 24.07.2020).
21. **Русская библиотека Пашкова Романа**. История России и русского мира. История государства и права России 1861 – 1917. Из речи трудовика С. В. Аникина. URL: https://russiantheory.ru/?p=1884 (дата обращения: 07.04.2021).
22. **Сыпченко А. В.** Народно-социалистическая партия в 1907 – 1917 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 249 с.

References

1. ***Gosudarstvennyy arkhiv*** *Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (GARF)], fund 522, inventory 1. (In Russ.).

2. ***Gosudarstvennyy arkhiv*** *Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (GARF)], fund 102, inventory 237. (In Russ.).

3. ***Gosudarstvennyy arkhiv*** *Voronezhskoy oblasti (GAVO)* [State Archives of the Voronezh Region (GAVO)], fund I-216, inventory 1. (In Russ.).

4. **Bogoraz-Tan V.G.** *Muzhiki v Gosudarstvennoy Dume* [Men in the State Duma], Moscow: Izdaniye V.M. Sablina, 1907, 72 p. (In Russ.).

5. ***Bol'shaya Saratovskaya entsiklopediya*** [Big Saratov Encyclopedia], available at: http://saratovregion.ucoz.ru/people/politics/anikin.htm (accessed 07 April 2021). (In Russ.).

6. **Bramson L.M.** *K istorii Trudovoy partii. Trudovaya gruppa Pervoy Gosudarstvennoy Dumy* [On the history of the Labor Party. Labor group of the First State Duma], Petrograd: Yedineniye, 1917, 95 p. (In Russ.).

7. **Protasov L.G. (Comp.).** *Vserossiyskoye Uchreditel'noye sobraniye: entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: encyclopedia], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 555 p. (In Russ.).

8. ***Golos sotsial-demokrata.*** Zheneva, 1908, no. 4, 5. (In Russ.).

9. **Gorobchenko T.Yu.** [July Conference of the Labor Group (on the issue of the participation of Trudoviks in the election campaign to the III State Duma)], *Lesnoy vestnik* [Forestry Bulletin], 1999, no. 3, pp. 53-56. (In Russ.).

10. **Gorobchenko T.Yu.** [Labor group in 1907-1912], *Lesnoy vestnik* [Forestry Bulletin], 2001, no. 3, pp. 33-37. (In Russ.).

11. ***Gosudarstvennaya Duma*** *pervogo prizyva. Portrety, kratkiye biografii i kharakteristiki deputatov* [State Duma of the first draft. Portraits, short biographies and characteristics of the deputies], Moscow: Knigoizdatel'stvo "Vozrozhdeniye", 1906, 112 p. (In Russ.).

12. **Kiyashko O.L.** *Extended abstract of Candidate's of History thesis.* Volgograd, 1999, 190 p. (In Russ.).

13. **Lenin V.I.** *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], In 55 vols., v. 13, Moscow: Politizdat, 1972, pp. 143-147. (In Russ.).

14. **Lutokhin D.A.** *Zarubezhnyye pastyri* [Foreign shepherds], Moscow: Minuvsheye, 1991, 111 p. (In Russ.).

15. **Mel'gunov S.P.** *Vospominaniya i dnevniki* [Memories and diaries], Iss. 2 (part 3), Moscow: Indrik, 2003, 528 p. (In Russ.).

16. **Minyashev V.S.** [Draft laws on the reform of local self-government of the faction of people's freedom and the Labor group in the II State Duma], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, v. 16, no. 3, pp. 61-64. (In Russ.).

17. **Protasov L.G., Protasova O.L.** [People's socialists], *Rodina* [Homeland], 1994, no. 10, pp. 76-81. (In Russ.).

18. **Protasova O.L.** *A.V. Peshekhonov: Chelovek i epokha* [A.V. Peshekhonov: Man and era], Moscow: ROSSPEN, 2004, 240 p. (In Russ.).

19. **Protasova O.L.** *XII Muromtsevskiye chteniya. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' rossiyskogo liberalizma serediny XVIII – nachala KHKH vv.* [XII Muromtsev Readings. Social and political thought of Russian liberalism in the mid -18th - early 20th centuries. Materials of the international scientific conference], 2020, pp. 202-210. (In Russ.).

20. **Romanov V.V.** available at: http://docplayer.ru/28393647-Gosudarstvennaya-duma-gg-kak-obshchestvennaya-i-gosudarstvennaya-sistema-v-ocenke-umerennogo-narodnika-v-g-bogoraza-tana-romanov-v-v.html (accessed 24 July 2020). (In Russ.).

21. **Available at:** https://russiantheory.ru/?p=1884 (accessed 07 April 2021). (In Russ.).

22. **Sypchenko A.V.** *Narodno-sotsialisticheskaya partiya v 1907-1917 gg.* [People's Socialist Party in 1907-1917], Moscow: ROSSPEN, 1999, 249 p. (In Russ.).

Labor Group and its Place in the Political System of Russia (1906 – 1917)

O. L. Protasova, *Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; olia.protasowa2011@yandex.ru*

E. V. Bikbaeva, *Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; kafedrapr@mail.ru*

The main elements of the ideological platform and the main stages of activity are shown, as well as the political fate of the Labor Group (1906 – 1917). The analysis of the general position of the Labor group in the party system of the country is given. The main political allies, which the Trudoviks gave preference to at different periods of the existence of their organization, were identified. It is noted that, although the Trudoviks, within the framework of parliamentary activities, collaborated with both liberals and socialists, while keeping their own line outside of ideologies, ultimately their accession in 1917 to the People's Socialist Party, which is closest to the Trudoviks in terms of views on ways of solving the agrarian question seems to be quite natural. It is concluded that the emergence of the Labor Group – originally a truly peasant organization – on the political arena of Russia in 1906-1907 reflected noticeable modernization changes in the socio-political life of the country, marked the beginning of the development of a democratic culture in it.

Keywords: labor group; People's Socialists; constitutional democrats; parliament; ideology; peasantry.

© О. Л. Протасова, 2021

© Э. В. Бикбаева, 2021

Статья поступила в редакцию 24.04.2021

При цитировании использовать:

Протасова О. Л., Бикбаева Э. В. Трудовая группа и ее место в политико-правовой системе России (1906 – 1917 гг.) // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 75 – 90. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.075-090

УДК 947 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.091-109

Рассмотрена деятельность представителей Трудовой народно-социалистической партии в институтах государственной власти России весной-осенью 1917 г., прежде всего – во Временном правительстве. Охарактеризованы основные направления работы народных социалистов в составе министерств продовольствия и юстиции. Освещено отношение членов ТНСП к революционным изменениям в стране, взаимодействие с коллегами – единомышленниками и соперниками; обращается внимание на некоторые аспекты межличностных взаимоотношений участников революционных событий 1917 г., ранее остававшиеся в тени. Дана общая характеристика начинаний народных социалистов на ключевых государственных постах, выявлены причины их успехов и неудач в контексте социально-экономической и политической обстановки того времени. Показано, что с профессиональной точки зрения деятельность представителей ТНСП в исполнительной власти заслуживает в основном положительной оценки, так как характеризовалась энергией, ответственностью, компетентностью и самоотдачей.

Ключевые слова: Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП); Временное правительство; министерство продовольствия; министерство юстиции; революция.

Ольга Львовна Протасова, *канд. ист. наук, доцент, кафедра «Теория и история государства и права», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; olia.protasowa2011@yandex.ru*

Ирина Геннадьевна Пирожкова, *канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Конституционное и административное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; 0_1_23456789@list.ru*

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ ВО ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (1917 г.) *

Введение. *Актуальность исследования*. Период марта-октября 1917 г. – один из немногих этапов тысячелетней истории Российского государства, что были ознаменованы интенсивным развитием демократических институтов, оживлением гражданской инициативы, наполнены ожиданиями скорого прихода общества свободы и социальной справедливости. Этот общественный оптимизм был в большой степени связан с тем, что в результате Февральской революции у руля новой, республиканской России встали представители демократических – либеральных и социалистических – партий, чья деятельность ранее считалась оппозиционной либо во-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

все находилась под запретом. Эти партии ассоциировались с надеждами на социально-экономический и политический прогресс, разрушение старого строя, преодоление многовековой обидной отсталости России от Европы. Их идейный багаж, далеко не всё из которого утратило свою значимость и сегодня, а также смелость, самоотверженность в деле государственного строительства, умение либо в нужных случаях находить компромиссы, либо отстаивать независимую позицию могут послужить примером нынешним политикам и управленцам, особенно в кризисных ситуациях. Не менее полезным является анализ ошибок активистов демократических партий, отчасти совершенных ими по собственной вине, отчасти вызванных неблагоприятной объективной ситуацией. Поэтому «революционная» тема никогда не лишается своих профессиональных исследователей и имеет стабильный интерес для любителей истории.

Новизна данного исследования состоит в том, что комплексный вклад представителей партии народных социалистов в проведение текущей политики главным органом исполнительной власти революционной России – Временным правительством – рассматривается впервые. Кроме того, освещаются некоторые аспекты межличностных взаимоотношений участников революционных событий 1917 г., ранее остававшиеся в тени.

Цель исследования – выявление роли и места представителей Трудовой народно-социалистической партии в работе Временного правительства, анализ основных направлений их деятельности, оценка результатов.

Методы: компаративный, исторической персонификации, анализ, синтез.

Обсуждение и результаты. Народные социалисты, в обиходе энесы, ТНСП (Трудовая народно-социалистическая партия, 1906 – 1918) – политическая партия неонароднического направления. Она стояла на позициях эволюционного социализма. Ее представителей иногда называют «либеральными народниками» (термин, признаваемый не всеми историками, но, на наш взгляд, вполне имеющий право на применение относительно энесов, поскольку отражает и характер предпочитаемых ими методов политической борьбы, и близость по ряду вопросов к либералам). Народные социалисты официально отвергали террор, считая этот метод борьбы с несовершенствами государственной системы недопустимым морально и неэффективным политически, признавали только открытые действия на политической арене, отводили большую роль государству как полезному и необходимому институту, ставили своей целью построение социализма, движение к которому планировали размеренное и поступательное. Эта партия, несмотря на небольшую численность (от 1,5 – 2 тыс. в 1906–1907 гг. до 10–11 тыс. в 1917 г.) [8, с. 442], сыграла заметную роль в развитии событий обеих революций, дала стране ряд известных имен общественных и государственных деятелей, публицистов, ученых и т.п. Промежуточное положение между революционными социалистами и либералами давало ей, с одной стороны, известное преимущество: независимость в принятии решений о возможных вариантах коалиционного сотрудничества, свободу от чрезмерного увлечения доктринерством и от обязательств перед союзниками из либерального либо социалистического лагеря и т.п. С другой, такой «пограничный» статус ТНСП в ситуациях,

требующих четкого идеологического самоопределения, вызывал обвинения в несамостоятельности, половинчатости – как правило, несправедливые. Усиленные уничижительными отзывами о народных социалистах В. И. Ленина, эти клише предопределили незавидную историографическую судьбу партии в советские годы. В настоящее время, к счастью, народно-социалистическая партия удостоилась от исследователей должного внимания и объективных оценок.

В 1908 – 1916 гг. легальная деятельность партии была невозможна, но Февральская революция дала ей возможность обнародовать свои идеологические расчеты и попытаться претворить их на практике. Давний авторитет лидеров ТНСП как общественных и политических деятелей, профессионалов своего дела открыл им путь к высшим постам исполнительной власти – министерским портфелям и должностям товарищей министров Временного революционного правительства.

Алексей Васильевич Пешехонов (1867 – 1933) – основатель и лидер народно-социалистической партии, экономист-аграрник и публицист журнала «Русское богатство» – был давно и хорошо известен в интеллектуальных кругах и политическом бомонде. Из всех народных социалистов, занимавших государственные посты в период от февраля к октябрю 1917 г., он был самым знаменитым не только потому, что его общественная деятельность в столице была на слуху около двух десятков лет, но и благодаря его обширным знакомствам в самых разных средах – политической, писательской, научной, народной. Пешехонов имел славу страстного полемиста и смелого человека, обладавшего к тому же исключительной честностью, прямотой и вообще цельностью натуры. Знали его и в полиции, о чем убедительно свидетельствуют многократные аресты, начиная с 1894 года, заключение в Двинской крепости в 1912–1913 гг., обширное досье в Департаменте полиции.

У Февральской революции не было организаторов и вдохновителей, и всякие претензии на политическое либо идейное руководство ею современной наукой отвергнуты как беспочвенные. Но в число ее самых активных деятелей справедливо включить А. В. Пешехонова. В первый же революционный вечер он был в Таврическом дворце – эпицентре событий, и его удивили царившие там тишина и безлюдье. Временный комитет Государственной Думы выносил на повестку дня своих комиссий незначительные вопросы, однако самый неотложный – об организации власти на местах – стоял на втором плане. В этом случае Совет рабочих депутатов проявил себя более дальновидным и распорядительным, чем думцы: он создавал комиссариаты в разных районах Петрограда для управления и поддержания порядка. Пешехонову предложили стать комиссаром Петроградской стороны, и он сразу ответил согласием. Народник, по его собственным словам, ясно сознавал, что в случае подавления восстания его участие в Совете чревато жестким наказанием, однако нравственный императив гражданина не позволял ему уклониться от своего долга даже в случае смертельной опасности. Сознательно к власти он не стремился, но и не избегал ее, понимая, что революция резко расширит влияние и политические возможности социалистических партий.

Весь первый месяц революции Пешехонов был фактически главой исполнительной власти 300-тысячного района, и многое сделал на этом

посту, проявив недюжинные организаторские качества и волю: прекратил анархию и самоуправство толпы, предотвратил пагубную для общественного порядка деятельность самозванных организаций. Ему удалось сохранить единство власти (в тот период наверху уже наметилось двоевластие): он предложил созвать депутатов от рабочих, и этот Совет на Петроградской стороне стал совещательным органом при комиссариате. Авторитет Пешехонова был столь высок, что, когда вопрос о структуре местной власти был решен, наконец, на правительственном уровне и в районах стали производиться выборы в управы, он оказался первым кандидатом на пост головы района. Однако народный социалист взял самоотвод, видимо, подспудно ощущая, что в ближайшее время предстоит выполнение более сложных и ответственных задач общегосударственного масштаба, за которые и он сам, и его партия будут в состоянии взяться. Так и произошло.

Когда эйфория от победы над старым режимом начала спадать (а это произошло достаточно скоро), на первый план вновь стали выходить многочисленные трудности воюющей страны. Временное правительство не справлялось с бременем огромной ответственности, которая легла на него, не ощущая реальной поддержки снизу и будучи сковано уздой «непредрешенства», наложенной на него советскими партиями (еще 2 марта Совет связал Временное правительство запретом на окончательное решение главных государственных вопросов до Учредительного собрания). Всем партиям в новых условиях необходимо было самоопределиться в отношении перспектив институтов власти, которые функционировали на тот момент. Представители народных социалистов с первых дней Февральской революции входили в состав Советов, которые, однако, считали институтом, подходящим для «форс-мажорных» обстоятельств переходной поры, но не пригодным для постоянного эффективного функционирования в нормальных социально-политических условиях [22, с. 327]. Правые народники доказывали, что для полноценной работы государственной машины необходимы не «экспериментальные», а «классические», испытанные формы управления.

Делали они это не только в публицистической форме, но и на вполне официальном уровне партийных резолюций. 23 – 25 марта 1917 г. в Москве состоялась конференция партии, на которой обсуждались самые насущные вопросы – организационного характера, об отношении к институтам, новой власти, о взаимоотношениях с прочими партиями. В прениях, возникших по этому вопросу, указывалось, что программа деятельности, намеченная и обнародованная Временным правительством, вполне заслуживает энергичной поддержки со стороны народно-социалистической партии [1, д. 4, л. 7]. Резолюция, внесенная Н. Н. Полянским, была поддержана участниками конференции, и Временное правительство было признано легитимным органом, осуществляющим государственную власть. Прочие властные институты, как то: Временный исполнительный комитет Государственной Думы, Совет рабочих и солдатских депутатов и намечаемый к образованию Совет крестьянских депутатов не имеют права брать на себя подобных полномочий, несмотря на соответствующие претензии. Конференция выразила опасение, что собравшись в Петрограде, Совет крестьянских депутатов, соединившись с Советом рабочих депута-

тов, может объявить себя конвентом или разноречивыми приказами дезорганизовать государственную и хозяйственную жизнь страны. Во избежание всяких таких возможностей, необходимо указать, говорили ораторы, что вся власть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать одному только Временному правительству [1, д. 4, л. 7-7об.].

При этом энесы прилагали немало усилий, чтобы предотвратить столкновения Временного правительства и Советов, понимая, как это может ослабить революционную власть и общественный порядок. В. А. Мякотин считал, что, хотя роль Советов нельзя недооценивать, в их деятельности было немало ошибок. Так, петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов превратился, по его оценке, в крайне громоздкое учреждение, по своему многолюдству утратившее работоспособность и, главное, связь с теми массами, чьи депутаты в нем были представлены. А. А. Демьянов отмечал, что с момента, когда в состав Совета вошло большое количество представителей войск, его значение потерялось, что было естественно: в учреждении, чья численность более тысячи человек, продуктивная работа невозможна. По-настоящему действенной была исполнительная комиссия Совета [10, с. 55]. Народные социалисты тоже входили в Совет, однако из двух субъектов «двоевластия» оказывали б*о*льшую поддержку Временному революционному правительству, именно в нем видя легитимный орган исполнительной власти, состоящий, при всех своих недостатках, из компетентных людей с управленческим опытом, правомочный брать на себя принятие решений общегосударственного масштаба, способный нести ответственность за осуществление революционных преобразований в стране и достаточно популярный у масс. Дезавуировать правительство, обессиливать его, чем занимались Советы, по мнению Мякотина, высказывавшего позицию всей партии, означало обессиливать и революцию [17, с. 7]. Действия правительства и министерств могут и должны подлежать контролю и конструктивной критике, которые «легче… и правильнее всего могут быть осуществлены путем свободного слова и свободной печати». Мякотин подчеркивал, что «ни одна группа, ни одна организация граждан не может… выступать сама в роли правительства или выдавать свое мнение за голос всей страны, обязательно требующий подчинения» [17, с. 8]. Так же и Петросовет, при всей своей многочисленности и представительности, не мог, по мнению энесовских экспертов, выступать от имени населения всей страны, поскольку «Петербург еще не Россия» [17, с. 9].

В отличие от меньшевиков или эсеров, у народных социалистов не было доктринальных противопоказаний вступать в так называемую «буржуазную власть» и сотрудничать с либералами, если бы появился случай послужить государству на таком высоком уровне ответственности. Заявленная партией поддержка Временного правительства и нерадикальная, разумная позиция в оценке революционных перспектив обратили внимание на ее представителей как оптимальных кандидатов от демократической среды. Кандидатура Пешехонова на один из министерских постов рассматривалась еще в дни Апрельского кризиса; тогда меньшевик И. Г. Церетели называл Г. Е. Львову Пешехонова как политическую фигуру, приемлемую и для Советов, и для несоциалистических элементов

в правительстве. Эсеры и Всероссийский крестьянский съезд хотели видеть Пешехонова министром внутренних дел, и членами Петроградского Совета идея эта была горячо поддержана, так как «Пешехонов был чрезвычайно одаренный, пользовавшийся всеобщим уважением народнический деятель» [27, с. 158]. Пешехонов наотрез отказался от этой должности, ссылаясь на отсутствие опыта и способностей к чисто административной работе. Это было отговоркой: подлинная причина несогласия видится в том, что народный социалист тяготел к посту министра земледелия, который позволил бы ему сообразно собственным представлениям о крестьянском благе направлять решение аграрного вопроса в стране.

Однако партия социалистов-революционеров, на тот момент крупнейшая и самая влиятельная из политических организаций, считавшаяся «крестьянской», резервировала место министра земледелия для своего лидера В. М. Чернова. Пешехонова хотели видеть его помощником; такая перспектива вызывала возмущение энесовского идеолога. Он считал аграрный вопрос знаковым для России, а принципиальное расхождение с эсерами по поводу проведения земельной политики до крайности затрудняло бы их конструктивное сотрудничество. К этому прибавлялись и непростые личные взаимоотношения Пешехонова и Чернова. Тем временем в правительстве было решено выделить из прежнего министерства земледелия и продовольствия специализированного министерства продовольствия и снабжения. По поводу состава коалиционного кабинета состоялись переговоры делегации Совета с членами Временного правительства, и вопрос о министре продовольствия оказался одним из острейших. Кадеты не желали отдавать социалисту ключевое экономическое ведомство. Однако кандидатура Пешехонова, чьи убеждения относительно прав и свобод личности, легальных методов борьбы в основном сходились с их собственными, по здравому размышлению удовлетворила либералов. Вот как комментировал это назначение лидер кадетов П. Н. Милюков: «А. В. Пешехонов, интеллигент, мой старый друг, человек с талантом, знаниями и темпераментом... мог только украсить место своим сотрудничеством» [16, с. 375]. В ночь на 5 мая вопрос был, наконец, решен, и Пешехонов принял министерство продовольствия. Правда, де-юре он возглавил министерство лишь 25 мая, а присягу принес 5 июня.

Принимая пост, Пешехонов предвидел и сознавал ожидавшие его трудности. Организация продовольственного дела в разоренной войной стране, внутреннее положение которой осложнялось социальными потрясениями и неизбежной ломкой аграрных отношений, упиралась в организацию снабжения населения и фронта. Ему предстояло, с одной стороны, вести регулирование экономики, став мишенью для всех предпринимателей, хлебных поставщиков и прочих людей делового мира, чьи интересы надо было обуздывать, с другой – вызывать неминуемое недовольство масс, требовавших более справедливого распределения товаров, вплоть до «все отобрать и поделить». В адрес Пешехонова и других министров-социалистов со всех концов России шли письма и телеграммы с выражением поддержки и пожеланием закрепить завоевания революции. Иначе отреагировал левый фланг «революционной демократии». При обсуждении 16 мая в Московском Совете вопроса об отношении к коалиционному

правительству фракция большевиков внесла резолюцию о том, что «вожди народников (Чернов, Пешехонов и пр.) и меньшевиков (Церетели, Скобелев и пр.) поставили себя вне рядов борющегося пролетариата» [5, с. 160–161].

21 мая на открытии продовольственного съезда в Москве Пешехонов выступил с основным докладом. Он оценил экономическое положение страны как крайне тяжелое и требующее чрезвычайных государственных мер, указал на необходимость введения твердых цен на хлеб и промышленные товары, целесообразность организации снабжения ими деревни посредством прямого государственного вмешательства. Новый министр обещал обуздать прибыли предпринимателей, но предупредил: терпеть лишения придется всем – горожанам и крестьянам, того требует спасение родины [19]. Большинство мыслей пешехоновского доклада нашло отражение в резолюциях съезда, и даже в более резких формулировках, не исключавших секвестра прибылей и доходов частных лиц и принудительного распределения продуктов и предметов первой необходимости [20].

5 июня Пешехонов докладывал на заседании Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о плане работ своего ведомства. Министр-социалист очертил перед съездом иллюзорность попыток улучшить положение рабочих путем повышения номинальной заработной платы, ибо это приведет к росту инфляции, затруднит товарообмен между городом и деревней, понизит жизненный уровень всего населения. Призывая все общество временно жертвовать некоторыми благами во имя грядущего благополучия, он понимал, что побудить к таким жертвам «капиталистов» будет гораздо проще, чем «трудовой класс» [26].

Речь очень понравилась большинству делегатов съезда. Даже Л. Д. Троцкий заявил, что «если бы Временное правительство состояло из двенадцати Пешехоновых, то большевики не вели бы с ним борьбы» [23, с. 110–111]. Основная часть делегатов согласилась, что новый министр продовольствия с деловой точки зрения выбран вполне удачно. Самым негативным откликом на речь Пешехонова была реакция В. И. Ленина, и прежде резко критиковавшего его как выразителя интересов деревенской верхушки – «крепкого хозяйчика». Пешехонова, как и всех министров-социалистов, вождь большевиков называл обманщиками народа, надававшими пустых и невыполнимых обещаний [13, с. 315–316].

В сложнейшей обстановке послефевральской России перспективы власти и нового правопорядка во многом определялись поведением самого Временного правительства, его способностью действовать энергично и решительно, внутренней спайкой кабинета. Увы, ни одного из этих условий в наличии не было. И прежде всего, ничего не делалось для скорейшего окончания войны, в которое упиралось решение всех социальных проблем. Либералы продолжали ждать, что социалисты с властью не справятся, и тогда она сама перейдет к более умеренным и трезвым политикам. Однако министры-социалисты, в их числе и А. В.Пешехонов, горячо взялись за дело. Для его ведомства это означало, прежде всего, наладить учетно-распределительный аппарат, жесткое регулирование экономики, установить контроль над ценами. Была введена монополия на мануфактуру. Все ткани поступали в распоряжение министерства и централизованно

распределялись среди населения. Эта мера должна была обеспечить крестьянству товары по нормированным ценам в обмен на хлеб. На местах заработали продовольственные комитеты – низовое звено министерства продовольствия.

В начале июля разразился новый правительственный кризис, спровоцированный давлением извне и изнутри кабинета. Извне это было нетерпение масс, все более подверженных воздействию большевистского популизма. Внутри правительства отношения так же накалялись. Премьер-министр Г. Е. Львов наотрез отказывался принять аграрный законопроект, представленный министром земледелия эсером В. М. Черновым. Пешехонов и Церетели убеждали премьера принять этот документ и уходить в отставку: они полагали, что князь Львов – единственная фигура, способная примирить министров. Но их старания оказались тщетными, и Г. Е. Львова на посту министра-председателя сменил эсер А. Ф. Керенский. Пешехонов сохранил пост министра продовольствия и в новом коалиционном правительстве.

Приближался новый цикл полевых работ, результат которых мог повлиять на политическое положение в стране не меньше, чем партии и их лидеры. Между тем запасов хлеба едва хватало до сентября. В помощь крестьянам при уборке урожая были привлечены безработные, труд и содержание которых оплачивались, а также воинские команды из тыловых гарнизонов. Хотя солдаты-тыловики волновались, требуя отправки непременно в свои родные деревни, в целом эта мера себя оправдала. Была еще одна проблема: с мест непрерывно шла информация о незаконных действиях крестьян: захватах хлебов, покосов, инвентаря, недопущении земледельческих машин, снятии с работ военнопленных и т.п. Некоторые продовольственные комитеты, вместо того чтобы разъяснять недопустимость подобных самочинных действий, даже выносили постановления и резолюции, поощрявшие безобразия. Пешехонов потребовал решительно пресекать такие действия, предупредив должностные лица, что в противном случае они будут не только уволены со службы, но и привлечены к суду.

Стержнем продовольственной политики Временного правительства была хлебная монополия – радикальная и жизненно необходимая в военных условиях мера, введенная еще 25 марта 1917 г. Ее реализация была сопряжена с множеством трудностей: распыленностью 19 млн крестьянских хозяйств, низким уровнем правового и гражданского сознания крестьян, острым недостатком организаторских кадров на местах, расстройством промышленности и транспорта, инфляцией. Нужна была твердая решимость самой власти довести дело до конца, но именно ее и не было. И сам инициатор закона о хлебной монополии А. И. Шингарев, по свидетельству В. Д. Набокова, «своему делу мало верил» [18, с. 52], в отличие от Пешехонова, который в хлебную монополию не просто верил, но был ее самым энергичным проводником. Монополия требовала полного отстранения частных торговцев от закупки хлеба. Сам Пешехонов понимал, что «попытка брать хлеб по старой системе, при помощи торгового аппарата, во время войны совершенно себя скомпрометировала» [7, с. 424]. По понятным причинам идея отстранить частный капитал от торговли хлебом натолкнулась на сопротивление министерства торговли и про-

мышленности, а также деловых кругов страны. Так, Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд, состоявшийся 3 – 5 августа в Москве, осудил хлебную монополию как «меру антигосударственную» и призвал правительство отказаться от своей продовольственной политики. Пресечь спекуляцию хлебом не удавалось, на складах у торговцев и спекулянтов скапливались огромные запасы хлеба и других продуктов, внося расстройство в планы государственных заготовок и нагнетая недовольство населения. В конце концов, министру пришлось отказаться от мысли полностью обойтись без частников.

20 июля на заседании ЦИК Советов Пешехонов обрисовал состояние продовольственного дела в стране. Главным затруднением он назвал расстройство транспорта, затем – сопротивление крестьян. Министр отметил, что если помещичий хлеб удается получить без серьезного противодействия, то значительно труднее добыть хлеб у крестьян. Этому мешали и слабость местных органов, и невозможность в достаточном количестве обеспечить крестьян предметами первой необходимости в порядке товарообмена. Отнимать же хлеб у крестьян, ничего не давая им взамен, по его убеждению, было нельзя [24]. Попутно Пешехонов отметил нараставшую опасность черносотенной агитации (имея в виду не столько правых, сколько левых экстремистов), которая при крайне неуравновешенном психическом состоянии масс, их склонности поддаваться демагогическим посулам ведет к тому, что крестьяне, не давая хлеба, все больше обвиняют правительство в неумении организовать хозяйственную жизнь страны. Самочинные захваты помещичьих земель также мешали продовольственному делу – в некоторых губерниях для получения хлеба приходилось применять силу. Но Пешехонов отстаивал избранный правительством путь как единственно спасительный, с которого оно не свернет. Многозначаще было и другое заявление Пешехонова – о необходимости преодолеть разрозненность власти: «Я считаю, что нам нужна не только твердая власть, но и власть единая» [24]. Отвергая упреки в партийном характере деятельности своего министерства и всего правительства, он призывал искать согласия на общей платформе.

10 августа по инициативе Пешехонова было образовано управление для снабжения населения тканями: министр продолжал линию на централизованное распределение товаров первой необходимости. Были расширены и полномочия министра продовольствия: 24 августа правительство дало ему право приостанавливать или вовсе прекращать деятельность продорганов, если это необходимо «в целях соблюдения государственных интересов» [7, с. 428–429].

Но Пешехонову так и не пришлось воспользоваться новыми полномочиями. Атаки на хлебную монополию со стороны военно-промышленных кругов все усиливались. Приказом Пешехонова от 3 августа была создана комиссия для обследования продовольственного дела в столице [2, д. 21, л. 99]. В ее состав были включены представители министерства продовольствия, городского самоуправления, Исполкома Петроградского Совета, Центрального бюро профсоюзов, деловых кругов Петрограда и даже штаба Петроградского военного округа. Работа комиссии освещалась в прессе, отражалась в «Бюллетене министерства продовольствия» и при-

влекала общественное внимание, так как все помнили, что Февральская революция в Петрограде началась с хлебных очередей. Хотя в деятельности Петроградской продуправы не было найдено ничего предосудительного, Временное правительство управу упразднило, передав ее функции городскому самоуправлению [7, с. 428]. Сама же комиссия, проведя с 3 августа по 23 сентября 12 заседаний, была упразднена С. Н. Прокоповичем [12, с. 23], сменившим Пешехонова на посту министра продовольствия. На пятой сессии Общегосударственного продовольственного комитета, проходившей в августовские дни в Аничковом дворце (там размещалось продовольственное министерство) была составлена декларация, внесенная от имени представителей Временного комитета Государственной Думы и ряда промышленно-торговых организаций, которая заявляла: «Хлебная монополия не внесла до сих пор существенных улучшений в продовольственное дело, да и в экономическое состояние страны в целом» [25]. Согласно этому документу, монополия отстранила от дела заготовок и распределения хлеба торговый аппарат, но не создала других работоспособных органов, и это привело к пагубной заминке [25] в решении продовольственного вопроса. Зато декларация ЦИК Советов признавала продовольственную политику правительства правильной.

25 августа Председатель Особого совещания по обороне П. Н. Пальчинский обратился к А. Ф. Керенскому с запиской, в которой главными причинами продовольственного кризиса назывались низкие твердые цены на хлеб и негодность продовольственного аппарата. Под этим давлением 27 августа правительство удвоило цены на хлеб, хотя ранее заверяло, что они останутся без изменений до 1918 г. [14, с. 136–137]. Это означало подрыв всей системы твердых цен, делало их крайне неустойчивыми и превращало в предмет сделок с заинтересованными кругами. Данное правительственное решение и вызвало отставку Пешехонова, пробывшего на министерском посту ровно три месяца.

Отстаивая свою политику твердых цен, Пешехонов повторял: «Когда родина гибнет, то классовые интересы, даже самые справедливые, не говоря уже о личной репутации, должны отойти на задний план» [21]. Однако личная репутация министра-народника от неудачного исхода запланированных им мероприятий не пострадала. Через два дня после отставки к нему домой приехал министр-председатель А. Ф. Керенский с просьбой вернуться в правительство, но встретил твердый отказ.

«Громадный ум, честный ум, ум, всегда доделывающий до конца логическую работу, побуждает А. В. не размениваться на мелочи, а брать большие вопросы и подходить к ним с какой-нибудь новой стороны» [15, с. 81], – вспоминал о Пешехонове симпатизировавший ему Д. А. Лутохин. Впрочем, ради объективности приведем звучащую диссонансом характеристику Пешехонова философом и писателем В. В. Розановым, который, очевидно, задетый отрицательным отношением Пешехонова к эстетике серебряного века, полемизировал с ним: «...У Пешехонова какой ум? Столоначальник, а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека... Пиши, писарь, – тебе не водить полки, но ты не украдешь и не дашь никому украсть» [26, с. 17].

А. Ф. Пешехонова вспоминала, что в бытность ее супруга министром «личная жизнь как-то совсем отошла на второй план» [3, д. 64, л. 41]. Рабочий день длился обычно с 9.30 утра до 2–3 часов ночи, поскольку правительственные совещания начинались, как правило, вечером и затягивались на долгое время. И еще один показательный факт, говорящий о материальном достатке его семьи в то время, опять же со слов А. Ф. Пешехоновой: «Хорошо запомнились мне слова шлиссельбуржца Г. А. Лопатина... Однажды, сидя за обеденным столом рядом с министром продовольствия, Г. А. сказал: “никогда я не едал у вас такого скудного обеда”» [3].

В целом оценивать министерскую деятельность Пешехонова следует не только по ее плодам, но и с учетом реальных условий ее протекания. В его пользу свидетельствует то, что продовольственное положение в стране при нем было относительно стабильным. Причины неудач продовольственной политики коренились не столько в его собственных просчетах, сколько в дезорганизации всего административного и хозяйственного аппарата страны, не выдержавшего испытаний войны и революции. Почти любые действия министра продовольствия в обстановке глубокого раскола общества на враждующие силы были обречены на непопулярность и противодействие.

Соратниками Пешехонова по партии и заместителями (товарищами) в министерстве были Александр Андреевич Титов (1878 – 1961) и Михаил Вильямович Беренштам (1872 – 1932). Оба они участвовали в возрождении партии народных социалистов весной 1917 г., входили в состав ЦК ТНСП (в июне народные социалисты объединились с трудовиками). Титов, выходец из богатой семьи, в ранние годы сочувствовал эсерам, но в 1906 г., когда образовалась партия народных социалистов, сразу вошел в нее и стал одним из активных деятелей. Титов получил блестящее образование и в 1911 г. получил степень доктора химии. В годы Первой мировой войны он состоял членом Главного комитета Всероссийского союза городов, организовал отдел снабжения армии лекарствами. Войдя в министерство продовольствия вместе с Пешехоновым в качестве его помощника, Титов возглавлял Управление по снабжению предметами первой необходимости, работал в техническом комитете, выступал за усиление государственного контроля над экономикой; после дезавуирования проекта сохранения твердых цен на хлеб вместе с Пешехоновым ушел с занимаемого поста.

М. В. Беренштам пришел в министерство позже – в конце июля. Юрист по образованию и роду деятельности, он был известен в профессиональных кругах, что обеспечило ему большое количество важной и напряженной работы в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Юрист-народник был делегатом Совета офицерских депутатов, входил в состав его Исполнительного комитета; 26 апреля 1917 г. от данной организации он был назначен членом Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству. С 10 мая 1917 г. Беренштам от партии народных социалистов вошел в состав Особого совещания для выработки проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» – нормативного документа, определявшего порядок всего выборного производства среди гражданского населения и военнослужащих армии и флота

[8, с. 331]. 14 мая 1917 г. М. В. Беренштам был назначен директором 2-го департамента Министерства юстиции (министром юстиции в тот момент был трудовик П. Н. Переверзев), однако 19 июля подал прошение об увольнении от занимаемой должности, которое было удовлетворено. А. А. Демьянов, близко знакомый с Беренштамом, характеризовал его как человека «до крайности самолюбивого, несколько избалованного вниманием к нему… товарищей» [10, с. 83], по натуре несколько грубоватого и дорожащего своим независимым положением [10, с. 83], жесткого в обращении с просителями и даже иногда коллегами. Дальнейшая работа Беренштама во Временном правительстве была связана с министерством продовольствия, где с 27 июля по 22 сентября он состоял в должности товарища министра [12, с. 25]. Его приход в министерство совпал с реорганизацией продовольственного аппарата, целью которой было преодолеть разрыв между продорганами в центре и на местах. Именно Беренштам возглавил Комиссию для обследования продовольственного дела в столице и ревизии деятельности городской управы, о которой говорилось выше. Беренштам подал в отставку спустя недолгое время после ухода с должности министра А. В. Пешехонова.

Без преувеличения, общероссийскую известность получил Александр Алексеевич Демьянов (1865 – 1925), один из основателей народно-социалистической партии. Демьянов сделал прекрасную юридическую карьеру и был известным земским деятелем. Не ограничиваясь сугубо профессиональными делами, он проявлял живой интерес к политике и, как только появилась возможность выступать от народно-социалистической партии на открытой арене, баллотировался и был избран депутатом II Государственной Думы, где руководил работой партийной фракции, работал в пяти комиссиях, в том числе комиссии о преобразовании местного суда. После роспуска II Думы, в условиях «третьеиюньской монархии» открытая деятельность социалистов в России была крайне затруднена, и к активной политической деятельности Демьянов вернулся с началом событий Февральской революции. Как и Пешехонов, он принял назначение Совета на должность комиссара Литейной части [10, с. 56]. Уже 8 марта он был назначен директором 2-го департамента Министерства юстиции Временного правительства – подразделения, ведавшего судейским корпусом. С 14 мая Демьянов являлся товарищем министра юстиции трудовика П. Н. Переверзева, заведовал гражданской частью работы министерства; с сентября занимал должность управляющего министерством, а фактически исполнял обязанности министра. Хотя с Переверзевым Демьянова связывали достаточно близкие товарищеские отношения, назначение Переверзева на министерский пост народный социалист считал неудачным решением. Политический единомышленник Демьянова А. С. Зарудный, принявший пост министра юстиции 24 июля, также неоднократно вызывал критические замечания с его стороны. Одним из важнейших вопросов, которые ожидали срочного законодательного решения, было требование неприкосновенности личности; но, с точки зрения Демьянова, ни Зарудный, ни даже Керенский не уделяли ему должного внимания. Демьянов настоял на создании особой комиссии по выработке соответствующего законопроекта и сам возглавил ее. В кратчайшие сроки он подготовил текст закона,

который, хотя и был признан удачным, так и не был пущен в ход [10, с. 100–101].

Тем временем возобновилась и партийная активность: с 22 июня 1917 г. Демьянов состоял в ЦК обновленной ТНСП, от которой выдвигал свою кандидатуру на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в четырех избирательных округах [8, с. 442], однако избран не был – народные социалисты вместе с трудовиками получили всего 4 места. В сентябре 1917 г. по заданию А. Ф. Керенского он стал автором проекта образования Временного совета Российской республики, известного как Предпарламент. С 25 сентября Демьянов – председатель Совещания товарищей министров (Малого Совета) Временного правительства. После захвата власти большевиками народный социалист принимал участие в работе подпольного Временного правительства, действовавшего около месяца. Демьянов характеризовал членов этого органа как «людей честных, одушевленных самыми лучшими намерениями, хорошо настроенных и, по-своему, умных» [9, с. 34], старавшихся все действия основывать на своем понимании общего блага, при этом лишенных эгоистических стремлений. Однако, по признанию самого Демьянова, противопоставить большевикам они ничего не могли, так как способны были критиковать, но не действовать, и не обладали волей и духом сопротивляемости, поэтому очень скоро были побеждены [9]. В январе 1918 г. Демьянов выехал из Петрограда на юг, затем, после нескольких лет жизни в Закавказье, оказался в эмиграции в Европе. Его перу принадлежат интересные воспоминания о периоде работы во Временном правительстве, о людях, с которыми ему приходилось взаимодействовать. Несмотря на тяжелую болезнь, А. А. Демьянов до самых последних дней своей жизни активно участвовал в работе пражской группы Трудовой народно-социалистической партии.

В период революционных событий 1917 г. получила государственное признание и профессиональная компетентность Александра Сергеевича Зарудного (1863 – 1934), сына деятеля судебной реформы 1864 г., тайного советника С. И. Зарудного. Для характеристики качеств А. С. Зарудного автор посвященного ему диссертационного исследования Ю. В. Варфоломеев приводит слова Я. Израэльсона, который, обращаясь к своему коллеге, сказал: «Вы всегда стояли в первых рядах борцов за право, вы всегда выступали в защиту угнетенных, обиженных и оскорбленных, – для Вас не существовало ни эллина, ни иудея, существовал только человек» [6]. Зарудный обладал прекрасными ораторскими данными и, служа в прокуратуре, как писал А. А. Демьянов, «был чрезвычайно неприятен защитникам, так как никогда не стремился к обвинению во что бы то ни стало» [10, с. 97], но, по словам В. А. Мякотина, своей манерой он добивался более строгого наказания, чем следовало, поскольку, расположив к себе искусными речами присяжных заседателей, мог получить от них все, что хотел [10]. Адвокатская карьера Зарудного также была блестящей: он всегда досконально знал материалы дела и учитывал не только факты, но и состав присяжных, и характер судей. Политические симпатии Зарудного принадлежали трудовикам, и таким образом летом 1917 г. он оказался в рядах объединенной ТНСП. Правда, А. А. Демьянов утверждал, что вступление Зарудного в политическую организацию было сопряжено

с необходимостью состоять в такой момент в одной из партий; по большому счету же ему было свойственно «верить только себе», а не следовать линии, намеченной другими людьми – и это был один из крупнейших недостатков его как политического деятеля [10]. Однако натура необыкновенно цельная, Зарудный заявлял, что, являясь членом партии, он подчиняется ее велениям беспрекословно [10, с. 98]. В марте по предложению А. Ф. Керенского, принявшего пост министра юстиции, Зарудный был назначен его товарищем (заместителем). Зарудного Керенский давно знал и очень любил, считая, по выражению Демьянова, «маленьким Львом Толстым» [10, с. 59], то есть человеком, имеющим свои твердые убеждения. По отзывам современников, Зарудный, при строгости и бескомпромиссности своей натуры, отличался и прекрасными человеческими качествами – высокой духовностью, сопереживанием и самопожертвованием [2]. Двоюродный брат Зарудного сравнивал его с Савонаролой; с этим сравнением склонны были согласиться и коллеги Зарудного, в том числе по Временному правительству. Между тем они признавали, что это был «до крайности добрый человек» [10, с. 98]. Товарищем министра Зарудный состоял до 6 июня; причиной оставления им должности можно считать разногласия с Керенским по поводу ряда бессудных арестов тех дней. В указанный период по инициативе Зарудного в министерстве юстиции была создана комиссия по пересмотру судебных уставов императора Александра II. Высоко ценивший эти документы, в составлении которых принимал участие его отец, Зарудный хотел систематизировать их, привести в соответствие со временем, однако масса материала требовала полной сосредоточенности на этой работе, что в условиях текущего исторического момента не представлялось возможным и крайне огорчало Зарудного.

С 25 июля по 1 сентября Зарудный находился на посту министра юстиции и генерал-прокурора. В этой должности ему довелось курировать следствие по делу большевиков, обвиненных в организации восстания и шпионаже в пользу Германии [8, с. 143]; он не только не санкционировал постановление на арест В. И. Ленина [6], но и способствовал освобождению из-под стражи его соратников – Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай и др. 9 августа за подписями А. Ф. Керенского и А. С. Зарудного вышло Постановление Временного правительства о назначении выборов во Всероссийское Учредительное собрание на 12 ноября 1917 г. Срок созыва Собрания устанавливался 28 ноября [4, д. 1022, л. 159].

По мнению подчиненных из министерства, А. С. Зарудный был чрезвычайно требователен, заставляя делать рутинную работу, может быть излишнюю в условиях тогдашнего цейтнота и шедшую в ущерб решению более важных и срочных вопросов [10, с. 98]. Старые товарищи были неприятно удивлены официальным тоном Зарудного, принятым им на новых ответственных должностях. Критика действий и характера отношений Зарудного с коллегами сводилась не только к его самоуверенности и категоричности, но и к некоторым конкретным шагам, которые он предпринимал или собирался предпринять на своем посту. Так, несвоевременной могла показаться его записка к проекту постановления Временного правительства, поданная по ходатайству председателей и прокуроров Петроградской и Московской судебных палат, об «усилении» *следственных*

частей и прокурорского надзора судебных палат и окружных судов обеих столиц [11]. Мера была нужной, поскольку следователи и прокуроры действительно были чрезвычайно перегружены работой, но, по большому счету, могла подождать. Еще одна из инициатив Зарудного как министра, встреченная, мягко говоря, с сомнением – намерение сделать правительство подотчетным Совету рабочих и солдатских депутатов для того, чтобы заручиться доверием со стороны крайних партий [10, с. 100]. Дело в том, что с самого момента создания революционного правительства не было решено, перед кем из органов народного представительства оно будет отчитываться; без такой ответственности легитимность правительства, основанная единственно на доверии, была уязвимой. Однако Совет на роль правительственного «куратора», с точки зрения большинства Временного правительства, не подходил, так как не был органом, представляющим все население страны и даже столицы, и ассоциировался с левыми партиями, среди которых на тот момент доминирующую роль уже играли большевики. Так же не нашло поддержки предложение Зарудного, высказанное на заседаниях Особого совещания по выработке проекта положения о выборах в Учредительное собрание, об увеличении состава Учредительного собрания вдвое (с 800 до 1600 депутатов [8, с. 260]): оппоненты сочли, что в данном случае «число» не гарантирует «умения» и количественная перегрузка форума лишь повредит эффективности его работы.

Непосредственно перед отставкой, 1 сентября 1917 г., А. С. Зарудный поставил свою подпись под Манифестом Временного правительства о провозглашении России республикой и создании Директории, которой передавалась вся полнота власти «для восстановления потрясенного государственного порядка» [11]. В отставку он решил уйти сам, без видимых поводов и сожалений, и намеревался оказывать помощь власти своим искусством публичного оратора. По оставлении министерской должности Зарудный принимал участие в работе Демократического совещания, в ходе которого призывал социалистов к коалиции с кадетами. От ТНСП Зарудный выдвигался кандидатом в Учредительное собрание, однако не был избран. К Октябрьскому перевороту Зарудный, в отличие от большинства соратников по партии, отнесся толерантно, даже пытался примирить народных социалистов с советской властью, но, увидев тщетность своих стараний, 3 апреля 1918 г. покинул партийные ряды и отошел от политики [8, с. 143]. В советский период он работал юрисконсультом Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, входил в Президиум коллегии адвокатов Ленинграда, занимался педагогической деятельностью и даже получил в 1933 г. персональную пенсию [11]. Хотя А. С. Зарудный не подвергся прямым преследованиям со стороны советской власти, но и признан ею по-настоящему «своим» он тоже не был, что доставило ему большое разочарование [6].

Заключение. Оценивая в целом деятельность представителей Трудовой народно-социалистической партии на правительственных постах весной-осенью 1917 г., можно назвать ее вполне конструктивной. Во-первых, политическое положение самой партии (умеренный, эволюционный социализм) позволяло самим присутствием ее членов в правительстве коалиционных составов некоторым образом примирять либералов и социали-

стов. Во-вторых, заслуживает уважения позиция партии в отношении Временного правительства как наиболее легитимного из органов революционной власти, и такой твердый государственный настрой избавлял народных социалистов от колебаний, кто для них важнее в период двоевластия. В-третьих, каждый из энесов в министерствах на своем месте был ответственен и компетентен. Другое дело, что объективная ситуация войны и революции со всеми сопутствующими проблемами социально-экономического и политического характера до крайности затрудняла их работу. Могли отрицательно сказаться на эффективности работы такие факторы, как дефицит опыта государственных управленцев и времени на его приобретение, особенно остро проявляющийся в ситуациях системного кризиса (каковая и была в России 1917 г.), сложные личные взаимоотношения между коллегами и т.п. Если сравнивать вклад в дело революционных преобразований министров – народных социалистов не с чисто профессиональной, а с политической точки зрения, то первенство – и это общепризнано – принадлежит А. В. Пешехонову как самому известному из них публичному политику. Однако и старания прочих умалять нельзя: все работавшие в правительстве энесы активно участвовали в проводимых партией кампаниях и мероприятиях, венцом которых должны были стать выборы во Всероссийское Учредительное собрание. Представители ТНСП на постах министров и товарищей (заместителей) министров самоотверженно отдавали свою энергию продвижению демократических начинаний в новой России сообразно своим представлениям об общественном прогрессе. В поражении этих начинаний народных социалистов в одиночку обвинять было бы несправедливо, хотя сами они впоследствии не снимали с себя ответственности за проигрыш большевикам, признаваясь в недостатке энергии, жесткости и воли к власти, а также отсутствии политической прозорливости.

Список литературы

1. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 4653. Оп. 1.
2. **ГАРФ**. Ф. 1783. Оп. 1.
3. **Научно-исследовательский отдел рукописей** Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 225. К. 1.
4. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1.
5. **Авдеев Н. Н.** Революция 1917 года (Хроника событий): в 2-х тт. Т. 1. М.-Пг: Гос. изд-во, 1923. 225 с.
6. **Варфоломеев Ю. В.** А. С. Зарудный – юрист и общественный деятель: дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2002. 244 с.
7. **Волобуев П. В.** Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 482 с.
8. **Всероссийское Учредительное собрание**: энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
9. **Демьянов А. А.** Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции: в 22 т. Т. 7-8. М.: Терра: Политиздат, 1991. Т. 7, 334 с., Т. 8, 181 с.
10. **Демьянов А. А.** Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. В 22 т. Т. 4. М.: Терра: Политиздат, 1991. С. 55 – 120.
11. **Звягинцев А. Г.** Зарудный Александр Сергеевич (1863 – 1934), судебный деятель. URL: https://law.wikireading.ru/46730 (дата обращения: 22.08.2021).

12. **Кузнецова О. Н.** Деятельность комиссии для обследования продовольственного дела в Петрограде в 1917 году // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 22 – 31.

13. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 32. Изд. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 620 с.

14. **Лозинский З.** Экономическая политика Временного правительства. Л.: Прибой, 1929. 203 с.

15. **Лутохин Д. А.** Зарубежные пастыри // Минувшее: исторический альманах. Т. 22. СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. 111 с.

16. **Милюков П. Н.** Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк: Chalidre, 1982. 397 с.

17. **Мякотин В. А.** Великий переворот и задачи момента. М.: Задруга, 1917. 16 с.

18. **Набоков В. Д.** Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М.: Терра, 1991. С. 5 – 96.

19. **Народный социалист**. 1917. 25 мая.

20. **Народный социалист**. 1917. 31 мая.

21. **Народный социалист**. 1917. 15 октября.

22. **Пешехонов А. В.** Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1 – 3. С. 303 – 330.

23. **Протасова О. Л.** А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

24. **Речь.** 1917. 20 июля.

25. **Речь.** 1917. 9 августа.

26. **Розанов В. В.** Уединенное. М.: Современник, 1991. 106 с.

27. **Церетели И. Г.** Воспоминания о Февральской революции. В 2-х кн. Кн. 1. Париж: Mouton, 1963. 492 с.

References

1. ***Gosudarstvennyy arkhiv*** *Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (GARF).], fund 4653, inventory 1. (In Russ.).

2. ***Gosudarstvennyy arkhiv*** *Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (GARF)], fund 1783, inventory 1. (In Russ.).

3. ***Nauchno-issledovatel'skiy otdel*** *rukopisey Rossiyskoy gosudarstven-noy biblioteki (NIOR RGB)* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RSL)], fund 225, K. 1. (In Russ.).

4. ***Rossiyskiy gosudarstvennyy*** *istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archives (RGIA)], fund 1329, inventory 1. (In Russ.).

5. **Avdeyev N.N.** *Revolyutsiya 1917 goda (Khronika sobytiy)* [Revolution of 1917 (Chronicle of events)], in 2 vols., v. 1, Moscow-Petrograd: Gos. Izdatel'stvo, 1923, 225 p. (In Russ.).

6. **Varfolomeyev Yu.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Saratov, 2002. 244 p. (In Russ.).

7. **Volobuyev P.V.** *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Economic policy of the Provisional Government], Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 482 p. (In Russ.).

8. **Protasov L.G. (Comp.)** *Vserossiyskoye Uchreditel'noye sobraniye: entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: encyclopedia], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 555 p. (In Russ.).

9. **Dem'yanov A.A.** [Notes on the underground Provisional Government], *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution], In 22 vols. V. 7-8. Moscow: Terra: Politizdat, 1991. v. 7, 334 p., v. 8, 181 p. (In Russ.).

10. **Dem'yanov A.A.** [My service under the Provisional Government], *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution], In 22 vols., v. 4. Moscow: Terra: Politizdat, 1991, pp. 55 – 120. (In Russ.).

11. **Zvyagintsev A.G.** Zarudnyy Aleksandr Sergeyevich (1863 – 1934), sudebnyy deyatel' [Zarudny Alexander Sergeevich (1863-1934), judicial figure], available at: https://law.wikireading.ru/46730 (accessed 22 August 2021). (In Russ.).

12. **Kuznetsova O.N.** [Activities of the commission for the survey of food business in Petrograd in 1917], *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2917, no. 4, pp. 22-31. (In Russ.).

13. **Lenin V.I.** Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works], Ed. 5, in 55 vols, v. 32. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969, 620 p. (In Russ.).

14. **Lozinskiy Z.** *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Economic policy of the Provisional Government], Leningrad: Priboy, 1929, 203 p. (In Russ.).

15. **Lutokhin D.A.** [Foreign shepherds], *Minuvsheye: istoricheskiy al'manakh* [Past: historical almanac], v. 22. St. Petersburg: Atheneum-Feniks, 1997, 111 p. (In Russ.).

16. **Milyukov P.N.** *Vospominaniya gosudarstvennogo deyatelya* [Memoirs of a statesman]. New York: Chalidre, 1982, 397 p. (In Russ.).

17. **Myakotin V.A**. *Velikiy perevorot i zadachi momenta* [The Great Revolution and the Tasks of the Moment], Moscow: Zadruga, 1917, 16 p. (In Russ.).

18. **Nabokov V.D.** [Provisional government], *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian revolution], v. 1. Moscow: Terra, 1991, pp. 5-96. (In Russ.).

19. **Narodnyy sotsialist,** 1917, May, 25. (In Russ.).

20. **Narodnyy sotsialist,** 1917, May, 31. (In Russ.).

21. **Narodnyy sotsialist,** 1917. October, 15. (In Russ.).

22. **Peshekhonov A.V.** [Has the rule of the people failed?], *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth], 1918, no. 1-3,pp. 303-330. (In Russ.).

23. **Protasova O.L.** *A. V. Peshekhonov: Chelovek i epokha* [A. V. Peshekhonov: Man and the era], Moscow: ROSSPEN, 2004, 240 p. (In Russ.).

24. **Rech'**, 1917, July, 20. (In Russ.).

25. **Rech',** 1917, August, 9. (In Russ.).

26. **Rozanov V.V.** *Uyedinennoye* [Solitary], Moscow: Sovremennik, 1991, 106 p. (In Russ.).

27. **Tsereteli I.G.** *Vospominaniya o Fevral'skoy revolyutsii* [Memories of the February Revolution], In 2 books, Book 1, Parizh: Mouton, 1963, 492 p. (In Russ.).

People's Socialists in the Interim Government (1917)

O. L. Protasova, *Cand. Sci. (History), Associate Professor,*
Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
olia.protasowa2011@yandex.ru

I. G. Pirozhkova, *Cand. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
0_1_23456789@list.ru

The paper considers the activity of representatives of the Labor People's Socialist Party in the institutions of state power in Russia in the spring and autumn of 1917, primarily in the Provisional Government. The main directions of the work of the People's Socialists within the Ministries of Food and Justice are characterized. The attitude of Labor People's Socialist Party members to revolutionary changes in the country, interaction with colleagues – like-minded people and rivals is highlighted; attention is drawn to some aspects of interpersonal relationships of

participants in the revolutionary events of 1917, which previously remained in the shadows. A general description of the initiatives of People's Socialists at key state posts is given, the reasons for their successes and failures in the context of the socio-economic and political situation of that time are revealed. It is shown that from a professional point of view, the activity of Labor People's Socialist Party representatives in the executive branch deserves mainly a positive assessment, as it was characterized by energy, responsibility, competence and dedication.

Keywords: Labor People's Socialist Party; Provisional Government; Ministry of Food; Ministry of Justice; revolution.

© О. Л. Протасова, 2021
© И. Г. Пирожкова, 2021

Статья поступила в редакцию 28.08.2021

При цитировании использовать:

Протасова О. Л., Пирожкова И. Г. Народные социалисты во Временном правительстве (1917 г.) // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 91 – 109. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.091-109

УДК 340 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.110-118

«Социальный вопрос» и раскрытие широкого спектра категории «социальное государство» являются одними из востребованнейших в исследованиях ученых различных наук. Политологи, социологи, экономисты, философы, историки и юристы в самом выгодном свете преподносят нам возможности государственного влияния прошлого на благосостояние граждан путем активного и многообразного вмешательства в различные жизненные сферы. Однако единое представление о генезисе социального государства и его признаках до сих пор отсутствует.

Цель работы – не просто провозглашение новых этапов эволюции идеи социального государства, а установление четких критериев для их определения, которые предложено обозначить как совокупность (систему) следующих признаков: 1) эволюция (смена, совершенствование) типа мышления, теоретических подходов; 2) экономико-производственная эволюция (смена или совершенствование экономико-производственных отношений); 3) законодательство, которое отражается на жизнеспособности государства; 4) степень довольства жизнью граждан (по результатам независимых социологических опросов).

На основании проведенного исторического анализа сделан вывод о том, что истоки социального государства берут свои корни в Античной Греции времен Солона и Писистрата, которые показывали практические примеры социальных реформаций.

Ключевые слова: Античная Греция; генезис социального государства; западные социально-политические трансформации; исторические примеры; критерии периодизации.

Айгуль Фаридовна Чупилкина, *канд. юрид. наук, доцент,*
кафедра профессиональных дисциплин,
ФГБОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»,
Самара, Россия;
aygul8@yandex.ru

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Введение

Юриспруденция, начиная с историков государства и права, прежде всего – германистов [3], сквозь показательные процессы немецкой государственной жизни доносят до нас синхронность становления германской и российской правовой среды, поскольку «обе страны имеют много общего: принадлежат к государствам “позднего старта”, вступили в “модернизаторскую гонку” с опозданием» [2, с. 4]. Теоретики государства и права ищут подходы к определению социального государства через содержание его признаков, рассматривают правовые формы реализации социальной функции государства через правотворческую деятельность [16] и т.д.

Конституционалисты «во власти» публикуют монографии [9] и высказываются о необходимости раскрытия определения «социальное госу-

дарство» с политических трибун [4]. Конституционно-реформаторская волна иностранных государств и новая психология развития социального и экономического законодательства захлестнула развитый мир в послевоенное время (Вторая мировая война) [19, с. 42–43]. В свете поправок в Конституцию РФ, принятых в 2020 г., развивается облик российского социального государства.

Отраслевики много исследований посвящают совершенствованию и реализации системы социальных гарантий, социальному выравниванию, социальной безопасности и т.п.

Однако, единое представление о генезисе социального государства и его признаках до сих пор отсутствует. При этом истоки и концепция представлений о социальном государстве чрезвычайно важны. Показательные исторические примеры, в которых реализация и последствия социальных законов на различной государственной и общественной «почве», помогают определить место и разумное применение элементов социального государства в современной российской государственности.

Основная часть

Ученые предлагают для рассмотрения различную периодизацию эволюции этой идеи. В диссертации и автореферате «Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы» [6] А. Э. Евстратов показывает пример двух периодизаций С. Завадского [7] и С. В. Калашникова [8].

С. Завадский заложил в основу своей периодизации практическую реализацию законодательства: 1) в Германии – известный период социальных реформ Отто фон Бисмарка; 2) в Англии – период общественных реформ 1906 – 1914 гг.; 3) в США – период Нового курса Т. Рузвельта; 4) в Англии – период правления лейбористской партии 1945 – 1950 [6, с. 11]. Вполне понятный подход, особенно к первому этапу – поскольку О. фон Бисмарк был современником Л. фон Штейна.

С. В. Калашников положил в фундамент своей периодизации изменение социальных государственных функций в разных исторических отрезках и развитие теоретических идей о содержании этой категории [8]. Но А. Э. Евстратов отвергает такую модель, утверждая, что это своеобразная компиляция из представлений о концепции (с середины XIX века до современности) и истинного смысла и истории социального государства не раскрывает. Автор диссертации полагает, что необходимо не просто провозглашение новых этапов, в котором «сигнальным маячком» будет законодательная деятельность в области права социального обеспечения или расширения социальной функции государства, а необходимы четкие критерии для их определения [6, с. 12].

Сам же говорит об исторических корнях идеи в работах далеких классиков философии, государства и права – Цзы Сы, Конфуция, Пифагора, Платона, Гераклита, Полибия, Аристотеля, Цицерона. Далее, уже в относительной исторической близости к нам, звучат всем известные имена Ш. Л. Монтескье, Г. В. Ф. Гегеля, В. фон Гумбольта, К. Маркса, Ф. Энгельса, Н. Я. Данилевского, В. И. Ленина, и, конечно, Л. фон Штейна.

Необходимо полагать, что истоки социального государства берут свои корни в эпохе древности. Античная Греция показывает пример социальных реформ Солона (входящего в семерку мудрецов Древней Греции и широкой публике более известного в качестве поэта, но в государственной мысли оставившего свой след как политик и законодатель), который за год в Афинах провел более ста реформ, давших бедным доступ к собственности и возможность участвовать в политической жизни, и даже спасли от гражданской войны. Главной своей заслугой Солон считал сисахфию – частичную отмену долговой кабалы, которая значительно снизила социальную напряженность и улучшила экономику государства [18, с. 230].

Преемник Солона, Писистрат, установивший тиранический режим, тем не менее, не посмел посягнуть на законодательство своего предшественника. Более того, период его правления называли «золотым веком», поскольку он помогал крестьянам, заботился о заработках городской бедноты, вводил политику протекционизма для торгово-ремесленных слоев. Установил равенство всех перед законом. При всем этом наладил хорошие отношения с аристократическим социумом [18, с. 337–345].

Существует даже мнение, что Платон находился под впечатлением от начинаний императора Солона, что отразилось в его размышлениях об идеальном государстве [14].

Аристотель рассуждал о «политии» как об умеренной демократии, что в его представлении было лучшей политической формой, обеспечивающей народу «благую жизнь» [1, с. 38 – 57] (социальное государство в переводе с английского «Welfare State» означает «государство всеобщего благоденствия», «государство благосостояния»).

Однако идеалам великих мыслителей античностей и реализации проектов нового государства пока не суждено было сбыться, поскольку Греция была разделена на города-государства (Афины, Спарта и др.) и далее захвачена государствами-империями [17, с. 29].

К претворению социального государства греки приступили во времена Средневековья. Византийская семья народов и государей, весьма противоречивая изнутри – языческая Римская и христианская Византийская, проявлялась в образе «царя небесного». Несмотря на преступность и гнусность самой верхушки, обычные люди верили, что «…Византия – священная земная империя и ее благочестивый император представляет Бога перед людьми и людей перед Богом». Этот тезис является объяснением того, почему «в течение одиннадцати веков – от первого Константина до одиннадцатого – конституция христианской Римской империи была, по сути, неизменна» [15, с. 227].

Жизнь государства, общества и церкви определяли христианские идеалы, что отразилось и на социальной сфере – «вся империя покрылась приютами для сирот и вдов, госпиталями для бездомных и нищих, больницами для прокаженных и немощных. В одной только имперской столице с 325 по 843 гг. существовало 59 странноприимных домов, 49 больниц, 22 приюта для неимущих, 10 домов для престарелых, 8 бань и зернохранилищ, 7 родильных домов, 6 лепрозориев, 2 детских дома и 1 дом для слепых» [22].

«Идеальные правители» – византийские императоры, откликались на новые запросы общества и старались убедить подданных в том, что стремятся к общей пользе и государственному благоденствию (например, новеллы Юстиниана, его же роскошные учреждения по всей империи, ремонт богаделен, приюты для нищих, комплекс социальных институтов в Константинополе, который был так велик, что его назвали «Новым городом») [17, с. 30].

На Западе произошли политические трансформации, которые также привели к активизации социальной мысли и политики.

Результатом осмысления Английской революции 1648 г. и Славной революции 1688 г. явились теории Т. Гоббса (1588 – 1679) и Дж. Локка (1632 – 1704) с их идеями о социальном государстве. Сам термин «социальное государство» пока не появился, формулировалось представление о нем. Локк роль государства обосновывал как гаранта политического компромисса, согласования интересов граждан. Главная функция государства, по его словам – охрана священного права собственности и обеспечение свободы договоров [10]. Правители же наделены «всей полнотой доверия, власти и полномочий единственно для того, чтобы употребить их для блага, охранения и спокойствия людей» [11, с. 66] и должны нести перед народом полную ответственность. Социально-экономическая программа Гоббса была изложена в его произведениях «Левиафан» и «О гражданине». Несмотря на то что «великий Левиафан» – Государство с большой буквы – был героем Гоббса, но его сила и мощь должны были служить благу народа. Одна из главных функций государства – забота о благосостоянии граждан, что требует скрупулезного подхода к экономической политике. Только государство устанавливает формы собственности, самих собственников, распределение земли, определение мест и объектов внешней торговли, имущественные отношения между подданными, формы договоров и сделок. Но, ни в коем случае финансы государства не должны концентрироваться в большом количестве в руках монополистов и откупщиков государственных доходов. Если это происходит, то возникает болезнь государственный «плеврит» – воспаление, сопровождающееся острой болью. Необходимо справедливое, равномерное налогообложение, забота о нетрудоспособных, беспомощных членах общества. Физически здоровые и сильные граждане обязаны работать. Во избежание «отлынивания», необходимо поощрять «все отрасли промышленности, предъявляющие спрос на рабочие руки» [5, с. 357]. При росте массы трудоспособных, не обеспеченных работой людей, их необходимо переселять в недостаточно заселенные страны. На основании анализа взаимоотношений государства и граждан Гоббс обосновал основы частной конкуренции и рынка. И благодаря описанному социально-экономическому подходу был возможен классовый компромисс с английской буржуазией и обуржуазившимся (новым) дворянством [13, с. 164 – 168].

В целом же Локк и Гоббс «социальность» государства понимали как обеспечение государством равенства прав граждан при жизнедеятельности рыночного социума.

Социальные программы реализовывались еще до появления формулировки социального государства. К примеру, в 1670-х гг. Людовик XIV

построил Дом инвалидов в Париже – мера, обусловленная отнюдь не милосердием правителя, а падающим боевым духом солдат, что в результате должно было убедить воинов в том, что государство возьмет на себя заботу о решении последствий их участия в военных действиях. Король-Солнце оставил еще после себя «Мемуары», где есть один пункт его «социальной программы» – в желании искоренить «неорганизованное» нищенство: «Не то чтобы больше не было богатых и бедных (ибо разница в удаче, умении и рассудительности всегда будет сохранять это различие между людьми), но пусть, по крайней мере, в королевстве не будет ни нищеты, ни нищих, то есть никого, кто не был бы обеспечен пропитанием благодаря либо своему труду, либо обычным регулярным вспомоществованиям» [12, с. 159]. Однако именно невозможность отказаться от разорительных войн не привело к реализации благого пожелания.

Наполеон, как говорят в таких случаях (согласно известной поговорке), «одним выстрелом убил двух зайцев» – и при оскудении казны в 1801 г. издал указ, благодаря которому вдовы погибших солдат получали патент на торговлю табачными изделиями.

Во времена войны Севера и Юга (1861 – 1865) – за освобождение рабов в США, президент Линкольн и генерал Грант были инициаторами социальной программы, согласно которой была создана администрация по делам ветеранов, оказывавшая помощь бывшим военнослужащим (действующая до сих пор).

Лоренц фон Штейн (1815 – 1890) считается новатором, отцом понятия и сформулированной идеи «социальное государство» (первоначально это была теория социальной монархии, впоследствии трансформированной в устоявшееся, на современный взгляд, определение), так что родиной теории социального государства считают Германию. Самое его цельное изложение теории содержится в работе «История социального движения Франции с 1789 г.» [21]. И, хотя в теории социального государства самое громкое имя принадлежит фон Штейну, не забудем и о немецких консерваторах-мыслителях XIX вв. Ю. Офнере, Ф. Наумане, А. Вагнере, внесших вклад в данный вопрос.

Путь превращения государства в социальное для обеспечения каждому благосостояния – через создание такого государственного устройства и установлений, которые позволили бы труду самому вести к приобретению собственности. Необходимо проводить целенаправленные социальные реформы, ибо чем многочисленнее этот «низший» класс, тем беднее само государство и оно само «сильно терпит от зависимого положения … чисто рабочего класса» [20, с. 575]. Социальное государство, по фон Штейну, не нацелено на изменение классовой структуры общества и уничтожение классовых противоречий (как у К. Маркса), а направлено на сглаживание этих противоречий.

И, согласимся с С. Завадским, что современнику Л. фон Штейна – Отто фон Бисмарку (1815 – 1898), вернее, его социальным реформам, принадлежит целая графа в периодизации данного генезиса.

Следует заметить, что здравые, жизнеспособные элементы для периодизации нашего вопроса имеют аргументы всех трех авторов: С. Завадского, С. В. Калашникова и А. Э. Евстратова. Как для юристов, для нас, без-

условно, важно оформление прав в законодательную оболочку (С. Завадский). Теоретическое подкрепление определений/категорий (С. В. Калашников) – это прочный фундамент для взвешенной эволюции правовой мысли (иначе бы мы не придавали большую роль дисциплине «Теория государства и права», с которой начинают обучаться правоведению первокурсники, а выпускники одноименной дисциплиной завершают обучение в виде государственного экзамена). Изменение государственных функций (или изменение социальных по содержанию или «на социальные») (С. В. Калашников) также свидетельствует о желании или необходимости властей (во имя внутриполитической, внешнеполитической, социальной, экономической стабильности) переориентировать свой функциональный вектор.

Четкость же критериев периодизации (А. Э. Евстратов) генезиса социального государства предлагаю обозначить как совокупность (систему) признаков: 1) эволюция (смена, совершенствование) типа мышления, теоретических подходов; 2) экономико-производственная эволюция (смена или совершенствование экономико-производственных отношений); 3) законодательство, которое отражается на жизнеспособности государства; 4) степень довольства жизнью граждан (по результатам независимых социологических опросов) – ведь мы говорим о «государстве всеобщего благоденствия».

Заключение. Наличие приведенных признаков – основание для «межевания» отдельного периода в генезисе социального государства. В связи с чем имеется предложение периодизацию социального государства начать с эпохи Древней Греции. Древнегреческая мысль в принципе оказала влияние на юридическое мировоззрение прошлого, настоящего и будущего. Именно в южной части Балканского полуострова и на прилегающих островах Ионического, Средиземного и Эгейского морей были впервые использованы основные понятия теории государства и права, что на сегодняшний день является основой теоретических знаний правоведа. Имело место развитие производительных сил, социально-экономическая дифференциация, образование классового общества. Законодательство правителей, учитывающих «социальные запросы», как мы видим, приводило даже к удовлетворению граждан и восхвалению глав, казалось бы, установивших тиранический режим.

Нет смысла спорить о том, что Солон спасал рабовладельческое государство. Формой правления по факту была «демократия для немногих». Но этот период дает нам именно показательный исторический пример прихода новых социальных законов в античной государственной и общественной «почве». Социальный вопрос, конечно же, должен соответствовать риторике, потребностям, реалиям времени.

Предложенные критерии для периодизации генезиса социального государства не являются бесспорными и окончательными. Это лишь предложение для научного дискурса, обусловленное неразгаданным, но чрезвычайно актуальным, необходимым для Российского государства, феноменом социального государства.

Список литературы

1. **Аристотель (384 – 322 до н. э.).** Политика // Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / пер. С. А. Жебелева. М.: Мысль, 1983. С. 375 – 644.
2. **Баев В. Г.** Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX – первой трети XX вв.: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Тамбов, 2008. 480 с.
3. **Баев В. Г.** Тарифная политика Бисмарка и становление административного государства в Германии (на примере судебного процесса «Бисмарк против университетского профессора Моммзена», 1880-е гг.) // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 5 – 14.
4. **Володин** предложил более полно раскрыть определение «социальное государство». 2019. URL: https://ria.ru/20190121/1549656080.html (дата обращения: 17.08.2021).
5. **Гоббс Т.** Избранные произведения: в 2-х т.: пер. с лат. и англ. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 747 с.
6. **Евстратов А. Э.** Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.01. Омск, 2005. 21 с.
7. **Завадский С.** Государство благоденствия. Доктрина и практика / пер. с пол. Б. Т. Челяповой и А. А. Якушева; под ред. Г. Х. Шахназарова. М.: Прогресс, 1966. 376 с.
8. **Калашников С. В.** Функциональная теория социального государства. М.: Экономика, 2002. 188 с.
9. **Клишас А. А.** Социальное государство. М.: Международные отношения, 2017. 272 с.
10. **Локк Дж.** Два трактата о правлении [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 12.08.2021).
11. **Локк Дж.** Опыты о веротерпимости // Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
12. **Малов В. Н.** Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 152 – 169.
13. **Мееровский Б. В.** Гоббс. М.: Мысль, 1975. 208 с.
14. **Платон.** Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова; вступ. ст. Е. Н. Трубецкого. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
15. **Рансимен С.** Восточная схизма: византийская теократия / авт. предисл. Л. Л. Тайван. М.: Наука: Вост. лит., 1998. 238 с.
16. **Степушкина Е. И.** Правотворческая деятельность социального государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 194 – 201.
17. **Тимонин А. Н.** Социальное государство: к истории концепта // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59). С. 28 – 37.
18. **Туманс Х.** Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н.э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. 544 с.
19. **Чупилкина А. Ф.** Мировые войны и конституционная трансформация // Российское право онлайн. 2020. № 1. С. 42 – 48. DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.042-048
20. **Штейн Л.** Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. 578 с.
21. **Штейн Л.** История социального движения Франции с 1789 г.: пер. со 2-го нем. изд. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.
22. **Jeffreys E., Haldon J., Cormack R.** The Oxford Handbook of Byzantine Studies (Oxford Handbooks). Oxford: Oxford University Press, 2009. 1051 p. URL: https://student.cc.uoc.gr/uploadFiles/177-%CE%92%CE%A5%CE%A6%CE%A6171/Laiou._Political-historical_survey._pages_from_OHBS._ss._280-294.pdf (дата обращения: 12.11.2021). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199252466.001.0001

References

1. **Aristotel'** (384-322 do n. e.). *Politika* [Politics], *Sochineniya* [Works], In 4 volumes. Vol. 4, Moscow: Mysl', 1983, pp. 375-644. (In Russ.).

2. **Bayev V.G.** *PhD of Doctor's thesis* (*Law*), Tambov, 2008, 480 p. (In Russ.).

3. **Bayev V.G.** [Tariff policy of Bismarck and the formation of an administrative state in Germany (on the example of the trial "Bismarck against the university professor Mommsen", 1880s)], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2019, no. 10, pp. 5-14. (In Russ.).

4. **Available at:** https://ria.ru/20190121/1549656080.html (accessed 17 August 2021). (In Russ.).

5. **Gobbs T.** (1588–1679). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], In 2 volumes: trans. from Lat. and English, vol. 2. Moscow: Mysl', 1964, 747 p. (In Russ.).

6. **Yevstratov A.E.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*. Omsk, 2005, 21 p. (In Russ.).

7. **Zavadskiy S.** *Gosudarstvo blagodenstviya. Doktrina i praktika* [State of prosperity. Doctrine and Practice], Moscow: Progress, 1966, 376 p. (In Russ.).

8. **Kalashnikov C.B.** *Funktsional'naya teoriya sotsial'nogo gosudarstva* [Functional theory of the welfare state], Moscow: Ekonomika, 2002, 188 p. (In Russ.).

9. **Klishas A.A.** *Sotsial'noye gosudarstvo* [Welfare state], Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2017, 272 p. (In Russ.).

10. **Available at:** https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (accessed 12 August 2021). (In Russ.).

11. **Lokk Dzh.** (1632 – 1704). [Experiments on religious tolerance], *Sochineniya* [Works]: In 3 volumes.Vol. 3, Moscow: Mysl', 1988, 668 p. (In Russ.).

12. **Malov V.N.** [Louis XIV: the experience of psychological characteristics], *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 1996, no. 6, pp. 152-169. (In Russ.).

13. **Meyerovskiy B.V.** *Gobbs* [Hobbes], Moscow: Mysl', 1975, 208 p. (In Russ.).

14. **Platon.** *Gosudarstvo* [State], Moscow: Akademicheskiy proyekt, 2015, 398 p. (In Russ.).

15. **Ransimen S.** *Vostochnaya skhizma: vizantiyskaya teokratiya* [Eastern schism: Byzantine theocracy], Moscow: Nauka: Vost. lit., 1998, 238 p. (In Russ.).

16. **Stepushkina Ye.I.** [Law-making activity of the social state], *Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA)* [Bulletin of the O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)], 2018, no. 4, pp. 194-201. (In Russ.).

17. **Timonin A.N.** [Welfare state: to the history of the concept], *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal state: theory and practice.], 2020, no. 1(59), pp. 28-37. (In Russ.).

18. **Tumans Kh.** *Rozhdeniye Afiny. Afinskiy put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII – V vv. do n.e.)* [Birth of Athena. The Athenian Way to Democracy: from Homer to Pericles (VIII-V centuries BC).], St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2002, 544 p. (In Russ.).

19. **Chupilkina A.F.** [World wars and constitutional transformation], *Rossiyskoye pravo onlayn* [Russian law online], 2020, no. 1, pp. 42-48. DOI: 10.17803/2542-2472.2020.13.1.042-048 (In Russ.).

20. **Stein L.** [The doctrine of management and the law of management with a comparison of the literature and legislation of France, England and Germany], St. Petersburg: A. S. Giyeroglifov, 1874. 578 p. (In Russ.).

21. **Stein L.** Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. III. München, 1921.

22. **Jeffreys E., Haldon J., Cormack R.** The Oxford Handbook of Byzantine Studies (Oxford Handbooks). Oxford: Oxford University Press, 2009. 1051 p. available at: https://student.cc.uoc.gr/uploadFiles/177-%CE%92%CE%A5%CE%A6%CE%A6171/Laiou._Political-historical_survey_pages_from_OHBS._ss._280-294.pdf (accessed 12 November 2021). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199252466.001.0001

The Genesis of the Welfare State: Criteria for Periodization

A. F. Chupilkina, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Professional Disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Samara, Russia;
aygul8@yandex.ru

The "social question" and the disclosure of a wide range of the category "social state" are among the most popular in the research of scientists of various sciences. Political scientists, sociologists, economists, philosophers, historians and lawyers present us in the most favorable light the possibilities of the state influence of the past on the well-being of citizens through active and diverse intervention in various spheres of life. However, there is still no unified idea about the genesis of the social state and its features.

The purpose of the study is not just to proclaim new stages in the evolution of the idea of a social state, but to establish clear criteria for their definition, which it is proposed to designate as a set (system) of the following features: 1) evolution (change, improvement) of the type of thinking, theoretical approaches; 2) economic and industrial evolution (change or improvement of economic and industrial relations); 3) legislation that affects the viability of the state; 4) the degree of satisfaction with the life of citizens (according to the results of independent sociological surveys).

Based on the conducted historical analysis, it is concluded that the origins of the social state have their roots in Ancient Greece during the times of Solon and Pisistratus, who showed practical examples of social reformations.

Keywords: Ancient Greece; genesis of the welfare state; Western socio-political transformations; historical examples; periodization criteria.

© А. Ф. Чупилкина, 2021

Статья поступила в редакцию 18.08.2021

При цитировании использовать:

Чупилкина А. Ф. Генезис социального государства: критерии периодизации // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 110 – 118. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.110-118

УДК 343.94 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.119-127

Актуальность представленной статьи заключается в том, что при профилактике корыстной преступности исследователи включают в общественные отношения нового участника – личность корыстного преступника. Как неоднократно отмечалось на различных конференциях, в области познания социальных и психофизиологических черт, свойств и качеств подобной личности возникает ряд проблем практического и теоретического характера, заслуживающих пристального внимания. В статье предпринята попытка ответить на вопрос, почему определенный тип людей, которые наиболее полно выявили и развили свои личностные возможности, закрыли свои личные потребности, достигли уровня самоактуализации не выходят к высоким уровням сознания, а предпринимают действия, направленные на совершение корыстных преступлений? В статье вначале поставлены вопросы о развитии механизма корыстного поведения, а затем обозначены целевые ориентиры исследования по изучению потребностей личности корыстного преступника с учетом различных взглядов на теорию самоактуализации подобной личности.

Ключевые слова: психофизиологические черты; самоактуализация; личность; корыстная преступность; потребности; профилактика преступного поведения.

Михаил Александрович Желудков, *д-р юрид. наук, доцент, профессор, кафедра уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; kandydat1@yandex.ru*

Владимир Евгеньевич Ковалевский, *помощник адвоката коллегии адвокатов гильдии московских адвокатов «БУРДЕЛОВ и ПАРТНЕРЫ», Москва, Россия; kovalevski27@mail.ru*

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ С ПОЗИЦИИ АНАЛИЗА СИСТЕМНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ КОРЫСТНОГО ПРЕСТУПНИКА

Введение. Может показаться странным, что исследование вопросов самоактуализации личности корыстного преступника начинается не с разбора обобщенных социальных и психофизиологических черт, свойств и качеств, которые характеризуют определенный тип людей. Но здесь нет видимого противоречия. В основе нашего исследования лежит постулат: «личность – это обусловленное включенностью в общественные отношения системное качество индивида, формирующееся в совместной деятельности и общежитии» [3, с. 84].

Поэтому, предметом криминологического, а также психологического исследования личности корыстного преступника следует считать не только уровень образования или его возраст, но и бесконечное многообразие потребностей, обычаев, интересов, идей, нравов, социально-общественных институтов, которые непосредственно связаны с процессом формирования механизма криминогенного корыстного поведения. Отправной точкой нашего исследования служит то, что любое преступление – это действие или бездействие определенного человека, а вовсе не автономное от него явление окружающей действительности.

Цель работы. В рамках данной статьи предпринята попытка познания того, почему определенный тип людей, которые наиболее полно выявили и развили свои личностные возможности, закрыли свои личные потребности, не выходят к высоким уровням сознания, а предпринимают действия, направленные на совершение корыстных преступлений.

Методы. Зададимся также ответом на то, каким образом связаны воедино механизм преступного поведения и системная основа потребностей личности во внешней среде? Понимание того, почему человек совершает конкретное корыстное преступление, следует искать в социальных условиях и связях окружающего мира, общества с данной личностью, где за показанным многообразием признаков скрываются глубокие причины социального, физического или морального порядка при становлении личности корыстного преступника.

Обсуждение. С момента рождения у человека возникает существенный объем потребностей: «потребность в социальных связях и в любви; потребность в пище; потребность в безопасности, защите, покровительстве; …и наконец, потребность в самоактуализации, то есть в воплощении заложенных в каждом из нас идиосинкратических и общевидовых потенциалов» [5].

Потребности могут быть генетически обусловлены, в виде реакции на возникающие раздражители, или зависеть от общественных правил поведения. В любом случае новые потребности возникают только тогда, когда на минимальном уровне удовлетворены нужды или надобности, возникшие на более низком уровне сознания.

Термин «потребности» для нас, современных людей, которые обогащены высоким уровнем знаний, но живут в определенной социальной среде, имеет под собой различные содержательные аспекты.

В толковом словаре Ушакова потребностью считается: «надобность, нужда в чем-нибудь, без удовлетворения которой невозможно обойтись» [7]. В другом толковании потребность: «Надобность, нужда, в чем-нибудь, требующая удовлетворения» [6].

В психологии выделяется «состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности» [4].

Согласимся с выводом: «потребность – это состояние объективной нужды человеческого организма в чем-то» [1, с. 44].

С точки зрения теории самоактуализации личности А. Маслоу возможности для полного выявления и развития способностей лица зависят не только от действительного выражения стремлений человека, но и от

ориентации потребностей и различий в возможностях по их удовлетворению. В данной теории А. Маслоу старался найти элементы причинной зависимости, обуславливающей отказ от преступного поведения самоактуализированных людей. Однако если бы такая интерпретация была бы верной, то в профилактике преступности достаточно было бы ограничиться достижением высокого уровня удовлетворения базовых потребностей. Но анализ детерминантов корыстной преступности показывает их совокупность и связь с многообразием форм жизни общества и факторами, влияющими на индивида.

Кстати, по этому поводу и Маслоу не исключает того, что «самоактуализированные люди — это здоровые, нормальные люди со своими слабостями и недостатками. Они не застрахованы от тщеславия, гордости, пристрастности, особенно по отношению к результатам собственного труда, к своим детям и друзьям» [5].

А. Маслоу пытался, с одной стороны, объяснить необходимость развития в обществе самоактуализированных людей, а с другой – найти те критерии, которые бы влияли на ценностные и моральные ориентиры самого общества. Согласимся, что в корыстных преступлениях присутствуют особые ценностные ориентиры, где удовлетворение потребностей само по себе является ценностью, конечной целью корыстного деяния. В свою очередь отдельные ценности нашей жизни создают предпосылки и для выбора непреступных способов удовлетворения потребностей. Среди них выделим уважение к чужой собственности, личности, гуманизм, честность, зависимость свободы выбора поведения от справедливости, защищенности и других ценностных основ общества. Трудности заключаются в отсутствии универсальных общепринятых предписаний, которые могут помочь в воздействии на уровень сознания определенного лица для создания самого высокого уровня самоактуализации.

Например, с точки зрения генетической обусловленности реакции на возникающие внешние раздражители, нельзя не обойти своим вниманием психоаналитическую концепцию Гюнтера Аммона, изложенную им в книге «Динамическая психиатрия» [2]. В ней изложен концептуальный метод психоанализа, то есть «последовательность рефлексии бессознательной динамики межличностных отношений» [2, с. 13]. Его концепция построена на изучении противоречий внутренних побуждений человека и усвоенных им с молодых лет требований общества. В данном случае преступник (как и пациент) должен считаться не объектом, а субъектом в межличностных коммуникативных связях. В модели психоанализа присутствуют элементы, которые возможно переносить на механизм формирования преступного корыстного поведения и нарушения форм контроля.

«Нарушение контроля означает нарушение операций по стабилизации, с помощью которых «Я» как «хранитель жизненного равновесия» пытается защитить психическую систему от инстинктивных импульсов и стрессов окружающего мира» [2, с. 13].

С учетом подобного мнения Гюнтер Аммон предположил, что «Наряду с этим функциональным аспектом Я мы должны признать аспект его идентификации, который делает Я человека неповторимым образом, который может быть понят лишь на основе исторических связей жизненной

истории индивидуума с его группой и в широчайшем смысле слова с обществом» [2, с. 13].

В основе его вывода заложено предположение о том, что личность идентифицирует свое место в обществе на основе выделения «Я» в межличностных процессах общества. Самоакутализацию нельзя считать финальным периодом становления личности. Потребности личности будут постоянно видоизменяться, а психопатология личности корыстного преступника будет проявляться в конфликте внутреннего желания идентификации определенного места в обществе, достижения определенного уровня потребления и динамики развития ценностных ориентиров общества, затрудняющих эту идентификацию. Попытка лица преодолеть подобное противоречие скачкообразным способом вызывает особую корыстную активность по отношению к удовлетворению потребностей, где корысть формирует и удерживает цели активности, создает особые формы отношения к контактам и адаптации личности в микро- и макрогруппах социальной среды.

Причем практически в любой человеческой потребности имеются предпосылки к зарождению преступного поведения, – другой вопрос, станет ли преступником конкретный человек, прилагая усилия для достижения этих потребностей, и каков уровень его самоактуализации при выборе способов и средств по удовлетворению своих желаний.

Совершенно очевидно, что при изучении потребностей корыстного преступника нельзя применять только методы объективного подхода, где диагностика основана на результате и способе выполнения деятельности. Следует обращать внимание на восприятие человеком фактов окружающей действительности, самооценку особенностей личности, состояния в криминальных ситуациях, взаимодействия с обезличенным объектом преступного посягательства. Необходимо не только трактовать полученные сведения, но и проводить их осмысление с учетом поведенческих действий.

Мы подошли, таким образом, к тому, что именно потребности на первоначальном этапе зарождения механизма преступного корыстного поведения выступают основой для разработки цели поведения. Как уже отмечалось ранее, все потребности можно разделить по определенным видовым категориям. Предлагаем взять за основу следующую *классификацию* потребностей личности:

1) материальные *потребности* – необходимость получения определенных предметов материального мира для обеспечения существования человека в определенной общественной среде на различных этапах исторического развития. Степень выражения количественных и качественных характеристик потребностей материального свойства личности зависима от ее места в социальной среде общества и демографических свойств самой личности. Например, у молодых людей преобладают элементарные потребности соответствия определенной навязанной идеологии потребления, где для них важен момент соответствия материального предмета современной материальной культуре.

2) *социальные потребности* – состояние объективной необходимости в реализации общественного развития человека и взаимодействия с окружающей действительностью. Человек живет в обществе и взаимодейству-

ет с другими людьми. Возникает необходимость выстраивать общение, завоевывать авторитет, занимать определенное место в общественном положении, обращать внимание на отношения со стороны других людей и др. В данном случае можно вспомнить пословицу: «Береги честь смолоду, а платье снову». В этой пословице заложен смысловой механизм того, что все действия человека в обществе фиксируются со стороны других людей и тем самым создают ему репутационный уровень в микрокатегорийной среде. Необходимо следить за особенностями выражения своего поведения и не совершать действий, которые в обществе нарушают установленные правила поведения, являются несправедливыми, недостойными или бесчестными. Платье в этом случае выступает образным объектом, подразумевая значение того, что старую, грязную одежду хранить и одевать не имеет смысла.

3) *духовные потребности* – состояние развития индивидуальных качеств личности на основе самосовершенствования в определенной области творчества, науки, религии и иных областях знаний окружающей действительности. В реализации духовных потребностей возможны направления развития сублимации или деградации личности. Сублимация представляет собой механизм защиты психики человека, где накапливаемые внутренние противоречия и нерешаемые проблемы отходят на второй план, путем перенаправления ориентации и направленности действий на достижение определенных социально-полезных результатов в других областях. В случае деградации личности включается механизм полного отрицания социально-приемлемых целей, где личность стремится к удовлетворению потребностей, возникающих на уровне инстинктов, нарушая заложенную систему социальных целей и ценностей.

В основе данной классификации лежит принцип взаимодействия личности с определенным объектом окружающей действительности с учетом формирования антисоциальной позиции личности в механизме преступного поведения. Присутствуют и другие виды потребностей, которые частично поглощаются данными группами, но могут и удовлетворяться без участия данных групп общественных отношений. Среди них: физиологические (пища, вода, сон и др.), физические (тепло, жилье и др.), психические (любовь, ненависть, привязанность, безопасность и др.), нравственные (добро, зло, истина и др.). Подобные потребности задаются природой и физиологией определенного человека, однако характер материальных, социальных и духовных отношений не только накладывает на них определенный отпечаток, но и изменяет степень их развития, способы удовлетворения и формы проявления данных нужд. Поэтому данные потребности в механизме преступного поведения необходимо рассматривать именно в контексте взаимодействия с приведенной выше классификацией.

Таким образом, представленная группировка позволяет разделить потребности по видам, однако она не может объяснить, почему в определенном состоянии одна и та же потребность может иметь положительную направленность либо приобретать извращенную форму. Например, корыстная страсть к накоплению, стяжательству, фанатизм, жестокость и агрессия, проституция, наркотизм, алкоголизм. Подобные извращенные потребности не всегда вызываются нуждой, нехваткой чего-либо у самого

лица или в его организме. Объяснить покупку нескольких дорогих автомобилей вряд ли возможно нуждой в неудовлетворенности транспортного сообщения или насущной необходимости в развитии человека. В данном случае имеет форма извращенной актуализации лица в обществе, где личность не застрахована от пороков общества и стремится реализовать возникшие у нее потенциальные возможности со своим представлением о добре и зле, проецируя окружающую действительность на основе устремлений к идеальному стандарту успеха в обществе.

Рассмотрим некоторую зависимость возникающих у личности потребностей от законов общества, где он рождается и проживает. Человек – часть определенного общества, но этот факт не означает вывод о том, что каждая личность полностью принимает все правила общества. Общественная реальность жизнедеятельности слабо зависит от желаний и потребностей всех людей. Общество продолжает свое существование и тогда, когда конкретная личность выбывает из него. Нельзя игнорировать эти правила и законы человеческого бытия, но человеческие желания, страхи, надежды и мечты могут вступить в противоречие с общественными отношениями. Поэтому в процессе анализа механизма преступного корыстного поведения требуется обращать внимание и на подобные субъективные факты по личности.

В теории мотивации следует воспринимать личность преступника как индивидуума, обладающего целостной структурой. «Потребность – это всегда потребность индивидуума. Удовлетворение потребности приносит удовлетворение индивидууму, а не какому-то его органу» [5]. В этом отношении физиологические и психические функции человека, в рамках механизма преступного поведения, нельзя рассматривать отдельно от конкретной личности, обладающей свойством индивидуума. Подобные физиологические особенности воздействуют на личность путем трансформации его восприятия окружающей действительности. Человек, не получающий достаточного количества еды, видит окружающий мир в другом качестве. Действия эмоционально выделены именно удовлетворением голода. «Он будет думать о том, где бы ему поесть. Этот перечень можно продолжать до бесконечности, пока не будут перечислены практически все функции человека как физиологические, так и психические» [5].

Однако выделим в этом исследовании момент того, что потребности взаимосвязаны с отражением в сознании лица определенной нужды, нужности объекта, предмета или удовлетворения возникающих желаний. Существует взаимосвязь объективного состояния нужды с субъективным образом этой нужды, а также средств, способов и условий для ее достижения. Склонность человека к добру или злу сложно объяснить только одной биологической природой человека. Реакция человека на возникновение и удовлетворение нужды может иметь врожденное, а также приобретенное состояние. Врожденные устремления, способности человека перерастают в потребности с учетом создания условий для их удовлетворения. Внутренняя природа человека хотя и является врожденной структурой, но человеческое поведение может изменяться при воздействии на эту структуру детерминирующих внешних факторов. Внешние условия неудовлетворенности потребностей всегда приводят к изменению ориентации человека.

В поведении появляется агрессия, злоба, жестокость, корысть. Не сами потребности по себе, а их отражение в сознании человека и состояние по их удовлетворению следует считать необходимым элементом в процессе зарождения внутренней активности для корыстного поведения. В некоторых условиях потребности и ценностные ориентиры могут послужить основой для процесса самосохранения личности от преступления и достижения высокой степени самоактуализации. Отметим состояние извращенной формы актуализации потребностей лица в обществе. Любая личность не застрахована от пороков общества. Поэтому отдельные индивиды стремятся реализовать возникающие потребности, проецируя окружающую действительность на основе своих устремлений к идеальному стандарту успеха в микро- и макросоциальной среде общества.

Заключение. С учетом подобного анализа можно констатировать, что изучение потребностей корыстного преступника следует проводить как в криминологическом, так и психологическом ключе, где проблема заключается в поиске поведенческих аспектов личности в зависимости от наличия или отсутствия возможностей по удовлетворению определенных потребностей. Не потребности, в самостоятельном их содержании, лежат в основе зарождения мотива преступного поведения, а именно отсутствие возможностей по их удовлетворению создает определенное субъективное желание и внутреннюю готовность к действию или бездействию. Потребности нельзя считать равнозначными понятиями с мотивами. В потребностях закладывается состояние человека, создаваемое необходимостью соблюдения условий для нормального его существования и развития в определенном обществе. Мотив поведения как внутренняя побудительная функция двигательной активности будет зависеть не только от потребностей, но и от других детерминирующих факторов.

Полагаем обоснованным думать, что самоакутализацию нельзя считать финальным периодом становления личности. Потребности личности будут постоянно видоизменяться, а психопатология личности корыстного преступника будет проявляться в конфликте внутреннего желания идентификации определенного места в обществе, достижения определенного уровня потребления и динамики развития ценностных ориентиров общества, затрудняющих эту идентификацию. Попытка лица преодолеть подобное противоречие скачкообразным способом вызывает особую корыстную активность по отношению удовлетворению потребностей, где корыстный мотив формирует и удерживает цели активности, создает особые формы отношения к контактам и адаптации личности в микро- и макрогруппах социальной среды.

Список литературы

1. **Аванесов Г. А.** 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 303 с.

2. **Гюнтер А.** Динамическая психиатрия в ракурсах времени. К столетию со дня рождеbния [Электронный ресурс]. М.: Городец, 2018. 568 с. URL: https://gorodets.ru/upload/iblock/c34/Ammon.-Dinamicheskaya-psikhiatriya_Fragment.pdf (дата обращения: 21.01.2020).

3. **Ильин И. А.** Наши задачи: Историческая судьба и будущее России: статьи 1948 – 1954 годов: в 2 т. Т. 1. М.: Рарог, 1992. 271 с.

4. **Краткий психологический словарь** [Электронный ресурс] / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 512 с. URL: https://psychology.academic.ru/1748 (дата обращения: 05.02.2020).

5. **Маслоу А.** Мотивация и личность [Электронный ресурс]. СПб.: Питер, 2014. 600 с. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf (дата обращения: 21.01.2020).

6. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. 22-е изд. М.: Иностранные и национальные словари, 1990. 921 с.

7. **Толковый словарь русского языка:** в 4-х т. Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. 912 с.

References

1. **Avanesov G.A.** *10 glav o motivatsii i motivakh. Cherez prizmu nauki kriminologii* [10 chapters on motivation and motives. Through the prism of the science of criminology], Mocow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2012, 303 p. (In Russ.).

2. **Gyunter A.** *Dinamicheskaya psikhiatriya* [Dynamic psychiatry], St. Petersburg: Izd-vo Psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva, 1995, 200 p. available at: http://www. koob.ru/gunter_ammon/dinamicheskaya_psihiatriya (accessed 21 January 2020). (In Russ.).

3. **Il'in I.A.** *Nashi zadachi: Istoricheskaya sud'ba i budushcheye Rossii: ctat'i 1948 – 1954* [Our tasks: Historical fate and future of Russia: Articles 1948 - 1954], In 2 volumes.Vol. 1, Moscow: Rarog, 1992, 271 p. (In Russ.).

4. **Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. (Eds.).** *Kratkiy psikhologicheskiy slovar'* [Brief psychological dictionary], Rostov n/D: Feniks, 1998, 512 p. available at: https://psychology.academic.ru/1748 (accessed 05 February 2020). (In Russ.).

5. **Maslou A.** *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality], St. Petersburg: Piter, 2014, 600 p. available at: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf (accessed 21 January 2020). (In Russ.).

6. **Ozhegov S.I.** *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language], Moscow: Inostrannyye i natsional'nyye slovari, 1990, 921 p. (In Russ.).

7. **Ushakov D.N. (Ed.).** *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]: In 4 volumes. Vol. 3, Moscow: Terra, 1996, 912 p. (In Russ.).

A Critical View of the Theory of Self-Actualization through the Analysis of Basic Needs of a Self-Serving Criminal

M. A. Zheludkov, *Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; kandydat1@yandex.ru*

V. E. Kovalevsky, *Assistant Attorney, Bar Association of the Moscow Attorneys Guild BURDELOV & PARTNERS, Moscow, Russia; kovalevski27@mail.ru*

The relevance of the article lies in the fact that in the prevention of mercenary crime, a new participant is included in social relations – a self-serving criminal. As has been repeatedly noted at various conferences, a number of practical and theoretical problems, which deserve close attention, arise

in the field of cognition of social and psychophysiological traits, properties and qualities of such a person. The article attempts to answer the question why there exists a certain type of people who having revealed and developed their personal abilities, satisfied their personal needs, and reached the level of self-actualization, still do not strive for spiritual growth, but take actions aimed at committing mercenary crimes. For the first time the article raised questions about the development of the mechanism of self-serving behavior, and then outlined the targeted guidelines of the study to study the needs of the identity of a self-serving criminal, taking into account various views on the theory of self-actualization of such a person.

Keywords: psychophysiological features; self-actualization; personality; self-serving crime; needs; prevention of criminal behavior.

© М. А. Желудков, 2021

© В. Е. Ковалевский, 2021

Статья поступила в редакцию 10.02.2020

При цитировании использовать:

Желудков М. А., Ковалевский В. Е. Критический взгляд на теорию самоактуализации с позиции анализа системных потребностей личности корыстного преступника // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 119 – 127. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.119-127

УДК 346.15 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.128-135

В статье раскрывается содержание презумпции добросовестности предпринимателя как основополагающего конституционного принципа законотворческой деятельности государства. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в большинстве случаев этот принцип игнорируется законодателем. По указанной причине делается вывод, что правовое регулирование предпринимательских отношений должно основываться на презумпции добросовестности предпринимателя, который обязывает государство видеть в предпринимателе партнера на пути к экономическому развитию, а не подозрительного лица, чья деятельность нуждается в постоянном обязательном контроле.

Ключевые слова: предприниматель; экономическое развитие; презумпции добросовестности предпринимателя.

Константин Борисович Кораев, *д-р юрид. наук, доцент, профессор, кафедра гражданского права, Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия; 1-kosta@mail.ru*

ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Законотворческая деятельность любого государства является предпосылкой, которая создает необходимые условия для прогрессивного развития различных социальных институтов, включая сферу предпринимательской деятельности, или же, напротив, является сдерживающим фактором такого развития. Данная деятельность выступает в качестве фактора развития тогда, когда она осуществляется не хаотично, а на основе общепризнанных конституционных принципов законотворческой деятельности.

Как представляется, для предпринимательской сферы среди названных принципов является первостепенным принцип презумпции добросовестности предпринимателя. Он подразумевает, что при регулировании отношений, возникающих между предпринимателями или с их участием, предполагается, что поведение предпринимателей соответствует интересам общественного развития и не направлено на причинение им вреда. Такой подход в законотворческой деятельности обязывает государство рассматривать предпринимателя в качестве партнера в деле общественного развития.

Данный принцип нашел свое отражение в Постановлении КС РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П (Российская газета, № 13. 19.01.2000) по делу о тарифах страховых взносов, в котором указано: «Принцип законного установления обязательных платежей не ограничивается требованиями к правовой форме акта, устанавливающего тот или иной обязательный

платеж, и к процедуре его принятия. Содержание этого акта также должно отвечать определенным требованиям, поэтому не может считаться законно установленным обязательный платеж, не соответствующий, по существу, конституционным принципам и не отражающий основных начал законодательства о налогах и сборах.

Такой характер правового регулирования не позволяет признать страховые платежи законно установленными и создать конституционно обоснованное законодательство о тарифообложении. Так, при установлении тарифооблагаемой базы для уплаты страховых взносов индивидуальными предпринимателями, занимающимися частной практикой нотариусами, главами крестьянских (фермерских) хозяйств и адвокатами не учитывается, что в законодательстве о подоходном налоге определение налогооблагаемой базы сочетается с дифференциацией ставок налога в зависимости от размера получаемого дохода.

Не используя социально оправданную дифференциацию страховых взносов для разных категорий самозанятых граждан, законодатель тем самым вводит чрезмерные ограничения права собственности, что противоречит ст. 35 (ч. 1 и ч. 2) и ст. 55 (ч. 2 и ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Из закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа правового государства (ст. 1, ч. 1) вытекают конкретные требования, рекомендации и запреты в отношении определенных действий органов государства. В сфере тарифообложения указанный конституционный принцип диктует для законодателя запрет устанавливать регулирование таким образом, чтобы провоцировать законопослушных граждан на сокрытие получаемых доходов и занижение облагаемой базы.

Анализируя приведенное постановление КС РФ, в юридической литературе обоснованно указывается на то, что законодатель в процессе создания законодательства о рыночной экономике должен руководствоваться презумпцией добросовестности субъектов экономической деятельности. Так, Г. А. Гаджиев отмечает, что по сути дела выведенный из Конституции РФ и сформулированный Конституционным Судом императив означает, что законодатель в процессе создания законодательства о рыночной экономике должен руководствоваться презумпцией добросовестности субъектов экономической деятельности. Чтобы не подвергать экономическую свободу чрезмерным, недопустимым с точки зрения Конституции РФ ограничениям, государство в процессе правового регулирования экономических отношений должно действовать в рамках конституционной системы координат, образуемой принципом экономической свободы и экономическим конституционным публичным порядком. Это значит, в частности, что в процессе правового регулирования законодатель должен исходить из презумпции добросовестности предпринимателя, налогоплательщика, выводимой из смысла ст.ст. 49, 54 Конституции РФ. Государство не имеет права создавать юридическую, налоговую систему, руководствуясь предположениями о том, что субъекты экономических отношений – недобросовестные и незаконопослушные граждане [2].

Таким образом, презумпция добросовестности предпринимателя как принцип законотворческой деятельности государства является не только

результатом познания юридической науки, но и инструментом, которым должен руководствоваться законодательный орган РФ в силу прямого указание на это КС РФ.

В связи со сказанным, возникает вопрос, так ли происходит на самом деле в современных условиях правового регулирования предпринимательской деятельности? Анализ действующего регулирования показывает, что не всегда, а правильнее сказать, что в большинстве случаев этот принцип игнорируется законодателем.

В качестве примера можно привести некоторые действующие нормативно-правовые акты.

Например, рассмотрим положения ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Российская газета, № 209-210. 02.11.2002.) (*далее* – Закон о банкротстве).

Согласно ранее действующему регулированию, сделка, заключенная или совершенная должником, с отдельным кредитором или иным лицом, после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и(или) в течение 6 месяцев, предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом, может быть признана судом, арбитражным судом недействительной по заявлению внешнего управляющего или *кредитора*, если указанная сделка влечет за собой предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими кредиторами. Сделка, совершенная должником – юридическим лицом в течение 6 предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом месяцев и связанная с выплатой (выделом) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с его выходом из состава учредителей (участников) должника, по заявлению внешнего управляющего или кредитора, может быть признана недействительной судом, арбитражным судом в случае, если исполнение такой сделки нарушает права и законные интересы кредиторов (пп. 3 и 4 ст. 103 Закона о банкротстве).

Таким образом, ранее действующая редакция наделяла кредиторов правом на оспаривание сделок несостоятельного должника. Поскольку в указанное время институт несостоятельности (банкротства) граждан не применялся в РФ, то, безусловно, можно утверждать, что в качестве перечисленных кредиторов выступали в основном предприниматели.

Действующее регулирование основано на ином подходе. Согласно пп. 1 и 2 ст. 69.1 Закона о банкротстве, заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд внешним или конкурсным управляющим от имени должника по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов, при этом срок исковой давности исчисляется с момента, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки, предусмотренных Законом о банкротстве. Голоса кредитора, в отношении которого или в отношении аффилированных лиц которого совершена сделка, не учитываются при определении кворума и принятии решения собранием (комитетом) кредиторов по вопросу о подаче заявления об оспаривании этой сделки. Если заявление об оспаривании сделки во исполнение решения собрания (комитета) кредиторов не будет подано

арбитражным управляющим в течение установленного данным решением срока, такое заявление может быть подано представителем собрания (комитета) кредиторов или иным лицом, уполномоченным решением собрания (комитета) кредиторов. Заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд конкурсным кредитором или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.

Из содержания приведенных норм следует, что право кредиторов на оспаривание сделок должника существенно ограничено. В настоящий момент им обладают только кредиторы, размер кредиторской задолженности перед которыми, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.

Ограничение права кредиторов на оспаривание сделок должника в юридической литературе и судебной практике принято связывать с необходимость борьбы со злоупотреблениями со стороны кредиторов. Так, например, Александра Улезко, анализируя указанные изменения, считает, что, с одной стороны, они направлены на защиту интересов кредиторов, с другой – не позволяют затягивать процедуру банкротства миноритарными кредиторами путем подачи многочисленных исков об оспаривании сделок и таким образом пытающихся добиться выкупа кредиторской задолженности лицами, заинтересованными в скорейшем завершении процедуры банкротства [4, с. 5]. И. Вышегородцев указывает, что в процессе банкротства могут участвовать десятки кредиторов, и у них будут различные интересы. В частности, миноритарные кредиторы в силу различных обстоятельств могут быть заинтересованы в затягивании процесса банкротства. Однако для пресечения этой возможности и ограничения злоупотреблений со стороны управляющего и руководства должника Закон о банкротстве содержит правило о том, что заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд также конкурсным кредитором или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов (п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве) [1, с. 9].

Согласно позиции ВС РФ, установленный законом 10%-й порог служит лишь ограничением для чрезмерного и несогласованного оспаривания сделок по заявлениям миноритарных кредиторов, что может нарушить баланс интересов участвующих в деле о банкротстве лиц, привести к затягиванию процедуры банкротства и увеличению текущих расходов (Определение ВС РФ от 10.05.2016 № 304-ЭС15-17156).

Очевидно, что среди обозначенных подходов наиболее правильным представляется первый, так как кредиторы, обладая материальным интересом в оспаривании сделок несостоятельного должника, способны

с большей эффективностью использовать механизм оспаривания в рамках дела о банкротстве. Также представляется спорным довод о том, что наделение всех кредиторов правом на оспаривание сделок должника приводит к осложнению дела, так как лишение кредиторов права на оспаривание сделок должника увеличивает количество заявлений кредиторов о признании бездействия арбитражного управляющего, вызванного несовершением действий по оспариванию сделок должника, что также влечет осложнение дела о банкротстве [3, с. 25 – 29]. На такую возможность кредиторов указал ВС РФ, согласно правой позиции которого кредитор должника, обладающий меньшим размером требований, чем это установлено п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве, не вправе самостоятельно оспорить сделки. Однако он не лишен возможности обратиться к арбитражному управляющему с соответствующим требованием, а также обжаловать действия (бездействия) последнего (ВС РФ в Определении от 04.12.2017 № 305-ЭС15-5231(4)). Кроме того, существующее регулирование, как представляется, не соответствует презумпции добросовестности предпринимателя, так как борьба с недобросовестными действиями миноритарных кредиторов осуществляется не путем выявления недобросовестных кредиторов и применения к ним мер воздействия, а путем запретов для всех кредиторов безотносительно того, являются они добросовестными или нет. Иными словами, государство, осознав эту проблему, вместо того, чтобы выработать меры по противодействию недобросовестным действиям со стороны таких кредиторов, которые составляли, безусловно, меньшинство, объявляет всех кредиторов, а, следовательно, предпринимателей, недобросовестными и с 28.04.2009 лишает всех кредиторов несостоятельного должника права на оспаривание его сделок.

В качестве другого примера можно привести Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (Российская газета. № 151-152. 09.08.2001).

В частности, нормы ст. 6 указанного федерального закона считают подозрительными, а, следовательно, подлежащими обязательному контролю:

– операции по внесению физическим лицом в уставный (складочный) капитал организации денежных средств в наличной форме в размере, равном или превышающем 600 000 рублей, то есть в данном случае факт создания юридического лица, уставный (складочный) капитал которого формируется за счет наличных средств, автоматически придает такому лицу статус подозрительного;

– зачисление денежных средств на счет (вклад) или списание денежных средств со счета (вклада) юридического лица, период деятельности которого не превышает 3 месяцев со дня его регистрации. Это значит, что все созданные на территории РФ юридические лица в течение 3 месяцев имеют статус подозрительных;

– получение или предоставление имущества по договору финансовой аренды (лизинга);

– сделка с недвижимым имуществом, результатом совершения которой является переход права собственности на такое недвижимое имущест-

во, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 3 млн рублей.

Таким образом, даже незначительная часть приведенных положений этого федерального закона показывает, что с позиции законодателя подавляющее большинство предпринимателей в РФ являются подозрительными и требуют постоянного контроля со стороны государства.

Думается, что такой законодательный подход нельзя признать эффективным. В конечном счете, такой подход приводит к тому, что недобросовестные лица находят другие формы злоупотребления (способы обхода существующих запретов), а добросовестные лица вынуждены иметь дело с необоснованными законодательными лишениями, которые, безусловно, не могут сказываться негативно на развитие предпринимательства в РФ.

В качестве другого примера можно привести правовые нормы, которые в России вступили в силу 1 января 2021 года и содержатся в ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Российская газета. № 173. 06.08.2020) (*далее* – Закон о цифровых активах).

Положения указанного закона для обозначения криптовалюты используют понятие «цифровая валюта», под которой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (ч. 3 ст. 1 Закона о цифровых активов).

Приведенное определение показывает, что содержание понятия «цифровая валюта» законодателем раскрывается через его основные функции – средство платежа и объект инвестирования.

Несмотря на то что законодатель признает за цифровой валютой платежную и инвестиционную функцию, он запрещает применение цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ (ч. 5 ст. 14 Закона о цифровых активах) и допускает ее использование в качестве объекта инвестирования. Безусловно, такой подход нельзя признать правильным, так как, во-первых, он не соответствует экономическому содержанию криптовалюты, во-вторых, создает конкурентное преимущество для некоторых иностранных предпринимателей, на которых такой запрет не распространяется их национальными законодательствами.

Другим важным и неурегулированным вопросом обращения криптовалюты является вопрос о правовом статусе операторов информационной системы, обеспечивающих их обращение (криптовалюта и криптокошельки). Единственное, на что указывает законодатель, это на обязанность ис-

пользовать инфраструктуру на территории РФ или доменной зоны РФ в сети Интернет. Думается, что с учетом глобальности рынка криптовалюты такое требование представляется не соответствующим характеру регулируемых отношений и делает российскую правовую юрисдикцию не привлекательной для развития деятельности, обеспечивающей обращение криптовалюты.

Другим важным аспектом правового статуса криптобиржи и криптокошелька является вопрос о необходимости идентификации клиентов и возможности восстановления доступа к их средствам без их согласия. Большинство стран в качестве обязательного доступа к криптовалюте ставит необходимость идентификации владельца с возможностью доступа к его ресурсам помимо его воли. Однако есть страны, которые допускают анонимность проведения операций (без идентификации пользователя) и без возможности доступа к его средствам без его ведома. Последний подход представляется более правильным и должен найти свое отражение в действующем законодательстве. Между тем очевидно, что эффективнее использование смешенного подхода, который предполагает установление обязательной идентификации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также необязательную идентификацию для физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность и не находящихся на государственной или муниципальной службе.

На сегодняшний момент главным фактором, сдерживающим большинство государств, признать криптовалюту в качестве платежного средства является боязнь развития теневой сферы экономики и преступности. Думается, что эти страхи являются необоснованными, так как преступность и теневая экономика функционируют за пределами правового регулирования. Криптовалюта, прежде всего, дает новые возможности добросовестным лицам, которые нуждаются в установлении правовых правил их использования в целях удовлетворения своих законных интересов. По указанной причине очевидно, что правовое регулирование использования криптовалюты должно базироваться на принципе добросовестности обладателей цифровой валюты.

Резюмируя указанное выше, отметим, что важным фактором развития общественных отношений, включая экономические, является их правовое регулирование. Безусловно, оно должно основываться на принципе презумпции добросовестности предпринимателя, который обязывает государство видеть в предпринимателе партнера на пути к экономическому развитию, а не подозрительного лица, чья деятельность нуждается в постоянном обязательном контроле.

Список литературы

1. **Вышегородцев И.** Арбитражный управляющий – друг или враг? // ЭЖ-Юрист. 2017. № 22 (973). URL: https://www.eg-online.ru/article/346728 (дата обращения: 22.11.2021).

2. **Гаджиев Г. А.** Конституционные принципы рыночной экономики: Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М.: Юристъ, 2004. 284 с.

3. **Кораев К. Б.** Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям // Юрист. 2018. № 2. С. 25 – 29.

4. **Улезко А.** Стало ли кредиторам легче отстоять свои права? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. URL: https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=5585 (дата обращения: 22.11.2021).

References

1. **Vyshegorodtsev I.** [Arbitration manager - friend or foe?], *EZh-Yurist* [Economics and Life-Lawyer], 2017, no. 22(973), available at: https://www.eg-online.ru/article/346728 (accessed 22 November 2021). (In Russ.).

2. **Gadzhiyev G.A.** *Konstitutsionnyye printsipy rynochnoy ekonomiki: Razvitiye osnov grazhdanskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional principles of a market economy: Development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation], Moscow: Yurist", 2004, 284 p. (In Russ.).

3. **Korayev K.B.** [The essence and significance of the institution of challenging transactions and other actions of the debtor in the framework of his insolvency (bankruptcy) case, its differences from challenging transactions on general grounds], *Yurist* [Lawyer], 2018, no. 2, pp. 25-29. (In Russ.).

4. **Ulezko A.** [Has it become easier for creditors to defend their rights?], *EZh-Yurist* [Economics and Life-Lawyer], 2016, no. 19, available at: https:// justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=5585 (accessed 22 November 2021). (In Russ.).

Presumptions of Good Faith of an Entrepreneur as a Fundamental Constitutional Principle of the State's Legislative Activity

K. B. Koraev, *Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, St. Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia; 1-kosta@mail.ru*

The article reveals the content of the presumption of the good faith of an entrepreneur as a fundamental constitutional principle of the legislative activity of the state. As a result of the study, the author comes to the conclusion that in most cases this principle is ignored by the legislator.

For this reason, it is concluded that the legal regulation of entrepreneurial relations should be based on the presumption of the good faith of the entrepreneur, which obliges the state to see the entrepreneur as a partner on the way to economic development, and not as a suspicious person whose activities need constant mandatory control.

Keywords: entrepreneur; economic development; presumption of good faith of the entrepreneur.

© К. Б. Кораев, 2021

Статья поступила в редакцию 05.09.2021

При цитировании использовать:

Кораев К. Б. Презумпции добросовестности предпринимателя как основополагающий конституционный принцип законотворческой деятельности государства // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 128 – 135. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.128-135

УДК 347.168 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.136-147

Вопросы правового положения самозанятых граждан представляют интерес не только с правовой точки зрения. Граждане, которые решили использовать этот налоговый режим сталкиваются с множеством вопросов. В этой связи представляет интерес системный анализ правового статуса самозанятых граждан с учетом исторического опыта нашей страны. На различных этапах исторического развития нашего государства данная правовая проблема решалась по-разному посредством различных нормативных правовых актов. Определенный интерес представляет существующее в настоящее время взаимодействие самозанятых граждан и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в установленном законом порядке. Проведенный анализ позволяет определить основные направления совершенствования правового положения самозанятых граждан, устранить неясности отдельных положений налогового законодательства.

Ключевые слова: налоговый режим; самозанятые граждане; правовое положение; налогообложение; правовой статус; налоговое законодательство.

Александр Владимирович Измалков, *канд. юрид. наук,*
судья Липецкого районного суда Липецкой области, Липецк Россия;
lipecky.lpk@sudrf.ru

Александр Александрович Кузнецов, *канд. юрид. наук, доцент,*
кафедра гражданского права и процесса,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
Липецк Россия;
alex_9263@mail.ru

Павел Александрович Кузнецов, *инженер,*
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО»,
Санкт-Петербург, Россия;
pakuznetsov@itmo.ru

Элла Юрьевна Кузьменко, *д-р юрид. наук, доцент, профессор,*
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
ella.yurevna1010@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

В последнее время в юридическом сообществе пристальное внимание уделяется вопросу правового регулирования самозанятых граждан. Научный анализ излагается в публикациях, посвященных особенностям и перспективам налогового режима для самозанятых, проблемам и возможным

вариантам налогообложения самозанятых, а также совершенствованию налога на профессиональный доход и т.д. Задача настоящей статьи не подвергнуть критике предложения авторов научных изысканий по совершенствованию законодательства, регулирующего вопросы правового положения самозанятых граждан, их налогообложение, а наоборот, цель статьи – проанализировать правовое положение данной категории населения с точки зрения исторического опыта. В истории всегда найдется рациональное зерно, которое можно использовать для урегулирования отдельных правовых понятий.

Вопросы правового положения самозанятых граждан в нашей стране имеют давнюю историю. В конце XIX начале XX вв. создавались артели, которые объединяли труд отдельной группы людей, сплоченных одной идеей, а именно, использовать собственные умения, знания и навыки для получения прибыли. Государство всегда стремилось взять под контроль самозанятых граждан и использовать их труд с максимальной выгодой не столько для пополнения бюджета, сколько для обеспечения отдельных потребностей граждан в бытовой сфере и сфере оказания услуг. Например, изготовление мелкой домашней утвари, предметов обихода.

В 1930 г. граждане, которые промышляли индивидуальной работой, приобрели статус самозанятых. В 1940 г. был проанализирован классовый состав населения СССР и указано наличие лиц, которые ведут самостоятельное хозяйство. В процентном соотношении это выглядело следующим образом:

– 10 % населения ведут самостоятельное хозяйство (1928 г. – 72,9 %; 1934 г. – 22,5 %);

– 40,5 % колхозное крестьянство и кооперированные кустари (1928 г. – 2,9 %; 1934 г. – 28,1 %);

– 44,6 % рабочие и служащие (1928 г. – 17,3 %; 1934 г. – 28,1 %) [1, с. 208].

Процент граждан, ведущих самостоятельное хозяйство, достаточно высок, и это требовало формирования правового статуса и правового регулирования их деятельности, в том числе и налогообложения. Издавались постановления Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), которые в большей степени охватывали основные правовое вопросы этой категории населения.

С этого момента можно говорить о советском опыте личного труда по найму или как его сейчас принято называть – труда самозанятых граждан.

Прежде всего, правовой статус этой категории населения был закреплен в Конституции СССР 1936 г.

В соответствии с Основным законом страны – гражданин СССР был обязан трудиться. Данное положение было закреплено в ст. 12 Конституции СССР (Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистически Республик от 05 декабря 1936 г.). Граждане имели возможность трудиться самостоятельно и получить легальный налоговый статус. Это было определено в Постановлении ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 365 от 2 сентября 1930 г. «О налоговой реформе», а также правилами Наркомата финансов СССР (Постановление СНК СССР «О налоговой реформе» № 365 от 02 сентября 1930 г.).

До принятия указанного постановления в стране было установлено большое число как налоговых, так и неналоговых платежей в бюджет. Для плательщиков возникали определенные трудности с их расчетами и сроками уплаты. Это не лучшим образом сказывалось на ценовой политике государства, возникали противоречия в урегулировании вопросов производственного характера. Еще одним отрицательным фактором большого числа платежей было взаимоотношение субъектов промышленности и торгово-закупочной деятельности с бюджетом. В итоге, возникали трудности с планированием не только отдельных отраслей, но и всего народного хозяйства.

Были утверждены нормативные акты, которые регулировали вопросы налогообложения (Постановление СНК СССР «О подоходном налоге с частных лиц» № 365е от 02 сентября 1930 г.).

Инструкции издавалась Народным комиссариатом финансов Союза ССР и охватывала основные вопросы налоговых отчислений и страховых платежей с частных лиц.

Налог уплачивали граждане, имеющие индивидуальный доход. Местом получения была территория Союза ССР и заграница. Расчет налогооблагаемого дохода происходил следующим образом. Это была пропорция, в которой определялась разница между валовой суммой всех доходов и расходами, связанными с получением дохода. Расходы было необходимо подтвердить соответствующими документами, которые тщательно проверял финансовый инспектор. Примечательно, что такой порядок расчетов существует и в настоящее время, но, к сожалению, он не применяется к самозанятым гражданам. Ставка подоходного налога определялась в твердой форме и напрямую зависела от полученного дохода.

Любой гражданин мог работать самостоятельно, но только после прохождения быстрой и понятной для него процедуры получения регистрационного удостоверения.

Функции контроля возлагались на сформированный в 1923 г. Наркомфин СССР. В систему контроля за лицами, имеющими самостоятельный доход, были включены управляющие домами, гостиницами и частными номерами. На них была возложена обязанность формирования списков граждан, которым уже исполнилось 18 лет, и у них имелся индивидуальный доход.

Управдомы составляли списки частных предпринимателей, которые не только проживали в закрепленных за ними домах, но и осуществляли там свою деятельность. Примечательным является персонаж пьесы М. А. Булгакова управдом Бунша-Корецкий, который контролировал весь дом и знал, у кого из жильцов какая цепочка, у кого есть патефон. В сельской местности эту обязанность выполняли сельские советы.

Была определена категория лиц, которые не подлежали включению в эти списки. К ним относились рабочие или служащие, которые не имели иного дохода, кроме как зарплата, пенсия или доход от литературной деятельности. Подоходный налог поступал в местный бюджет.

Принятая в 1936 г. Конституция СССР в ст. 9 закрепила возможность ведения мелкого частного хозяйства. Это ставилось в один ряд с социалистической системой хозяйствования, которая при этом признавалась гос-

подствующей в стране. Основным конституционным принципом, на котором строилось мелкое частное хозяйство, был личный труд и запрет эксплуатации чужого труда.

Основной закон устанавливал и закреплял возможности индивидуального труда в стране. Любой самозанятый гражданин в то время был признан полноценным членом общества.

Самозанятые граждане объединялись в артели. Их деятельность четко регулировалась государством. В этой связи примечательным является постановление, касающееся неправильного распределения доходов в колхозах (Постановление ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах» № 499 от 19 апреля 1938 г.). В нем были определены основные направления расходования доходов, полученных от деятельности артели, в частности Устав сельскохозяйственной артели должен был содержать следующий порядок распределения полученной прибыли:

– в первую очередь артели вменялась обязанность уплачивать государству законодательно установленные налоги и страховые платежи;

– между членами артели распределялось не менее 70 % денежных доходов с учетом трудодней;

– покрывались текущие производственные расходы, связанные с ремонтом используемого сельскохозяйственного оборудования, уход за скотом, агрономические мероприятия по борьбе с вредителями;

– компенсация административных и хозяйственных расходов артели, следует отметить, что на это выделялось всего 2 % от денежных доходов;

– определялись затраты на социально-бытовые и культурные нужды, а также подготовку квалифицированных специалистов, сюда включалось строительство яслей, детских садиков, школ, клубов, радиоточек и т.п.;

– формировался так называемый неделимый фонд артели, куда шли отчисления в размере не более 10 % от доходов артели, полученных от основной деятельности. Основной целью создания подобного фонда была возможность покрытия расходов на производство в следующем году. Эти деньги расходовались на закупку сельскохозяйственного инвентаря, животных (КРС, свиноматки и т.п.), приобретение стройматериалов для нужд артели (коровники, птичники, зернохранилища и т.д.), погашение долгосрочных кредитных обязательств по займам сельскохозяйственного банка.

Это было определено на уровне нормативно-правового акта, который носил обязательный характер [3, с. 144].

Основным положительным моментом определения понятия самозанятых граждан в Конституции СССР 1936 г. являлось закрепление права на свободный труд, который находился под жестким контролем государства. Легализация индивидуального труда позволила урегулировать отдельные вопросы бытового обслуживания населения, изготовление приспособлений для личного подсобного хозяйства в сельской местности, производство которых в масштабах промышленного производства было слишком затратным (изготовление телег, упряжи для лошадей и других предметов кустарно-ремесленного промысла).

В 1976 г. Совет Министров СССР своим постановлением утвердил новые правила регистрации кустарно-ремесленных промыслов. Это по-

служило основанием для последующего закрепления в Конституции СССР 1977 г. прав на индивидуальную трудовую деятельность (ИТД).

Статья 17 устанавливала возможность для граждан заниматься индивидуальной трудовой деятельностью по следующим направлениям:

– кустарно-ремеслянные промыслы;
– сельское хозяйство;
– бытовое обслуживание населения.

В основу трудовой деятельности был положен личный труд граждан при условии соблюдения интересов общества. Интересы государства обеспечивались платежами в бюджет. При этом для лиц, которые занимались индивидуальной трудовой деятельностью, был установлен ежемесячный производственный план, который в обязательном порядке доводился до лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью.

Принятие Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» открыло новую страницу в правовом положении самозанятых граждан.

Регистрацию граждан, которые изъявили желание заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, проводили в финансовом отделе исполнительного комитета районного или городского уровня. Основным недостатком данного нормативного правового акта следует считать, что индивидуальная трудовая деятельность осуществлялась в нерабочее время домохозяйками, пенсионерами и инвалидами. Остальные граждане нашей страны могли заниматься этим только в исключительных случаях.

Конституции 1936 и 1977 гг. закрепляли правовой статус граждан, которые занимались индивидуальной трудовой деятельностью.

Статья 34 Конституции РФ, принятой в 1993 г., закрепила право граждан использовать свои умения, а также и имущество для осуществления предпринимательской деятельности, разрешенной законом (Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ,от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ)). Данная норма поставила в один ряд предпринимательскую деятельность и экономическую деятельность, не запрещенную законом. Возможно ли в таком случае интерпретировать данную норму как основополагающую для осуществления деятельности самозанятых? С одной стороны, самозанятые граждане получают доход от использования своих умений, знаний и навыков, с другой, законодатель не относит их труд к предпринимательской деятельности. Конечно, можно спорить о том, что в ст. 37 Основного закона закреплена свобода труда. Гражданин самостоятельно решает, каким образом использовать свои трудовые возможности и выбирает сам направления профессиональной деятельности. Такой правовой пробел можно восполнить системным анализом других норм права, но при этом отсутствует упоминание о личном труде граждан.

Реализация правового положения самозанятых граждан с момента внесения изменений в ч. 1 ст. 23 Гражданского кодекса РФ (Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 09.03.2021)). Данная норма закрепляет возможность для граждан осуществлять отдельные виды деятельности, которые хотя и могут счи-

таться предпринимательской, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В анализируемой статье не поименованы эти виды деятельности, нет отсылок на иные законодательные акты, которые регулировали бы эти вопросы.

Обратимся к судебной практике. В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2020 № С01-1086/2020 по делу № А40-189392/2019, суд указал, что согласно п. 1 ст. 23 ГК РФ предпринимательская деятельность может считаться законной только с даты официальной регистрации, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящего пункта. В абзаце втором как раз речь идет о самозанятых гражданах. А каким видом деятельности они могут заниматься нет ни слова.

Попробуем прояснить данную ситуацию. В конце 2016 г. в ст. 217 Налогового кодекса РФ был введен пункт 70. Его можно назвать основой правового положения самозанятых граждан. Там перечислены категории доходов физических лиц, которые не являются индивидуальными предпринимателями.

С одной стороны, диспозиция ст. 217 НК РФ приводит список доходов, не подлежащих налогообложению (освобождены от налогообложения), с другой – Федеральный закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 г. определяет основные моменты налогообложения самозанятых граждан (О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 15.12.2019 г.)). Возникает правовая коллизия, которая требует разрешения.

Верховный Суд РФ разъяснил, что не относится к предпринимательской деятельности:

– постановление № 23 от 18.11.2004 г., в котором обобщена судебная практика по делам о незаконном предпринимательстве, где определено, что в случае приобретения гражданином для личных нужд недвижимого имущества и при отсутствии необходимости в его использовании, сдача его в аренду не является предпринимательской деятельностью (О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23);

– в постановлении № 18 от 24.10.2006 г. № 18 при рассмотрении некоторых вопросов правоприменительной практики судов указано, что не относятся к предпринимательской деятельности отдельные случаи реализации имущества, при этом важным условием будет, что данные действия не связаны с систематическим получением прибыли (О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части КоАП РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18).

Конституционный Суд РФ в Определении от 02.07.2015 г. № 1523-О указал, что если гражданин не зарегистрирован как индивидуальный предприниматель, то это не является основанием не считать его деятельность предпринимательской (Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 6 и 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: Определение Конституционного Суда РФ от 02 июля 2015 № 1523-О).

Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ с 1 июля 2020 года на территории Липецкой области в рамках эксперимента установлен специальный налоговый режим – налог на профессиональный доход для самозанятых граждан.

Сравнение положений статей Конституций представлено в табл. 1.

Не будем забывать о гражданах, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей. Ведь можно сказать, что, например, репетиторством может заниматься и предприниматель в рамках вида деятельности – оказание образовательных услуг.

Надо определить основные различия между индивидуальными предпринимателями и самозанятыми гражданами, они представлены в табл. 2. Обращают на себя внимание некоторые сходные черты в деятельности этих двух категорий: оказание услуг, однако самозанятые граждане не могут заниматься торговлей.

Фактически, самозанятые закрывают ту сферу услуг, которая не выгодна для индивидуальных предпринимателей в силу их низкой доходности. Вместе с тем наблюдается подмена самозанятыми гражданами некоторых видов деятельности, которые могут осуществлять индивидуальные предприниматели. Закон «Об образовании» в п. 20 ст. 2 разрешает предпринимателям заниматься обучением. Предприниматели приравниваются к образовательным организациям (п. 2 ст. 21) (Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.)).

Занимаясь репетиторством, самозанятые граждане фактически подменяют предпринимателей, и при этом для самозанятых законодатель создал более выгодные условия в плане налогообложения.

Проведем сравнительный анализ налогообложения индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан.

Таблица 1

Сравнение диспозиций норм Конституций по реализации понятия самозанятые граждане

Конституция 1939 года	Конституция 1977 года	Конституция 1993 года
Ст. 9 – устанавливает ведение частной хозяйственной деятельности единоличными крестьянами и кустарями, используется только личный труд, запрещена эксплуатация наемного труда, приоритет у социалистической системы хозяйствования	Ст. 17 – разрешена личная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства и бытового обслуживания. Основа – личный труд граждан и членов их семьи. Вопросы государственного регулирования государство оставило за собой	Ст. 34 – каждый гражданин может использовать свои возможности и имущество для предпринимательства, функции регулирования отнесены к компетенции государства

Таблица 2

Основные отличия индивидуальных предпринимателей от самозанятых граждан

Индивидуальный предприниматель	Самозанятые граждане
Деятельность осуществляется в любом регионе Российской Федерации	Предусматривает поэтапное введение на территории Российской Федерации
Виды деятельности определены «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). ОКВЭД (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 23.09.2020)	Виды деятельности непосредственно связаны с оказанием услуг физическим лицам и организациям. Торговля запрещена
Предусмотрены ограничения по доходам	Годовой доход – не более 2,4 млн руб.
Можно выбрать самый выгодный налоговый режим	Установлены две налоговые ставки: 4 % – физические лица; 6 % – ИП и организации Уплата страховых взносов не обязательна
Необходимо использование контрольно-кассовой техники (ККТ)	Использование ККТ не нужно, чек об оплате оказанной услуги формируется через приложение
Может быть работодателем, оформление трудового договора	Не может быть работодателем
Ведется налоговая отчетность, предусмотрена ответственность за не предоставление налоговой отчетности	Нет специальной налоговой отчетности, данные о доходах передаются в налоговый орган через приложение «Мой налог»

Ставка налога для предпринимателей определяется выбранным режимом налогообложения. Например, применение упрощенной системы налогообложения связано с выбором одного из двух объектов налогообложения. Объект налогообложения – доходы, сниженные на сумму понесенных расходов, ставка будет 15 %, ИП уплачивает 6 %.

Предприниматель несет дополнительные платежи в виде страховых взносов. В 2020 году они составляют 40 874 руб. В эту сумму входят: оплата пенсионного страхования в сумме 32 448 руб.; взнос на обязательное медицинское страхование – 8 426 руб.

Самозанятые граждане уплачивают налоги в следующем порядке. Работая с физическими лицами, ставка налога составляет 4 %. При работе с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами – 6 %. Уплата исчисляется от суммы дохода. При этом самозанятым предоставляется вычет на сумму 10 000 руб.

Самозанятые оплачивают единый платеж в фонд обязательного медицинского страхования, который подлежит зачислению в местный бюджет [2, с. 475]. Преимущества очевидны.

С другой стороны, самозанятые граждане не могут привлекать других лиц для выполнения работы. Это является отрицательным моментом и вот почему. Еще до революции самозанятые граждане объединялись в артели. Широкое развитие артели получили с 1923 по 1956 гг. Во время войны артели даже производили вооружение для фронта. По состоянию на декабрь 1953 г. артели производили 6 % валовой продукции промышленности СССР [4, с. 27]. Как говорится, результат очевиден. Это говорит о необходимости законодательного закрепления возможности самозанятых граждан объединиться в так называемые артели.

Многих граждан настораживает новизна применения налога на профессиональный доход. Отдельные группы вопросов остаются неурегулированными, отсутствуют четко сформулированные разъяснения, требуется реализация судебными инстанциями. В целях восполнения имеющихся пробелов, можно использовать положительный опыт, который был сформирован в сложных условиях развития нашей страны.

По официальным данным Федеральной налоговой службы России (ФНС России) по состоянию на 1 июля 2020 г. лидером из регионов, которые начали регистрацию самозанятых граждан выступает Калининградская область с долей 0,62. Высокие показатели у Краснодарского края и республик Чувашия и Удмуртия [5, с. 59].

Вице-губернатор Липецкой области Дмитрий Аверов считает, что при определении числа самозанятых граждан следует опираться не на общую численность населения, а на численность трудоспособного населения. Данный принцип был положен в основу регионального рейтинга районов Липецкой области по числу самозанятых.

Лидером является Липецкий район – 1,097 % самозанятых от трудоспособного населения. На втором месте Лебедянский район (1,025). На третьем и четвертом – Елец и Липецк (0,839 и 0,736 соответственно). Грязинский – 0,718, Усманский – 0,645, Добровский – 0,633, Краснинский – 0,608, Лев-Толстовский – 0,575, Елецкий район – 0,565, Тербунский район – 0,27 % от трудоспособного населения.

Представляет интерес мнение тех граждан, которые уже уплачивают налог на профессиональный доход, то есть зарегистрировались в качестве самозанятых граждан.

Проведен анализ информации, которая размещена на сайте «самозанятые.рф» и других информационных порталах сети Интернет.

В качестве основной причины регистрации самозанятых граждан было отмечено желание работать без боязни негативных правовых последствий со стороны фискальных органов. Люди не хотят опасаться недовольных клиентов, которые «в случае чего пожалуются куда надо».

Применение налога на профессиональный доход связано с простотой регистрации в качестве самозанятого. Индивидуальный предприниматель заполняет форму Р21001, самозанятые регистрируются через приложение

«Мой налог». При такой регистрации возникает единственное опасение, что это приложение реальное, а не созданное мошенниками для обмана в целях наживы. Необходимо проверить, что личный кабинет в указанном приложении будет подкреплен данными официального сайта ФНС России.

На что, прежде всего, обратили внимание уже зарегистрированные самозанятые граждане при осуществлении своей деятельности?

Момент выдачи чека по оплате за оказанную услугу.

Как быть в случае, если получатель услуг не произвел оплату?

Как производить исчисление налога с учетом вычета?

Как оформить договор с потребителем услуг?

На эти и другие вопросы можно найти ответ на официальном сайте ФНС России.

В качестве еще одного положительного момента самозанятые граждане указывают возможность использования полученных денежных средств без каких-либо опасений. Индивидуальный предприниматель должен представить в банк много оправдательных документов, которые оправдывают понесенные им расходы из суммы полученной прибыли.

Вместе с тем самозанятые граждане указывают, что к числу отрицательных моментов следует отнести нежелание банков принимать данные от самозанятых граждан для подтверждения своего дохода при оформлении кредитов, особенно ипотечных. Не секрет, что многие регистрируются в качестве самозанятых в целях получения дохода для улучшения жилищных условий, приобретения дорогостоящей бытовой техники или автомобиля. До сих пор четко не определен правовой статус самозанятых граждан в целях подтверждения трудового стажа для исчисления пенсии по старости.

Еще один вопрос, который заслуживает внимание, связан с доходами и расходами самозанятых граждан.

Любая деятельность, направленная на получение прибыли, в любом случае связана с определенными расходами. Порядок определения доходов и расходов при использовании той или иной системы налогообложения закреплен в Налоговом кодексе РФ. Например, в статье 346.16 НК РФ изложен порядок определения расходов при применении упрощенной системы налогообложения (УСН). Статья 346.17 НК РФ устанавливает порядок признания расходов и доходов при УСН.

Следует отметить, что в этой части самозанятых граждан незаслуженно обошли. Ведь они несут определенные расходы при осуществлении своей деятельности. Так, самозанятый гражданин, оказывающий услугу по репетиторству, готовит необходимый методический и дидактический материал для своих слушателей. Выпекая торт, самозанятый гражданин также несет расходы. Средняя себестоимость торта, вес которого составляет 4,5 кг, будет составлять 2 500 руб., а его стоимость для потребителя будет равна 3 500 руб. При этом налог уплачивается с оборота, а не с полученной прибыли. Возьмем другой пример, оказывая услугу по уборке жилого помещения, самозанятый гражданин закупает моющие средства, стои-

мость которых будет зависеть от стоимости кафеля, душевых кабин, предметов интерьера и т.д.

В среднем, расходы самозанятых граждан будут находиться в промежутке от 20 до 30 % от оборота.

Целесообразно урегулировать этот вопрос и определить необходимость учитывать расходы, которые несут самозанятые граждане в связи с осуществлением своей деятельности. Как уже отмечалось выше, вопрос определения расходов и доходов уже урегулирован в Налоговом кодексе РФ, надо его только адаптировать применительно к самозанятым гражданам.

Ответы на этот и другие вопросы можно получить при анализе исторического опыта правовой реализации деятельности самозанятых граждан.

В качестве положительного момента введения налога на профессиональный доход, является формирование системы государственного контроля и возможности законного использования своих знаний, умений и навыков для получения дохода.

Список литературы

1. **Бессмертных К. В.** Институт самозанятых. Проблемные аспекты // Аллея науки. 2020. Т. 1, № 7 (46). С. 207 – 210.
2. **Бикнис В. В.** Регулирование деятельности самозанятых граждан: проблемы и перспективы // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2. С. 472 – 477.
3. **Князькин В. И.** Преимущества и недостатки самозанятых в России // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2020. № 28. С. 143 – 145.
4. **Лежава А. В.** К вопросу о самозанятых // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2020. № 2 (32). С. 25 – 32.
5. **Семенова Л. И.** Работа с самозанятыми: нюансы налогообложения // Бухгалтерский учет. 2021. № 1. С. 57 – 62.

References

1. **Bessmertnykh K.V.** [Institute of the self-employed. Problematic aspects], *Alleya nauki* [Alley of Science], 2020, v. 1, no. 7 (46), pp. 207-210. (In Russ.).
2. **Biknis V.V.** [Regulation of the activities of self-employed citizens: problems and prospects], *Intellektual'nyye resursy – regional'nomu razvitiyu* [Intellectual resources - regional development], 2020, no. 2, pp. 472-477. (In Russ.).
3. **Knyaz'kin V.I.** [Advantages and disadvantages of self-employed in Russia], *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya v sovremennom mire* [Fundamental and applied research in the modern world], 2020, no. 28, pp. 143-145. (In Russ.).
4. **Lezhava A.V.** [On the question of self-employed], *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizatsii* [Modern school of Russia. Modernization issues], 2020, no. 2 (32), pp. 25-32. (In Russ.).
5. **Semenova L.I.** [Working with self-employed: the nuances of taxation], *Bukhgalterskiy uchet* [Accounting], 2021, no. 1, pp. 57-62. (In Russ.).

Features of the Legal Status Self-Employed Citizens

A. V. Izmalkov, *Cand. Sci. (Law),*
Judge of the Lipetsk District Court of the Lipetsk Region, Lipetsk, Russia;
lipecky.lpk@sudrf.ru

A. A. Kuznetsov, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Civil Law and Procedure,
Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia;
alex_9263@mail.ru

P. A. Kuznetsov, *Engineer,*
National Research University ITMO, St. Petersburg, Russia;
pakuznetsov@itmo.ru

E. Yu. Kuzmenko, *Dr. Sci. (Law), Associate Professor,*
Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
ella.yurevna1010@mail.ru

The issues of the legal status of self-employed citizens are of interest not only from a legal point of view. Citizens who decide to use this tax regime are faced with many questions. In this regard, it is of interest to systematically analyze the legal status of self-employed citizens, taking into account the historical experience of our country. At different stages of the historical development of our state, this legal problem was solved in different ways by means of various regulatory legal acts. Of particular interest is the current interaction of self-employed citizens and individual entrepreneurs who carry out their activities in the manner prescribed by law. The analysis carried out will make it possible to determine the main directions of improving the legal status of self-employed citizens, to eliminate the ambiguities of certain provisions of tax legislation.

Keywords: tax regime; self-employed citizens; legal status; taxation; legal status; tax legislation.

© А. В. Измалков, 2021
© А. А. Кузнецов, 2021
© П. А. Кузнецов, 2021
© Э. Ю. Кузьменко, 2021

Статья поступила в редакцию 01.09.2021

При цитировании использовать:

Измалков А. В., Кузнецов А. А., Кузнецов П. А., Кузьменко Э. Ю. Особенности правового положения самозанятых граждан // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 136 – 147. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.136-147

УДК 340.1 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.148-152

Статья посвящена исследованию влияние закона RICO (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) на борьбу с организованной преступностью в США во второй половине XX века. Проанализированы основные пути воздействия данного правового акта в правовой сфере общества. Исследованы система взаимодействия и структура организованных преступных группировок, также приведены историческая справка о промысле преступных группировок до принятия закона и результаты противодействия организованной преступности после его введения в законное действие. В первую очередь закон делал упор на верхушку преступных группировок, а не на простых исполнителей. Высшие чины воздействовали на общество благодаря коррупционным схемам и влиянию в государственных органах, тем самым имел высокий аспект противодействию массовой преступности в обществе.

Ключевые слова: вторая половина XX века; закон RICO; нормативный акт; организованная преступная группировка; преступление; США.

Сергей Анатольевич Фролов, *канд. ист. наук, доцент,*
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
seif.saf@rambler.ru

Максим Алексеевич Портнов, *магистрант,*
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
maksportnov1997@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНА RICO НА БОРЬБУ С ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППИРОВКАМИ В США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

15 октября 1970 года в США был принят так называемый закон RICO (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act), что в переводе на русский язык означает: «Закон влияния рэкета и коррумпированных организаций». Данный нормативный акт был принят в государственности Соединенных Штатов Америки в связи с разрешением проблем от огромного влияния организованных преступных группировок (ОПГ) на правовое поле государства.

Ни для кого не секрет, что в XX веке на территории США было образовано множество организаций, которые занимались незаконной преступной деятельностью. Зачастую количество участников организованных преступных группировок достигало порядка тысячи человек [6]. Исторически сложилась ситуация, что мигранты, которые прибывали в «Новый свет» из Европы в конце XIX – начале XX века имели не всегда большой достаток и бежали в Америку за хорошей жизнью. Из-за этого некоторые из них, оставшиеся совсем без работы, еды и средств на содержание, нача-

ли промышлять сначала мелкими грабежами, объединяясь с себе подобными дельцами, перерастая в небольшой рэкет, а далее в крупные преступные группировки, где система управления была качественна организована. Примером являются преступные империи, которые были построены в 20–30-е годы XX в. Аль Капоне в Чикаго и Чарльзом Лучано в Нью-Йорке. Так, 14 февраля 1929 г. произошло громкое преступление, организованное бандой Капоне. Его люди запланировали встречу с бандой Багса Моран на складе под предлогом продажи контрабандного алкоголя. После прибытия конкурентов, они явились на склад переодетые в форму полицейских и расстреляли семь членов банды, которые были построены ими в ряд у стены, с целью ликвидировать главаря группировки, но цель не была достигнута, так как он опоздал на эту встречу.

К 50–60-м годам XX в. значимость ОПГ в государственности США стала ощутимо влиять на государственное правовое поле, так как «свои люди» были практически везде: в полиции, сенате, профсоюзах и других органах, то правительство было максимально заинтересовано искоренить эту проблему [2].

Разработчики данного закона верно определили главное направление в борьбе с ОПГ. Основная цель таких группировок – извлечение сверхдоходов, где закон стремится уничтожить финансовую мощь ОПГ. Закон RICO направлен в первую очередь против преступной организации в целом [3], а не против одного человека или отдельных лиц. Документ также ставит во главе уничтожение криминальной организации как таковой в целом. Закон также уделяет особое внимание рэкету, который позволяет судить за преступления субъект деяния, а не нижестоящую игровую фигуру (соучастника или солдата), подчиняющуюся ранее упомянутому, потому что субъект фактически не совершает преступление самолично. Под субъектом здесь понимается глава группировки либо его «капо» (рис. 1).

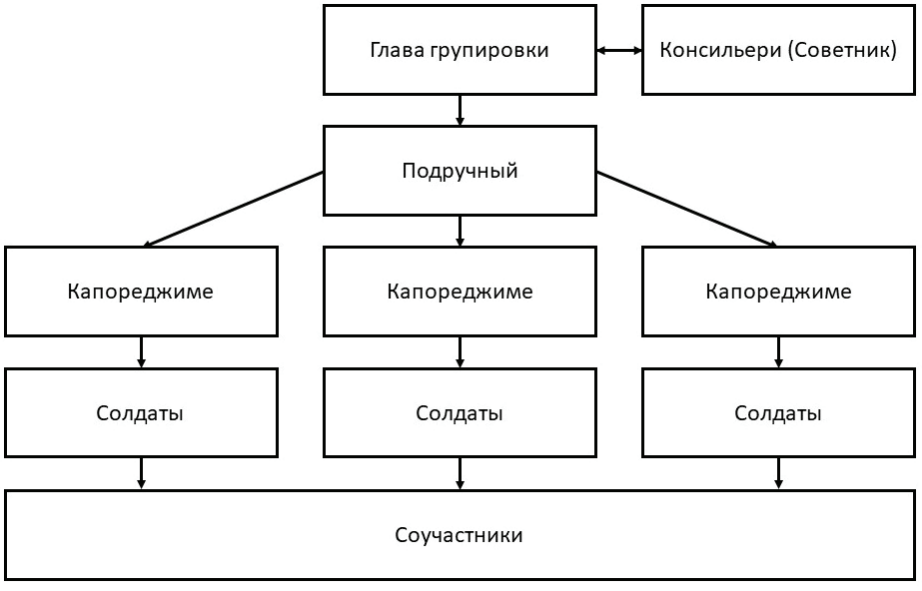

Рис. 1. Структура ОПГ

Нормы о преступном сговоре ОПГ сформулированы так, чтобы можно было привлечь к ответственности лидеров преступных организаций. Сговоры предполагают договоренность между лицами и общую цель преступления. Важно, что сам факт сговора уже является преступлением не зависимо от последующих деяний [8].

Границы закона довольно обширны и многие американские юристы, такие как Джон Л. Макклеллэн и Джордж Р. Блэки, пришли к заключению: «Конгресс создал гибкий нормативный акт, представляющий множество возможностей для разнообразных толкований, что позволяет преследовать любые проявления ОПГ» [1]. Но, несмотря на пользу и своевременное принятие закона, некоторые неопределенные моменты и широта его формулировок чреваты судебным произволом. Так же были противники, которые выделяли важные замечания к закону.

Действие закона иногда может заходить слишком далеко, что приводит к необоснованному расширению уголовной ответственности [9]. Например, лицам, которые совершали преступления, вменяли действия закона RICO, но данные личности не были связаны с ОПГ, а лишь действовали в одиночку. Тем самым попадая под закон, они получали более жесткое наказание. Это было связано с тем, что правительству требовалась статистика арестов и закрытые дела, поэтому правоохранительные органы могли «грести всех под одну гребенку».

Было создано новое специальное подразделение «Отдел по борьбе с организованной преступностью и рэкетом», которое занималось борьбой с произволом в исполнении данного закона перед жителями США. Главное задачей данного органа являлся контроль за применением закона. Эффективность закона является наивысшей, так как его определяют одним из самых сильных рычагов давления для борьбы с ОПГ [5]. Было возбуждено намного больше уголовных дел против членов организованной преступности, чем до принятия закона.

Уголовному преследованию было подвержено множество ОПГ, который действовали не только в больших крупных городах, но и по всей Америке. После принятия закона RICO преследовать организованную преступность стало намного проще. Начиная с 1985 г., было арестовано чуть более семи тысяч членов мафии. Итак, в июне 1984 года был обвинен по федеральному делу, которое попадало под закон RICO, заместитель начальника полиции Реймонд Кассамайор, являвшийся членом ОПГ. Помимо него так же были арестованы другие высокопоставленные лица за «крышевание» контрабандистов кокаина [7].

Помимо того, на руку правоохранителям играло уничтожение кодекса чести мафии. Обет молчания, который ранее давали члены ОПГ, стал утрачивать свою значимость. Многие члены организации при поимке начали рассказывать секреты подельников властям, не желая оказаться в тюрьме, ведь сроки, которые регламентировал закон, были огромными, вплоть до пожизненного: «…Accordingly, in many cases the maximum penalty shall be 20 years of imprisonment, unless an underlying predicate offense would carry with it a penalty of life in prison…» [4]. Тем самым члены организованной преступности сбивали себе срок, который они должны проводить в тюрьме, либо даже оставались на свободе и становились участниками про-

граммы защиты свидетелей. Данные утверждения можно найти в IV главе руководства для федеральных прокуроров, которое претерпело шестое издание в мае 2016 г.

В совокупности закон сильно повредил верхушку ОПГ США. Уже на момент начала 90-х годов XX века были осуждены тысячи основных фигур группировок, которые стояли за большинством преступлений, совершенных их коллегами. Организованная преступность сдала свои позиции за последние 20 лет и уступила свое место влияния в профсоюзах, строительстве и т.п. Тем самым закон сыграл огромную роль в жизни ОПГ, число которых значительно уменьшилось. В современном мире ОПГ, хотя и имеют место быть, но не так явно, как это было в XX веке.

Список литературы

1. **Марченко Р. А.** Из зарубежного опыта борьбы с организованной преступностью // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997. С. 37 – 41.
2. **Никифоров В. С.** Гангстеризм в США: сущность и эволюция. М.: Наука, 1991. 162 с.
3. **Николайчик В. М.** Организованная преступность в США // США: Экономика, Политика, Идеология. 1990. № 4. С. 47 – 57.
4. **Попов В. А.** РИКО: современные тенденции применения и перспективы // Журнал российского права. 1968. № 2. С. 92 – 103.
5. **Уолш Д.** Закон РИКО // Проблемы борьбы с организованной преступностью: сб. науч. тр. М., 1998. С. 209 – 218.
6. **Шакирьянов М. М.** Противодействие организованной преступности: российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2(32). С. 254 – 259.
7. **Шелли Л.** Транснациональная организованная преступность в США: определение проблемы // Транснациональная организованная преступность и Россия. Владивосток, 2010. С. 96 – 114.
8. **Albanese J. S**. Organized Crime in Our Times. Cincinnati: Anderson Pub., 2004. 338 p.
9. **Beare M. E. (Ed.).** Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption. University of Toronto Press, 2003. 352 p.

References

1. **Marchenko R.A.** [From foreign experience in the fight against organized crime], *Prestupnost': strategiya bor'by* [Crime: strategy of struggle], Moscow, 1997, pp. 37-41 (In Russ.).
2. **Nikiforov B.C.** *Gangsterizm v SShA; sushchnost' i evolyutsiya* [Gangsterism in the USA; essence and evolution.], Moscow: Nauka, 1991, 162 p. (In Russ.).
3. **Nikolaychik V.M.** [Organized Crime in the USA], *SShA: Ekonomika, Politika, Ideologiya* [USA: Economy, Politics, Ideology], 1990, no. 4, pp. 47-57. (In Russ.).
4. **Popov V.A.** [RIKO: modern trends in application and prospects], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 1968, no. 2, pp. 92-103. (In Russ.).
5. **Uolsh D.** [RICO Law], *Problemy bor'by s organizovannoy prestupnost'yu: sb. nauch. tr.* [Problems of Combating Organized Crime: Collection of Scientific Papers], Moscow, 1998, pp. 209-218. (In Russ.).
6. **Shakir'yanov M.M.** [Counteraction to organized crime: Russian and foreign experience], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2(32), pp. 254-259. (In Russ.).

7. **Shelli L.** [Transnational organized crime in the United States: definition of the problem], *Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' i Rossiya* [Transnational organized crime and Russia], Vladivostok, 2010, pp. 96-114. (In Russ.).

8. **Albanese J.S**. Organized Crime in Our Times. Cincinnati: Anderson Pub., 2004. 338 p.

9. **Beare M.E. (Ed.).** Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption. University of Toronto Press, 2003. 352 p.

The Impact of the RICO Law on the Fight against Organized Crime in the United States in the Second Half of the Twentieth Century

S. A. Frolov, *Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; seif.saf@rambler.ru*

M. A. Portnov, *Master's Student, Department of Constitutional and Administrative Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; maksportnov1997@mail.ru*

The article is devoted to the study of the impact of the RICO law (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) on the fight against organized crime with the United States in the second half of the XX century. The main ways of influence of this legal act in the legal sphere of society were analyzed. The system of interaction and the structure of organized criminal groups has been investigated, historical information about the hunting of criminal groups before the adoption of the law and the results of combating organized crime after its introduction into legal action are also provided. First of all, the law focused on the top of the criminal gangs, and not on ordinary performers. The highest ranks influenced society through corruption schemes and influence in state bodies, thereby having a high aspect of countering mass crime in society.

Keywords: second half of 20th century; RICO law; regulation; organized crime group; crime; USA.

© С. А. Фролов, 2021

© М. А. Портнов, 2021

Статья поступила в редакцию 27.05.2021

При цитировании использовать:

Фролов С. А., Портнов М. А. Влияние закона RICO на борьбу с организованными преступными группировками в США во второй половине XX века // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 148 – 152. doi: 10.17277/pravo. 2021.04.pp.148-152

УДК 342.5 DOI: 10.17277/pravo.2021.04.pp.153-158

Исследована конституционно-правовая природа института делегированного законодательства. Автор ставит вопрос возможности имплементации института делегированного законодательства в существующую систему разделения властей, закрепленной в действующей Конституции Российской Федерации. Возможность реализации делегирования полномочий в части разработки нормативно-правовых актов, а также исключительного права реализации делегированного законодательства, автор рассматривает как один из способов совершенствования действующего законодательства. В работе подчеркнута взаимосвязь качества правотворческого процесса и возможности эффективных преобразований в современной России. Приведены примеры реализации института делегированного законодательства как в ряде зарубежных стран, так и в России. Автор не просто обосновывает необходимость развития делегированного законодательства, но и отдельно прорабатывает вопрос создания профессионального правотворчества.

Ключевые слова: делегирование полномочий; делегированное законодательство; законодательное делегирование; разделение властей; парламент; правительство.

Анна Владимировна Шиндина, *канд. юрид. наук, доцент,*
кафедра конституционного права
имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Саратов, Россия;
a.v.shindina@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЛЕГИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перманентное совершенствование системы разделения властей в вопросах их взаимодействия позволяет говорить о перспективности изучения возможной реализации института делегированного законодательства в части совершенствования законодательного процесса в современной России.

Говоря о развитии института делегирования законодательных полномочий, стоит дать историческую и правовую оценку возможности становления такого института в российской действительности.

Генезис законодательного делегирования довольно часто встречается в зарубежной практике. Как верно отмечают в своем исследовании А. Е. Михайлов и Д. Д. Якадин, анализируя природу зарождения делегированного законодательства, изучаемый институт зародился в Англии и в своем изначальном выражении не встречал противоречий как со стороны государства, так и со стороны наделения актов делегированного законотворчества юридической силой [2, с. 216]. Современная мировая практика свидетельствует о широком применении делегированного законодательст-

ва. Например, ст. 114 Конституции Румынии содержит прямое закрепление законодательного делегирования [6, с. 179]. Кроме того, практика некоторых стран позволяет так же отметить различный подход в наименовании актов делегированного законотворчества: декреты (Беларусь, Греция, Испания, Италия, Корея и другие страны), декреты-законы (Португалия), ордонансы (Молдова, Румыния, Франция) и даже законы (Казахстан) [7, с. 384, 385]

Обращаясь к тексту ст. 10 действующей Конституции РФ, отметим, что государственная власть в Российской Федерации разделяется на исполнительную, законодательную и судебную, которые самостоятельны[1]. Вполне обоснованно возникает вопрос: возможна ли подобная имплементация действий органами исполнительной власти, направленных на осуществление законодательного процесса? Анализ текста действующей Конституции РФ одновременно не запрещает делегирование законодательных полномочий, но и не дает однозначного ответа на вопрос о возможности делегирования законодательных полномочий иным субъектам. В то же время положения Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[2] позволяет выделить субъекты, предмет и стадии законодательного делегирования полномочий в Российской Федерации. Таким образом, мы не просто говорим о возможности развития делегированного законодательства в современной России, мы предлагаем развивать уже заложенные правовые возможности в части совершенствования эффективного законотворческого процесса.

Указанное порождает неоднозначное отношение ученых к развитию института делегирования законодательных полномочий. Так, В. С. Троицкий отмечает положительное влияние законодательного делегирования на качество принимаемых актов и предлагает его конституционное закрепление [5, с. 12]. В свою очередь, Л. А. Морозова считает: «Конституция не предусматривает каких-либо изменений в этой законотворческой цепочке, что позволяет утверждать о неприемлемости прямого делегированного законотворчества в России» [3, с. 318]. Мы же рассматриваем делегирование законодательных полномочий как оперативное нормативное регулирование происходящих в обществе процессов.

Кроме того, отсутствие правового закрепления делегирования законодательных полномочий, а также отсутствие в тексте Конституции РФ термина «делегирование» влечет за собой еще один дискуссионный опрос: одновременное использование нескольких терминов в отношении изучаемого процесса. Хотя мы прекрасно понимаем, что каждый юридический

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005, 2015. № 29 (ч.1). Ст. 4380.

термин уникален и несет в себе огромный результат научно-практической работы. Так, делегированное законодательство мы понимаем как результат деятельности органа либо должностного лица, которому передали полномочия по принятию того или иного акта. Делегированное законотворчество – многофункциональное явление, охватывающее процесс разработки нормативно-правового акта, взаимодействие ветвей власти в части совершенствования законодательства. Кроме того, стоит еще различать законодательное делегирование полномочий – возможность органов федеральной власти передавать указанные полномочия субъектам федерации или органам муниципальной власти (указанное в настоящее время не применяется).

Отметим, что история нашего государства знает практику применения делегированного законодательства, реализованную в рамках «оперативного правого регулирования». Например, Съезд народных депутатов РСФСР постановлением от 1 ноября 1991 года № 1831-1 «О правовом обеспечении экономической реформы» наделил Президента РСФСР Б. Н. Ельцина правом издавать указы, имеющие силу закона[3]. Цель такой делегации полномочий объективна – в условиях масштабного экономического кризиса было необходимо оперативное нормативное регулирование финансовой, биржевой, инвестиционной и иных видов деятельности. Отметим, что указанное делегирование было предоставлено только на один год. Отсюда одно из обязательных критериев делегированного законодательства – только срочный характер.

Безусловно, предлагая применение делегированного законодательства, стоит предусмотреть ответы на довольно сложные вопросы: не будет ли конфликта интересов во взаимодействии исполнительной и законодательной власти, и какую силу будут носить акты делегированного законотворчества. Отметим, что делегированное законодательство стоит рассматривать как форму реализации полномочия, но не как само полномочие. Кроме того, мы согласны с мнением и С. И. Арефиной, отмечающей: «Целью делегированного законодательства является “оптимизация государственного управления”, поэтому соответствующий институт должен “органично вписываться” в теорию разделения властей» [1, с. 8]. Кроме того, выделим ряд позитивных факторов делегирования законодательных полномочий: оперативность принятия нормативных актов и профессиональные навыки субъектов, отвечающих за качество подготавливаемых актов.

Таким образом, предлагаем рассматривать эффективное законодательное делегирование полномочий не через решение вопроса передачи законодательных полномочий (только в вопросе оперативного, порой упрощенного принятия законов), а через развитие субъектов правотворческих полномочий – передачу полномочий по разработке нормативных актов соответствующим квалифицированным органам, физическим лицам по вопросам ведения. Поясним, для нас делегация правотворческих пол-

[3] Ведомости СНД и ВС РСФСР, 31.10.1991, № 44, ст. 1456.

номочий – одно из предложений повышения эффективности качества принимаемых актов.

Отметим, что вопрос повышения качества законотворческого процесса в современной России далеко не нов. Например, в 2015 г. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации выпустил «Научные концепции развития российского законодательства» [4], в которых были сформулированы рекомендации по совершенствованию действующего законодательства для основных сфер общественной жизни с учетом вызовов современного экономического общества. Примечательно, что коллектив авторов смотрит на решение проблемы только с позиции устранения. Мы же придерживаемся точки зрения, согласно которой невозможно, применяя одни и те же средства, добиться качественного изменения рассматриваемой ситуации. По нашему мнению, необходимо рассмотреть указанный вопрос с позиции субъектов, отвечающих за качество подготавливаемых нормативных актов. В настоящее время зачастую законотворческие полномочия возложены на государственных служащих, не обладающих специальными академическими знаниями в вопросах юридической техники, законодательного процесса. Поэтому считаем весьма обоснованным предложить идею развития уникальной специализации юристов в области нормотворческой деятельности.

Необходимость рассмотрения возможности введения подобной практики подтверждает и имеющийся российский опыт: с июня 1994 г. по декабрь 2018 г. Правительством Российской Федерации в Государственную Думу было внесено 3627 законопроектов практически по всем сферам общественной жизни, многие из которых при их рассмотрении стали законами[4].

Отметим и тот факт, что практика делегированного законотворчества не должна иметь характер абсолютного применения, а использоваться при определенных условиях. Считаем обоснованным предложить возможные варианты применения делегированного законотворчества: например, при наступлении чрезвычайных ситуаций, а также в условиях, нетерпящих отлагательств. Возможно проведение реформ, когда Правительство выступает не только «более сведущим субъектом», но и когда необходимо незамедлительное реагирование на происходящие изменения, в первую очередь нормативно-правовое. Любая легализация делегированного законодательства в современной России должна осуществляется под жестким парламентским контролем.

Резюмируя, отметим, что институт делегирования государственных полномочий – перспективное направление совершенствования качества механизма управления. Безусловно, подобная деятельность должна осу-

[4] Система обеспечения законодательной деятельности https://sozd.duma.gov.ru/stat/spzistad/5/I (дата обращения: 22.11.2021).

ществляться в определенных границах и пределах, не нарушающих существующий баланс системы сдержек и противоречий, позволяющий выстраивать качественное взаимодействие системы разделения властей.

Список литературы

1. **Арефина С. И.** Конституционные основы делегированного законодательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2003. 24 с.
2. **Михайлов А. Е., Якадин Д. Д.** Делегированное законодательство как институт преодоления коллизии законодательных и правоприменительных актов: юридическая природа и перспективы развития в России // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 216 – 225.
3. **Морозова Л. А.** Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб и доп. М.: ЭКСМО, 2010. 510 с.
4. **Научные концепции** развития российского законодательства = Scientific concept of development of the russian legislation: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: Юриспруденция, 2015. 536 с.
5. **Троицкий В. С.** Делегированное законотворчество: теория и практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. 22 с.
6. **Чебуранова С. Е**. Конституции государств Центральной и Восточной Европы о делегированном законодательстве // Сучаснае беларускае права і правазнауства: здабыткі, стан, перспектывы. Гродно, 1998. С. 176 – 180.
7. **Шаповал В. Н.** Сравнительное конституционное право. Киев: Княгиня Ольга, 2007. 414 с.

References

1. **Arefina S.I.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Moscow, 2003, 24 p. (In Russ.).
2. **Mikhaylov A.Ye., Yakadin D.D.** [Delegated legislation as an institute for overcoming the collision of legislative and law enforcement acts: the legal nature and development prospects in Russia], *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], 2017, no. 11, pp. 216-225. (In Russ.).
3. **Morozova L.A.** *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Moscow: EKSMO, 2010, 510 p. (In Russ.).
4. **Naryshkin S.Ye. et al., Khabriyeva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (Eds.).** Scientific concept of development of the russian legislation, Moscow: Yurisprudentsiya, 2015, 536 p. (In Russ.).
5. **Troitskiy V.S.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Moscow, 2005, 22 p. (In Russ.).
6. **Cheburanova S.Ye.** [Constitutions of Central and Eastern European states on delegated legislation], *Sovremennoye belorusskoye pravo i pro-nauka: dostizheniya, sostoyaniye, perspektivy* [Modern Belarusian law and pro-science: achievements, status, prospects], Grodno, 1998, pp. 176-180 (In Russ.).
7. **Shapoval V.N.** *Sravnitel'noye konstitutsionnoye pravo* [Comparative constitutional law], Kiyev: Knyaginya Ol'ga, 2007, 414 p. (In Russ.).

Some Issues of the Implementation of Delegated Legislation as a Way to Improve the Current Legislation

A. V. Shindina, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
a.v.shindina@yandex.ru

The article comprehensively investigates the constitutional and legal nature of the institution of delegated legislation. The author raises the question of the possibility of implementing the institution of delegated legislation into the existing system of separation of powers, enshrined in the current Constitution of the Russian Federation. The author considers the possibility of implementing the delegation of powers in terms of the development of regulatory legal acts, as well as the exclusive right to implement delegated legislation, as one of the ways to improve the current legislation. The paper emphasizes the relationship between the quality of the law-making process and the possibility of effective transformations in modern Russia. Examples of the implementation of the institution of delegated legislation both in a number of foreign countries and in Russia are given. The author not only substantiates the need for the development of delegated legislation, but also separately studies the issue of creating professional lawmaking.

Keywords: delegation of powers; delegated legislation; legislative delegation; separation of powers; parliament; government.

© А. В. Шиндина, 2021

Статья поступила в редакцию 06.09.2021

При цитировании использовать:

Шиндина А. В. Некоторые вопросы реализации делегированного законодательства как способа совершенствования действующего законодательства // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 153 – 158. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.153-158